

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2025

Том 25

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

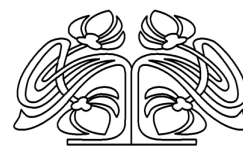
ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

К 90-летию открытия исторического факультета СГУ

Голуб Ю. Г., Данилов В. Н. Третий университетский истфак страны 146

Отечественная история

Рыбин Д. В. Государство и легалистская пресса: 40 лет под давлением (1864–1904) 154

Рабинович Я. Н. Иван Федорович Леонтьев – воевода и царский ловчий
при дворе Михаила Романова 162

Сидорчук И. В. Трамвайные аварии в советской городской повседневности
1920-х годов 173

Всеобщая история

Долгова Т. А. Кв. Метелл Сципион. Штрихи к биографии знатнейшего
из помпеянцев 181

Хачатрян Т. С. Образ Тиграна II Великого в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци 191

Костогрызова С. Е. Сведения западноевропейских источников о несторианах
государств Чингизидов во второй половине XIII – начале XIV века 197

Лештаев Д. В. Иностранцы в экономике и социуме Лондона XIV в.:
взаимодействие и конфликты 208

Международные отношения

Алимова-Нефёдова М. Б. Основные характеристики внешней политики
карликовых государств Европы в XX веке 218

Семенова М. С. Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции 228

Дроздов Д. С. Санкционная политика ООН и США в отношении Северной Кореи:
сравнительный анализ (2006–2020 годы) 237

Алексеев Д. С. Основные теоретические подходы к проблемам современной
регионализации и ее динамика в условиях конфликтной международной среды 243

Чолахян А. В., Чолахян В. А. Украинский кризис
и современное международное право 250

Региональная история и краеведение

Варфоломеев А. Ю. «Беспощадный холерный бунт черни»: причины
и характер массовых народных выступлений в Саратовской губернии в XIX веке 257

Слижевская М. Р. Участие немецкого населения Саратовской губернии
в благотворительной деятельности местного отделения Российского общества
Красного Креста (1870-е гг. – начало XX в.) 264

Азин В. С. Подготовка военных кадров для РККА и РККФ в Вольске в годы
Гражданской войны (1918–1922 гг.) 273

Федотов П. П. Деятельность Саратовской губернской комиссии Губернского совета
народного хозяйства по борьбе со взяточничеством в 1920-е годы 279

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7).

Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год.
Подписной индекс издания 36018.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.06.2025.

Подписано в свет 30.06.2025.

Выход в свет 30.06.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.56 (17.75).

Тираж 100 экз. Заказ 53-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Author ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Author ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на приставный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlyaavtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: iimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

On the 90th anniversary of the opening of the history faculty of SSU

Golub Yu. G., Danilov V. N. The third University History Faculty of the country 146

Russian History

Rybin D. V. The state and the legalist press: 40 years under pressure (1864–1904) 154

Rabinovich Ya. N. Ivan Fedorovich Leontiev – voivode and royal hunter at the court of Mikhail Romanov 162

Sidorchuk I. V. Tram accidents in the Soviet urban everyday life of the 1920s 173

World History

Dolgova T. A. Q. Metellus Scipio. Touches to the biography of the most noble of the Pompeians 181

Khachatryan T. S. The image of Tigran II the Great in Movses Khorenatsi's "History of Armenia" 191

Kostogryzova S. E. Information from Western European sources about the Nestorians of the Genghisid states in the second half of the XIII – early XIV centuries 197

Leshtaev D. V. The aliens in the economy and society of London in the 14th century: Interaction and conflicts 208

International Relations

Alimova-Nefedova M. B. Main foreign policy characteristics of European dwarf states in the 20th century 218

Semenova M. S. Eurasian economic integration: Stages of evolution 228

Drozdoz D. S. UN and U.S. sanctions policies toward North Korea: Comparative analysis (2006–2020) 237

Alekseev D. S. Main theoretical approaches to the problems of modern regionalization and its dynamics in the context of a conflictual international environment 243

Cholakhian A. V., Cholakhian V. A. The Ukrainian crisis and modern international law 250

Regional History and Local Studies

Varfolomeev A. Yu. "The merciless Cholera Riot of the mob": Causes and nature of mass popular riots in the Saratov Province in the 19th century 257

Slizhevskaya M. R. Participation of the German population of Saratov Province in the charitable activities of the local branch of the Russian Red Cross Society (1870s – early XX century) 264

Azin V. S. Training of military personnel for the Red Army in Volsk during the Civil War (1918–1922) 273

Fedotov P. P. The activities of the Saratov Provincial Commission of the State Agricultural Committee on combating bribery in the 1920s 279

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

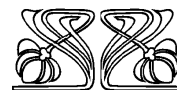
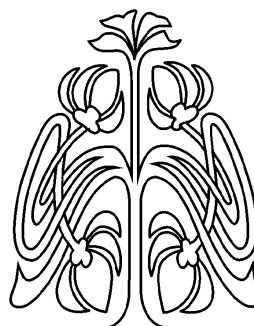
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

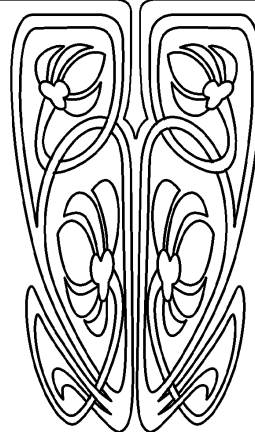
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

К 90-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 146–153

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 146–153

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-146-153>, EDN: AQDDDE

Научная статья

УДК [378.4.096:94](470.44-25)|1935/2025|+929

Третий университетский истфак страны

Ю. Г. Голуб[✉], В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, AuthorID: 299696

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Аннотация. Редакционная коллегия журнала в настоящей статье обращается к важному событию в истории Саратовского университета – 90-летию открытия исторического факультета, который стал третьим истфаком в РСФСР. Рассмотрены обстоятельства учреждения факультета, начало и основные этапы его деятельности. Показан вклад в подготовку специалистов с высшим историческим образованием, важнейшие научные достижения и роль ведущих ученых.

Ключевые слова: Саратовский университет, исторический факультет, образование, наука, Великая Отечественная война

Для цитирования: Голуб Ю. Г., Данилов В. Н. Третий университетский истфак страны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 146–153. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-146-153>, EDN: AQDDDE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The third University History Faculty of the country

Yu. G. Golub[✉], V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yury G. Golub, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, AuthorID: 299696

Victor N. Danilov, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Abstract. The editorial board of the journal in this article refers to an important event in the history of Saratov University – the 90th anniversary of the opening of the Faculty of History, which became the third Faculty of History in the RSFSR. The circumstances of the establishment of the faculty, the beginning and main stages of its activity are considered. The contribution to the training of specialists with higher historical education, the most important scientific achievements and the role of leading scientists are shown.

Keywords: Saratov University, Faculty of History, education, science, Great Patriotic War

For citation: Golub Yu. G., Danilov V. N. The third University History Faculty of the country. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 146–153 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-146-153>, EDN: AQDDDE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0

International License (CC-BY 4.0)

К началу 1930-х гг. вызванные революцией многочисленные эксперименты в образовании привели к утрате практически всеми университетами страны их гуманитарной составляющей. Возобладал подход создания на базе университетских факультетов небольших профильных институтов. Не стал исключением и Саратовский университет. Открытый в нём в 1917 г. историко-филологический факультет [1, с. 7–10; 2, с. 81–86; 3, с. 5–7] в результате неоднократных пертурбаций растворился в факультете общественных наук, часть которого в свою очередь была вклю-

чена в педагогический факультет, где создали историческое отделение. В 1931 г. педагогический факультет был преобразован в самостоятельный институт. Таким образом, в университете не стало подразделений, осуществлявших подготовку кадров историков. Еще раньше в связи с развернувшейся кампанией давления Саратов были вынуждены покинуть большинство преподавателей, заложивших в университете основы исторического образования и обстоятельных исторических исследований. На это накладывалось

и в целом не самое благоприятное отношение к истории как учебной дисциплине и науке.

В результате указанных процессов подготовка историков в стране фактически свелась к обучению учительских кадров. В перспективе это означало окончательную утрату поколенческой преемственности в организации исторической науки и растущую нехватку профессиональных историков для подготовки тех же учителей. Понимание возникшей проблемы совпало с отказом высшего партийного руководства под влиянием упрочения советской власти на фоне продвижения социалистической модернизации и нарастания внешних угроз от откровенно схематичной трактовки исторического процесса в духе вулгаризированного марксизма, осознанием им роли исторических знаний в формировании у молодого поколения советского патриотизма.

Начало новому этапу в развитии исторической науки и исторического образования было положено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Важнейшим звеном в системе мер, направленных на исправление неудовлетворительной постановки обучения школьников истории, стало восстановление исторических факультетов в университетах. Решение по Саратовскому университету в этом отношении Наркомат просвещения РСФСР принял 8 сентября 1935 г. Буквально на следующий день, 9 сентября, директор университета Г. К. Хворостин издает приказ № 105, который гласил: «Согласно приказа Наркомпроса РСФСР за № 828 от 8 сентября 1935 г. в целях подготовки высококвалифицированных специалистов научно-исследовательской и педагогической работы по истории открыть с 15 сентября 1935 г. исторический факультет в составе Саратовского государственного университета с контингентом приема в 1935/36 уч. году в 120 человек. Деканом истфака Саргосуниверситета утвердить проф. Рыкова П. С.» [4, л. 116 об].

Таким образом, истфак СГУ стал третьим в РСФСР после МГУ и ЛГУ, которые начали свою работу с 1 сентября 1934 г., и первым в провинции. Не случайно поэтому, как и в столичных университетах, на истфаке СГУ сразу же было создано пять кафедр: истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории [народов] СССР и истории колониальных и зависимых стран. В 1940 г., опять же вслед за МГУ и ЛГУ, появилась кафедра археологии и этнографии. Для провинциальных университетов такой набор кафедр стал уникальным явлением в течение всего последующего советского периода, и это позволило сразу нацелиться на научные исследования практически по всему спектру исторических проблем и организовать полноценную подготовку специалистов-историков.

В отличие от Московского университета, где подготовка к восстановлению исторического факультета заняла нескольких месяцев, в Саратове,

как писал некоторое время спустя П. С. Рыков, «подготовительные работы к фактическому осуществлению постановления об открытии истфака были проведены ускоренными темпами: с 11 сентября был объявлен прием студентов и с 16 сентября начались занятия, правда, лишь для одной группы. С 1 октября были организованы занятия и остальных 3-х групп...» [5]. Всего осенью 1935 г. к занятиям приступили 106 студентов-историков, более трети из них была переведена с других факультетов университета – геолого-почвенно-географического (30 человек), химического (2 человека) и физико-математического (5 человек) [4, л. 121]. Юридически это было не сложно сделать, поскольку все абитуриенты в то время, независимо от будущей специальности, сдавали один и тот же набор вступительных экзаменов (математика, русский язык, физика, химия и обществоведение). Саму же «экзаменационную комиссию по проведению испытаний поступающих на исторический факультет», назначенную приказом директора университета 14 сентября 1935 г., возглавил профессор-химик Н. А. Шлезингер [4, л. 118].

В работу по организации истфака активно включились местные партийно-советские органы. 13 сентября 1935 г. бюро Саратовского крайкома ВКП (б), рассмотрев вопрос «О выполнении решения ЦК об открытии исторического факультета СГУ к 15 сентября», создало для этой цели комиссию во главе с заместителем заведующего отдела агитации и пропаганды крайкома Татуловым, в состав которой также вошли директор университета Хворостин, зам. председателя горисполкома Глазунов и профессор Рыков. Комиссии поручалось рассмотреть конкретные предложения руководства вуза и «в окончательном виде представить их» на утверждение [6, л. 44]. Своим решением от 5 октября 1935 г., основываясь на предложениях комиссии, бюро крайкома ВКП (б) постановило передать одно из зданий города под студенческое общежитие, а горисполкому в декадный срок изыскать помещение в 500 кв. метров для учебных занятий студентов исторического факультета. Этим же решением были утверждены заведующим кафедрой истории древнего мира П. С. Рыков и первые преподаватели факультета: Ф. С. Большов (философия), Р. А. Таубин (история СССР), Г. С. Зайдель (новая история) и В. Н. Охотимский (история древнего мира). Руководителей остальных кафедр предполагалось утвердить в течение двух последующих месяцев. Одновременно заведующему отделом школ крайкома Егорову и директору университета Хворостину поручалось послать в ЦК ВКП (б) «записку с просьбой об откомандировании в Саратов для исторического факультета преподавателей исторических дисциплин» [6, л. 98 об]. Не дожидаясь их прибытия, в октябре 1935 г. к работе на историческом

факультете были привлечены еще некоторые саратовские специалисты – В. А. Осипов (по истории СССР), И. В. Синицын (по истории доклассового общества), А. И. Доватур (по латинскому языку и истории Древнего Востока), С. Д. Альфиш (по политэкономии) [4, л. 130]. Работник областного музея краеведения Н. К. Арзютов назначался научным сотрудником для «заведования музеем истфака» [4, л. 134].

31 октября 1935 г. крайком ВКП (б) вынес решение о передаче историческому факультету здания бывшей хлебной биржи (ул. Радищева, 41), которое занимал в то время рабфак Саратовского автодорожного института [6, л. 167]. Пока это здание освобождалось и оборудовалось для новых обитателей, весь первый семестр занятия историков-первокурсников проводились в аудиториях I, II и III учебных корпусов СГУ. В связи с этим из университетских корпусов по распоряжению горисполкома был выведен ряд сторонних организаций [7, л. 310]. «Ко второму полугодью истфак получил новое помещение на углу Ленинской [ныне – Московской] и Радищевской улиц. Студентам и преподавателям оно показалось хоромами. Просторно, чисто, уютно. А главное – свое собственное здание, в центре города, с выходом на две главные улицы», – вспоминал бывший студент, а впоследствии профессор исторического факультета СГУ С. А. Соколов [8]. Официально решение по вопросу о передаче данного здания «в бессрочное и безвозмездное пользование» исполком Саратовского горсовета вынес 17 марта 1936 г. [9, л. 49]. В этом корпусе, ставшем по нумерации четвертым в университете, историки «прожили» 65 лет.

Большое значение имело формирование библиотек факультета и кабинетов его кафедр. По распоряжению крайкома ВКП (б) с самого начала в них передавались книги из отпочковавшихся от университета вузов, упраздненного Нижневолжского общества краеведения, неиспользуемые книжные фонды ряда районных центров [9, л. 98 об]. Позже солидные приобретения дореволюционной исторической литературы были сделаны в магазинах букинистической книги Москвы, Ленинграда, Саратова. Большое значение имела передача истфаку специально подобранной библиотеки канцлера К. Нессельроде [10, с. 248–249]. Важную роль в комплектовании и описании книжного фонда исторического факультета сыграл известный ученый-марксист академик Д. Б. Рязанов, сосланный в Саратов и работавший в то время консультантом Научной библиотеки СГУ. При этом, конечно, основная заслуга в организации факультета принадлежит его первому декану Павлу Сергеевичу Рыкову. Он проработал на этом посту до августа 1937 г., когда был арестован и осужден по ложному обвинению. В последующие довоенные годы работу по укреплению учебной базы и обеспечению

его научно-педагогическими кадрами продолжили в качестве деканов доценты Р. А. Таубин, Б. С. Зевин, Т. Л. Морозова.

При формировании преподавательского состава нового исторического факультета Саратов получил серьезное кадровое вливание специалистов-историков преимущественно из числа окончивших аспирантуру в московских и ленинградских вузах, учителями которых были в том числе крупные историки «старой школы». Характерно в этом смысле замечание впоследствии одного из ведущих представителей саратовской исторической школы – Л. А. Дербова, приехавшего в 1938 г.: «Особенно многим обязан С. В. Бахрушину, который был любимым учеником В. О. Ключевского (так что я, в известном роде, – внук Ключевского!)» [11, с. 206]. Среди этой группы преподавателей предвоенного истфака, помимо уже упоминавшихся работников, были: античник И. И. Вейцковский, медиевисты А. С. Бартенев и С. М. Пумпянский, востоковеды Л. Н. Михалев и А. М. Дубинский, специалисты по отечественной истории А. Л. Шапиро и Г. М. Деренковский и другие.

В довоенный период преподаватели истфака при полном отсутствии вузовских учебников и сводных работ, соответствовавших духу времени, создавали оригинальные лекционные курсы и разрабатывали методические подходы обучения предметам. Серьезным образом была поставлена работа специальных семинаров, подготовка курсовых и дипломных работ, вовлечение студентов в научные кружки и кафедральные исследования. Научная деятельность ученых отражала потребности тогдашнего этапа развития советской исторической науки и охватывала актуальную проблематику. Саратовские историки работали над историей народов Поволжья и Саратовского края, занимались изучением наследия Н. Г. Чернышевского, проводили археологические исследования, разрабатывали темы по истории русского крестьянства, вопросы историографии и другие важные проблемы отечественной и зарубежной истории. Ряд исследований вылились в защищенные тогда кандидатские диссертации (Р. А. Таубин, В. А. Осипов, Т. Л. Морозова, Э. К. Путнынь и другие).

Заметный след в жизни факультета оставил приезд в Саратов профессора (позднее академика) Анны Михайловны Панкратовой, которая работала на истфаке в 1937–1940 гг. и некоторое время заведовала кафедрой истории СССР. Ее усилиями была открыта аспирантура по истории, что позволило готовить собственные кадры высшей квалификации. Именно в Саратове Панкратова написала учебник для школьников по истории СССР, выдержавший затем десятки изданий.

Студенты первых наборов исторического факультета отличались организованностью, высокой успеваемостью, общественно-политической активностью. Факультет не раз завоевывал первое

место в социалистическом соревновании университета. Высокую сознательность и патриотизм продемонстрировали многие студенты-историки, ушедшие добровольцами на фронт в составе лыжного батальона в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Погибли в ходе военных действий Ф. Рамазанов, П. Шилин, В. Дашко, боевыми наградами были отмечены Н. Кузьмин, В. Шеметов, А. Карабельщиков, В. Садиков и другие.

Первый выпуск исторического факультета состоялся в 1940 г.: из 53 окончивших его 16 получили дипломы с отличием. Часть молодых специалистов остались работать на гуманитарных кафедрах в СГУ (А. П. Васильчук, В. И. Ивакин, С. А. Соколов, П. А. Кузнецов, Н. Г. Гончаренко, П. А. Анохин), другие поступили в аспирантуру (Н. В. Афанасьев, Н. Н. Мельников). Многие из числа первых выпускников истфака впоследствии стали крупными дипломатами, государственными и военными деятелями (В. Ф. Грубяков, М. Ф. Кучмин, А. В. Щукин, Н. Ф. Кузьмин и другие).

В годы Великой Отечественной войны коллектив исторического факультета (в его состав с осени 1941 г. и до конца войны входило филологическое отделение) работал в заметно осложнившихся условиях. Десятки студентов и преподавателей влились в ряды Красной Армии, мужественно сражаясь на различных участках советско-германского фронта. Звания Героя Советского Союза был удостоен студент-истфаковец Н. Я. Казаков. Оставшиеся в Саратове трудились на возведении оборонительных сооружений, в госпиталях, на фабриках и заводах, на заготовке дров и уборке урожая. Учебный корпус факультета был передан другой организации, на некоторых кафедрах оставалось всего 2–3 сотрудника. На время коллектив факультета получил пополнение за счет некоторых ведущих ученых московских и ленинградских вузов, эвакуированных в Саратов. В 1941–1942 гг. кафедре истории СССР возглавлял известный специалист по истории России, профессор Московского университета Н. Л. Рубинштейн, одновременно исполнявший обязанности декана. В 1943–1944 гг. этой кафедрой руководил В. В. Мавродин, профессор Ленинградского университета. Научное содружество ученых Саратовского и Ленинградского университетов позволило провести ряд защит кандидатских диссертаций, выполненных саратовскими историками И. В. Сеницыным, Л. А. Дербовым, А. М. Дубинским и А. Л. Шапиро. Историки читали лекции перед населением, готовили материалы для местной печати и радио на общественно-политические и военно-патриотические темы. Не всем истфаковцам удалось возвратиться с фронта. Погибли в боях за Родину бывший декан факультета Б. С. Зевин, студенты Вячеслав Шеметов, Николай Пузанов, Василий Садиков, Федор Самсонов, Иван Хмелев и другие.

В послевоенные годы исторический факультет постепенно восстановил свои силы, пополнил преподавательский состав, возобновил работу аспирантуры, значительно увеличил прием студентов, в том числе за счет открытия заочного и вечернего отделения. Осенью 1955 г. в связи с объединением исторических факультетов университета и педагогического института (второй раз это произойдет в 1999 г.) истфак получил очередное солидное пополнение своих рядов. В его штат были зачислены высококвалифицированные и перспективные работники. Один из них – В. К. Медведев – в 1962 г. защитил докторскую диссертацию, тем самым первым среди преподавателей факультета преодолел характерную тогда для историков провинциальных университетов «докторобоязнь».

С 1960-х гг. исторический факультет Саратовского университета становится одним из ведущих научно-образовательных центров страны, отличаясь традиционно высоким уровнем подготовки специалистов и научными разработками в области отечественной и всеобщей истории. Немалая заслуга в этом деканов факультета И. В. Сеницына, В. А. Осипова, И. С. Кашкина, В. И. Тюрина, Г. А. Герасименко, И. В. Галактионова.

В 1960–80-е гг. сложилась структура факультета в составе пяти кафедр: истории древнего мира, истории средних веков, истории нового и новейшего времени, истории СССР досоветского периода, истории СССР советского периода, которая оставалась неизменной вплоть до конца 1990-х гг., поменялись лишь названия двух последних. Они стали называться кафедрами истории России и отечественной истории в новейшее время соответственно.

В указанный период на факультете заметно расширился перечень научных направлений, они получили дальнейшее развитие и содержательное наполнение. В этом заслуга таких известных и авторитетных ученых, как В. Г. Борухович, С. М. Стам, А. И. Озолин, А. Ф. Остальцева, Л. А. Дербов, В. В. Пугачев, Н. А. Троицкий, И. В. Порох, Г. Д. Бурдей, С. А. Соколов, Д. П. Ванчинов, Г. А. Герасименко, И. Д. Парфенов, их учеников и последователей.

Важным событием стало открытие в 1971 г. Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам. Это позволило значительно повысить эффективность работы аспирантуры, что в целом позитивно сказалось и на квалификационном уровне всего преподавательского состава. В начале 1980-х гг. на историческом факультете уже работали 10 докторов наук и 25 кандидатов наук, обеспечивавших изучение широкого спектра проблем исторической науки.

На кафедре истории древнего мира оформилось несколько ведущих направлений научных исследований: изучение культуры классической

и эллинистической Греции и древнего Рима, античная археология, разработка новых методов исследования античной экономики по материалам греческой керамической тары VII–II вв. до н. э. Сотрудниками кафедры были опубликованы, в том числе и за рубежом, несколько монографий, учебников, большое количество статей, с 1972 г. начал регулярно издаваться межвузовский научный сборник «Античный мир и археология», ставший в те времена заметным явлением творческого взаимодействия ученых различных научных центров и стран.

На кафедре истории средних веков изучались проблемы истории средневекового города, истории народных движений средневековья, прежде всего гуситского движения, истории культуры. Разработанная сотрудниками кафедры оригинальная концепция истории средневекового города открыла широкие перспективы её дальнейшего осмысления в масштабах всей страны. Историко-урбанистическая тематика стала предметом большинства кандидатских диссертаций аспирантов кафедры. С 1969 г. начал выходить межвузовский сборник научных трудов «Средневековый город», ставший одним из первых в нашей стране тематическим серийным изданием по средневековой тематике. С середины 1970-х гг. на кафедре стало формироваться новое направление научных исследований – история культуры итальянского Возрождения. Начал издаваться также межвузовский сборник научных статей «Славянский сборник».

В свою очередь, сотрудники кафедры истории нового и новейшего времени изучали историю рабочего движения в США и Западной Европе, историю международных отношений на Балканах и Ближнем Востоке, проблемы национально-освободительного движения в странах Азии и Северной Африки. Появилась тематика, связанная с американистикой, германистикой и изучением истории исторической науки и истории общественной мысли. Колониальная тематика обрела новый аспект исследований – взаимодействие цивилизаций и трансляция культур. С 1973 г. сотрудники кафедры начинают издавать научный сборник статей «Новая и новейшая история».

Кафедра истории СССР досоветского периода в рассматриваемый период главное внимание уделяла изучению истории освободительного движения и общественной мысли в России, а также занималась исследованиями по истории российской внешней политики XVI–XIX вв., историографии, проводила археологические изыскания в регионе. Особенно заметные успехи были достигнуты в изучении деятельности декабристов, Герцена, Чернышевского, народников, общественной и исторической мысли в России. Появились интересные краеведческие публикации. Началось регулярное издание межвузовских

научных сборников «Освободительное движение в России» и «Историографический сборник».

Преподаватели кафедры истории СССР советского периода плодотворно разрабатывали проблемы истории революции 1917 г., экономической политики в годы Гражданской войны, истории первых советских пятилеток, занимались изучением фронта и тыла периода Великой Отечественной войны. Исследование этих проблем в основном велось на материалах Поволжья, что находило свое отражение и в издаваемом кафедрой с 1972 г. межвузовском сборнике «Поволжский край». Сотрудники кафедры приняли активное участие в написании самой известной в то время в регионе объемной коллективной монографии «Октябрь в Поволжье», ответственным редактором которой был профессор В. К. Медведев [1, с. 83–90].

Перемены, начавшиеся со второй половины 1980-х гг., как известно, привели к радикальным изменениям политического и социально-экономического устройства в стране. История и как наука, и как учебная дисциплина оказалась в фокусе острых общественных дискуссий. В процессе её деидеологизации предпринимались усилия отказаться практически от всех наработок советской исторической науки, взглянуть на прошлое, просто поменяв местами в его оценках прежние плюсы и минусы. На плечи истфакских преподавателей легла непростая ноша скорейшей переработки лекционных курсов, тематики семинарских занятий, исходя из собственного видения исторического процесса в контексте возобладавшего плюрализма подходов и оценок. Тем не менее в ситуации крушения прежних идеологических постулатов и понятного в связи с этим кризиса исторической науки преподаватели исторического факультета сумели сохранить всё ценное, что было накоплено за многие десятилетия, и, оперевшись на открывшиеся возможности, сделать заметный шаг в своей образовательной и научной деятельности. В определённой степени этому способствовало и расширение вузовских связей с зарубежными коллегами. В 1994–1997 гг. истфак в партнерстве с университетами городов Пуатье, Анже (Франция) и Гранада (Испания) участвовал в реализации масштабной международной программы «Temprus». Участие в этой программе преподавателей и студентов факультета позволило им познакомиться с зарубежным образовательным опытом, нарастить языковые компетенции, завязать научные связи с европейскими коллегами, способствовало открытию на факультете новой специальности «социально-культурный сервис и туризм».

Новые формы поддержки научных исследований, появившиеся в 1990-е гг., прежде всего, в виде различных грантов и зарубежных стажировок стимулировали работу сложившихся ученых, способствовали вовлечению в науку

их более молодых коллег, что было особенно важно в ходе происходившей на факультете смене поколений. Увеличилась «продуктивность» докторантуры и аспирантуры. Именно в эти годы эстафету именитых истфакских «стариков» стала подхватывать плеяда их учеников – профессора А. А. Кредер, Н. И. Девятайкина, Ю. Г. Голуб, Н. С. Креленко, В. Н. Парфенов, А. Н. Галямичев, В. Н. Данилов, С. Ю. Монахов Т. В. Мосолкина, В. И. Кашеев, С. А. Мезин, С. Ю. Шенин, А. А. Герман, Е. Н. Морозова и другие.

В 2000–2004 гг. в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» осуществлялась работа по поддержке двух кафедр истфака (истории России и истории нового и новейшего времени), что позитивно повлияло не только на рост их возможностей, но благотворно сказалось на всем факультете. Важное значение для активизации исторических исследований имело и открытие в 2004 г. при Саратовском университете Межрегионального института общественных наук. В итоге в 2000-е гг. на факультете появилась новая генерация докторов наук: В. С. Мирзеханов, А. В. Гладышев, А. П. Мякшев, Л. Н. Чернова, С. Е. Киясов, Ю. В. Варфоломеев, В. А. Чолахян. При этом значительно расширился диапазон исследований преподавателей всех кафедр.

На кафедре истории России наряду с ранее сложившимися направлениями – история освободительного движения и общественной мысли – разрабатывались новые темы: история русско-европейских культурных связей XVIII–XIX вв., история русской культуры, историко-семантические исследования русского общественного сознания XVIII–XIX вв., военная история XIX в., история науки и университетского образования, история русской адвокатуры, история Смутного времени. В 2001–2003 гг. на кафедре реализовался проект «Власть, общество, народ в России XVIII–XX вв.: национальные традиции и европейское влияние» в сотрудничестве с Санкт-Петербургским Институтом истории РАН.

Схожие процессы происходили и на кафедре отечественной истории в новейшее время. Научно-исследовательская работа пополнилась актуальной проблематикой: история российских немцев, история самоуправления в России, история российской внешней политики и интеллигенции. На новый уровень вышла подготовка кадров высшей квалификации через докторантуру и аспирантуру. На кафедре стали издаваться сборники научных трудов «Новейшая история Отечества XX–XXI вв.» и «Военно-исторические исследования в Поволжье». Усилиями главным образом сотрудников упомянутых этих двух кафедр отечественной истории в тот период были созданы три тома фундаментального издания «Очерки истории Саратовского Поволжья» (под редакцией профессоров И. В. Пороха и Ю. Г. Голуба) [12, с. 210–214].

На высоком уровне продолжали функционировать и кафедры, ориентированные на основные периоды всеобщей истории. Нарастив объем научных исследований и расширив научные связи, кафедра истории древнего мира стала проводить с двухгодичной периодичностью международную научную конференцию «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Началась публикация сборников работ начинающих исследователей-антиковедов под общим названием «*Antiquitas Juventae*».

Сотрудники кафедры истории средних веков, опираясь на начинания своих учителей и старших коллег, продолжали изучать традиционные и одновременно наиболее востребованные в современной исторической науке проблемы, находя в них всё новые ракурсы: история средневекового города и города раннего нового времени; история культуры средних веков, эпохи Возрождения. Кафедра продолжила традиции проведения всероссийских и международных конференций по медиевистике: «Научные чтения памяти профессора А. И. Озолина», конференций «Город и общество», «Британские чтения», «Историческое прошлое и образы истории», «Историческая наука и судьбы историков» и других.

В свою очередь, на кафедре истории нового и новейшего времени началось возрождение американистики, в частности истории «нового курса» президента Ф. Рузвельта, истории корпораций в США, усилилось внимание к истории колониализма и постколониального развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, продолжали оставаться в центре внимания проблемы взаимодействия и трансляции культур Восток–Запад, история духовной и социальной жизни Западной Европы нового времени, историографии и истории культуры западноевропейских стран.

В 1998 г. на факультете была создана кафедра историографии, региональной истории и археологии. Её открытие было обусловлено, прежде всего, возросшим значением изучения и преподавания местной истории, глубокими традициями исторического краеведения в Саратовском университете. Учитывалось также то, что археологическое направление в университете во многом было ориентировано на местную тематику, а сами преподаватели-археологи являлись специалистами в области региональной истории. Кафедра издавала научные сборники «Поволжский край» и «Саратовский краеведческий сборник». При участии сотрудников кафедры было осуществлено написание коллективных трудов «Энциклопедия Саратовского края», «Местное самоуправление Саратова: история и современность», «История Саратовского университета. 1909–2009», изданного к 100-летию вуза.

В 2000 г. для обеспечения преподавания исторических дисциплин на непрофильных факультетах университета была создана кафедра истории российской цивилизации, на которую

впоследствии была возложена функция выпускающей по новому направлению подготовки «педагогическое образование (профиль “история”)», и она стала называться кафедрой Российской цивилизации и методики преподавания истории. Кафедра издавала научный сборник «Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории».

Этот насыщенный период деятельности факультета пришелся на время деканства профессоров И. Д. Парфенова и В. С. Мирзеханова. Тогда происходило не только содержательное изменение образовательного процесса, обновление тематики научных исследований и расширение научно-образовательных связей с зарубежными университетами. Все это совпало и с очередной сменой поколений. Она сопровождалась активной подготовкой новых кадров через докторантуру и аспирантуру. Увеличивался и кадровый состав факультета. За это время укрепилась материальная база факультета, дважды менялось место его территориального нахождения. С 1998 по 2005 гг. он располагался в здании бывшего летного училища на углу улиц Московской и Университетской (IV корпус СГУ), а в декабре 2005 г. переехал в новый, только что построенный XI корпус. Усилившийся потенциал факультета нашел свое выражение в открытии в нем новых специальностей: международные отношения и юриспруденция. Появились и соответствующие кафедры. Реализация на факультете неродственных специальностей, входивших в разные группы, в свою очередь, повлекла за собой необходимость его трансформации. В декабре 2007 г. исторический факультет был реорганизован в Институт истории и международных отношений. Директором Института был назначен профессор В. Н. Данилов. В начале 2010 г. его сменила профессор Т. В. Черевичко.

Спустя некоторое время произошло объединение ряда кафедр. Сейчас в составе ИИиМО их 7: истории России и археологии (заведующий профессор С. А. Мезин), отечественной истории и историографии (заведующий профессор В. Н. Данилов), всеобщей истории (заведующий профессор Л. Н. Чернова), истории древнего мира (заведующий профессор С. Ю. Монахов), международных отношений и внешней политики России (заведующий профессор Ю. Г. Голуб), туризма и культурного наследия (заведующий профессор Т. В. Черевичко), региональной истории и музееведения на базе Исторического парка «Россия – Моя история» (заведующий профессор А. В. Гладышев) и несколько научно-образовательных центров. Некоторые изменения произошли и в организации и планировании кафедральной научной деятельности. Кафедры перешли к пятилетнему циклу реализации своих масштабных инициативных научно-исследовательских тем, включающих в себя, как правило, и их ранее сложившуюся кафедральную проблематику.

На кафедре истории России и археологии разрабатывается тема «Власть и общество в России XVII – начала XX веков и русско-европейское взаимодействие». Она предполагает выявление сущности социально-политических и культурных процессов в России XVII – начала XX вв. в контексте русско-европейских отношений, в том числе проведение просопографического изучения администрации и населения Саратова XVII в.; выявление и анализ противостояния власти и оппозиции в поздней имперской России, влияния Русско-японской войны на социально-политическую жизнь Саратовской губернии. На кафедре интенсивно изучаются проблемы археологии Восточно-Европейской степи.

Кафедра отечественной истории и историографии ведет две темы. Одна «Исторический феномен Советского государства и современная Россия: власть, общество и регионы» направлена на изучение политических и социально-экономических аспектов функционирования институтов власти Советского государства и современной России, их взаимодействия с обществом на различных этапах отечественной истории XX–XXI вв. в общероссийском и региональном разрезе, влияния на межнациональные отношения. Другая тема «Проблемы исторического образования в России: наследие прошлого и современные тенденции развития» нацелена на изучение соотношения формационного и цивилизационного подходов к истории, использование историко-сравнительного метода для оптимизации исторического образования, исследование основных направлений развития исторического образования во взаимосвязи со стратегическими целями политического развития страны.

Сотрудники кафедры истории древнего мира сконцентрированы на теме «Античная экономика». В ее рамках они изучают торговлю и греко-варварские контакты в античном Причерноморье на основе комплексного рассмотрения археологических артефактов, прежде всего греческих амфор из музейных собраний Черноморского и Евпаторийского музеев.

Научная тема «Запад и Восток в истории и исторической памяти: социокультурные, политические и ментальные аспекты рискогенности общества» выбрана кафедрой всеобщей истории. Усилия преподавателей и аспирантов направлены на комплексное изучение истории цивилизаций Запада и Востока от средних веков до начала XXI в. в социокультурном, политическом и ментальном аспектах, механизмов формирования исторической памяти, способов её закрепления и передачи, конфликтов в традиционном, индустриальном и информационном обществах; на анализ рисков кризисных периодов и переходных эпох.

Кафедра международных отношений и внешней политики России ориентировала свою исследовательскую тему «Проблемы международных

отношений и внешней политики России (СССР) в XX–XXI вв.» на получение новых знаний и оценочных суждений по истории международных отношений и внешней политике России, экспертных заключений по актуальным внешнеполитическим проблемам: анализу трансформации современной системы международных отношений, выявлению особенностей реализации современного внешнеполитического курса США, изучению деятельности НАТО, рассмотрению интеграционных процессов в Евразии и ситуации на постсоветском пространстве.

Коллектив кафедры туризма и культурного наследия сосредоточен на теме «Социально-экономические и гуманитарные аспекты стратегии и практики развития туризма и сервиса в России и за рубежом: формирование национальной и региональной инновационной системы развития туризма и сервиса». Это позволяет анализировать ключевые тренды трансформации рынка туризма и сервисных систем в России и за ее пределами в условиях геополитической нестабильности, экономической турбулентности и культурных вызовов с использованием современных научно обоснованных методик и вырабатывать соответствующие методические рекомендации.

Выполнение столь разнообразной тематики научных изысканий, сочетаемое с реализацией востребованных учебных программ, включенностью в перспективные международные проекты, позволили Институту истории и международных отношений – правопреемнику исторического факультета и продолжателю его славных традиций, стать крупным образовательным и исследовательским центром гуманитарного профиля, одним из известных символов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Создание 90 лет назад исторического факультета – важная веха в насыщенной истории СГУ, в летописи становления исторического образования в стране. Весом вклад поколений его профессоров и преподавателей в развитие отечественной исторической науки, в подготовку учителей и ученых, работников архивов и музеев, политиков и дипломатов, в сохранение исторической памяти, в формирование осознанного

патриотизма у молодых граждан нашей страны. Благодаря этому факультет завоевал заслуженный авторитет и признание.

Список литературы

1. Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. 152 с.
2. Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009 : в 2 т. Т. 1. 1909–1945. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. 296 с.
3. Соломонов В. А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 5–27.
4. Архив СГУ. Оп. 1/лс за 1931–1982. Д. 6.
5. Рыков П. Исторический факультет // За научные кадры (СГУ). 1935. 5 ноября.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком КП РСФСР). Оп. 1. Д. 255.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-461 (Саратовский горисполком). Оп. 2. Д. 374.
8. Соколов С. 30 лет истории историков // Ленинский путь. 1965. 25 сентября.
9. ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 414.
10. Таубин Р. А. К истории истфака Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. Публикация В. А. Соломонова // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2010. Вып. 1. С. 244–260.
11. Дербов Л. А. Страницы воспоминаний / подгот. текста, вступит. ст., коммент. А. И. Аврус, С. А. Мезин. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. 232 с. (Серия мемуаров «О времени и о себе»).
12. Голуб Ю. Г., Мезин С. А. Изучение отечественной истории на историческом факультете Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского // Отечественная история. 2005. № 1. С. 210–214.

Поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 154–161

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 154–161

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-154-161>, EDN: CXGWPZ

Научная статья

УДК [070:340.13](470+571)|1864/1904|+929

Государство и легалистская пресса: 40 лет под давлением (1864–1904)

Д. В. Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Россия, 19178, г. Санкт-Петербург, 10-я Линия В. О., 19 А

Рыбин Данил Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, директор, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, danilarybin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>, AuthorID: 424517

Аннотация. Во второй половине XIX – начале XX вв. видную роль в российском освободительном движении играла легалистская (юридическая) пресса. Ее ведущие издания исповедовали принципы законности и правопорядка. Собственно, сам термин «порядок» появился благодаря одноименной газете, а сторонники легализма именовались «люди правового порядка». Несмотря на объективно государственный характер легалистской прессы, консервативная часть бюрократии не смогла воспринять эти умеренно-прогрессивные идеи и в 1880-е гг. перешла в наступление на легалистские издания. Часть юридической прессы была закрыта, вторая выжила в условиях ежедневного тяжелого цензурного давления.

Ключевые слова: легалисты, цензура, юридические издания, Вестник Европы, Русские Ведомости, М. М. Ковалевский, М. М. Стасюлевич

Для цитирования: Рыбин Д. В. Государство и легалистская пресса: 40 лет под давлением (1864–1904) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 154–161. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-154-161>, EDN: CXGWPZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The State and the legalist press: 40 years under pressure (1864–1904)

D. V. Rybin

Saint Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)", 19 A 10th Line V. O., Saint Petersburg 19178, Russia

Danil V. Rybin, danilarybin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>, AuthorID: 424517

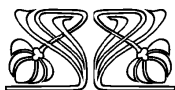
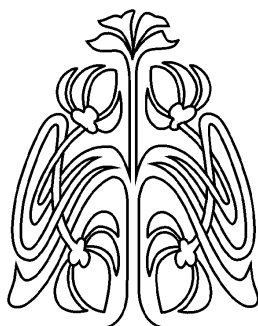
Abstract. In the second half of the 19th – early 20th centuries, the legalist (juridical) press played a prominent role in the Russian liberation movement. Its leading publications professed the principles of legality and law and order. In fact, the term "Order" itself appeared thanks to the newspaper of the same name, and supporters of legalism were called "people of legal order". Despite the objectively statist nature of the legalist press, the conservative part of the bureaucracy could not accept these moderately progressive ideas and in the 1880s went on the offensive against legalist publications. Part of the legal press was closed, the other survived under heavy daily censorship pressure.

Keywords: legalists, censorship, legal publications, Vestnik Evropy, Russkie Vedomosti, M. M. Kovalevsky, M. M. Stasyulevich

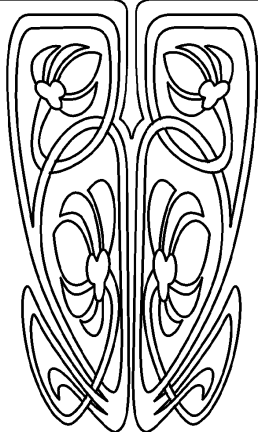
For citation: Rybin D. V. The State and the legalist press: 40 years under pressure (1864–1904). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 154–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-154-161>, EDN: CXGWPZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© Рыбин Д. В., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение

В советской и современной исторической литературе опубликовано значительное количество работ, посвященных противостоянию прессы и государства в дореволюционной России. В настоящее время множатся публикации по данной теме, однако в то же время в немногих работах рассматривается взаимодействие юридических изданий и цензурных учреждений в последние 50 лет империи. В нашей работе мы представим краткую историю борьбы с государством юридических и общественно-политических изданий, в которых преобладали юристы с умеренными либеральными взглядами.

В современной науке история отдельных журналов подверглась исследованию. Например, были защищены диссертации М. Б. Велижева [1], А. А. Алафаева [2], Е. В. Артемьевой [3], О. А. Чистякова [4], А. В. Кайль [5], Н. Н. Козловой [6], В. Е. Кельнера [7].

Особенно много внимания было уделено «Вестнику Европы», что связано с той значимой ролью, какую сыграл журнал в освободительном движении. Многие статьи по истории журнала мы опускаем, так как они лишь косвенно связаны с нашей темой. А. В. Кайль остановилась на истории создания журнала и его программе [8]. Н. Н. Козлова писала о программах журнала неоднократно [9; 10], как и Г. С. Лапшина [11]. Одна из статей Н. Н. Козловой [12] посвящена непосредственно борьбе «Вестника Европы» с цензурой. Также противостоянию с государством посвящена работа Г. С. Лапшиной [13]. Отдельно стоит выделить работы В. А. Китаева, который во многих своих публикациях неоднократно анализировал роль «Вестника Европы» в становлении и развитии либерального движения в России [14; 15; 16; 17].

В работе И. Г. Адоньевой собран список всех юристов, сотрудничающих с «Вестником Европы». Здесь мы видим цвет российской юриспруденции, легалистов: К. К. Арсеньева, К. Д. Кавелина, Н. П. Карабчевского, М. М. Ковалевского, А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича, В. В. Стасова, Б. И. Утина, Е. И. Утина, И. Я. Фойницкого, И. И. Янжула и других. Всего 24 сотрудника в последней трети XIX в. [18]. Важную информацию по истории легализма мы можем почерпнуть из монографии В. Е. Кельнера о М. М. Стасюлевиче и его издательском деле [19]. В ней исследователь подробным образом рассмотрел перипетии борьбы Стасюлевича с государством за выживание своего издательского предприятия.

Известны работы следующих современных авторов. По истории «Юридического Вестника» вышла работа М. А. Коноваловой [20], о «Русских Ведомостях» писали Я. В. Таймашова [21] и Н. Д. Середа [22]. В монографии

и статье Н. Д. Середы рассмотрено влияние «Русских Ведомостей» на общественные настроения в России [23; 24]. О борьбе «Русских ведомостей» с цензурой изложено в материалах А. Е. Локшина [25].

Краткие справки о периодических изданиях правовой прессы содержатся в энциклопедии «Политические партии России» под редакцией В. В. Шелохаева [26].

Становление легалистской прессы в третьей четверти XIX века

В последние 50 лет Российской империи наряду с другими политическими изданиями действовали газеты и журналы, в которых преобладали юристы. Большинство из них придерживались право-либеральных взглядов и были легалистами – законниками. В российской освободительной прессе эти издания занимали видное место. Высокий интеллектуальный потенциал сотрудников изданий и поддержка со стороны либеральной бюрократии позволял им выживать в условиях непрерывного давления со стороны МВД. Противостояние юридической прессы и цензуры составили интересные страницы истории нашей страны. Относительная свобода прессы подкреплялась Временными правилами о цензуре и печати 1865 г. Главной особенностью правил было разделение цензуры на «предварительную» и «изъятую из предварительной цензуры». Соответственно, издания добивались попадания именно под второй вид цензуры, однако и в последнем случае Главное управление по делам печати МВД (далее – ГУДП) могло затормозить выход публикации в свет. Окончательно запретить выход неподцензурных изданий можно было только по суду.

В 1860–1870-е гг. возникали одно за другим периодические издания юристов. Вместе с тем ряд газет и журналов открыть не удалось. Например, в 1867 г. князь А. И. Урусов (адвокат) и Ф. В. Ливанов (публицист) подали заявление на открытие газеты «Новый суд» (вариант – «Русская Правда»). По указанию министра юстиции графа К. И. Палена оба заявителя как неопытные и «занимающиеся направлением, не заслуживающим одобрения» санкции на свою заявку не получили. Заявители характеризовались как самонадеянные, заносчивые и дерзкие. Ливанов несколько раз подавал заявку на регистрацию газеты, но ничего не добился [27, л. 1–26]. Всего лишь год просуществовала газета «Гласный суд», выходявшая в 1866–1867 гг.

С 1866 г. выходила газета «Судебный вестник», сначала как издание Минюста, а после как частная газета. Среди либеральных редакторов особенно выделялся подопечный А. А. Сабурова – обер-прокурор Сената, легалист П. А. Марков. Издание газеты приостанавлива-

лось несколько раз, и наконец она была закрыта в 1878 г. [28, л. 1–5].

Идеи издания научно-политических журналов рождались в либеральной среде непрерывно. Так, в 1875 г. Н. С. Таганцев, Г. К. Градовский и их друзья планировали издавать журнал «Знание», но затея не удалась [29, л. 1, 2]. Уже в следующем году Г. К. Градовский пытался издавать газету «Русское обозрение» (политическо-литературную). Однако к тому времени он был уже известен как автор фельетонов, направленных против высших должностных лиц империи, и МВД создать газету не разрешило [30, л. 1–6].

Либерализм при Александре II был настолько распространен среди чиновников, что, например, было возможно публичное выступление члена Госсовета (бывшего министра народного просвещения) А. В. Головнина в пользу свободы слова (1872 г.) [31, с. 376]. Речь была произнесена в ответ на предложение министра внутренних дел заменить судебный порядок приостановки издания на ведомственный. Однако слова А. В. Головнина не подействовали, и был введен контроль над печатью со стороны комитета министров (получил право уничтожать неподцензурные книги). МВД получило в 1868 и 1873 гг. права временно запрещать реализацию розничных изданий, на определенный срок приостанавливать публикации по отдельным темам и пр. В 1876 г. был обновлен Цензурный устав.

В 1870 г. известный легалист, сенатор А. А. Книрим и его товарищ по Санкт-Петербургскому коммерческому суду Н. А. Тур запросили МВД разрешение на открытие нового журнала. Журнал «Гражданского и торгового права» был зарегистрирован и ориентировался на теорию права и судебную практику. Тура вскоре заменил Н. С. Таганцев, и под влиянием последнего журнал стал именоваться «Журнал гражданского и уголовного права». Редакторы менялись: Н. Ф. Депп (1878–1880), В. М. Володимиров (1879–1893), А. Х. Гольмстен (1888–1891), В. Н. Латкин (1893–1899), Г. Б. Слиозберг (1899–1904). Журнал стал основным изданием Санкт-Петербургского юридического общества. С 1893 г. он именовался «Журнал Санкт-Петербургского юридического общества», а с 1899 г. «Вестник Права. Журнал юридического общества при Санкт-Петербургском университете».

В 1879 г. с приходом новых редакторов цензоры ГУДП отмечали «изменение направления» деятельности журнала со строго научного на полемически-публицистический. С марта того года появлялись критические замечания и публикации, подвергавшие правительство осторожному осуждению. Особенно осуждалась репрессивная политика. В духе либерализма авторы советовали улучшать экономический и культурный быт подданных, а не давить их силой государственной машины. В тот момент журнал

ограничениям не подвергся. После 1881 г. редакторы журнала тщательно избегали политические вопросы [32, л. 1–2, 25–30, 38–39, 48, 68–69].

Журнал «Юридический вестник» (при Московском юридическом обществе) выходил с 1867 г., и обращает на себя внимание то, что целый год ушел на согласование его открытия. В 1870 г. редакторами стали правоведы В. Н. Лешков и А. М. Фальковский. В 1878 г. добавился П. Л. Карсевич, вскоре его сменил М. М. Ковалевский, а Фальковского – С. М. Муромцев. С их появлением нейтральный научный журнал быстро политизировался и стал допускать публикации о грядущем государственном переустройстве России.

Центром легалистской прессы стал знаменитый журнал «Вестник Европы», возрожденный в 1866 г. Бессменным главным редактором журнала и целой печатной группы с ним связанной стал известный публицист Михаил Матвеевич Стасюлевич (в 1866–1908 гг.). С «Вестником Европы» сотрудничал «цвет легализма»: К. К. Арсеньев, А. Д. Градовский, В. Д. Спасович, Е. И. Утин, К. Д. Кавелин, М. М. Ковалевский, И. И. Янжул, А. Ф. Кони, В. И. Лихачев, В. Д. Кузьмин-Караваев, И. И. Иванюков и пр.

«Вестник Европы» был популярным журналом в столицах и на Украине. На рубеже 1860–1870-х гг. тираж вырос более чем в три раза и достиг 8,2 тыс. экземпляров. Затем объемы тиража упали, а в 1880-х гг. вновь росли до конца XIX в. и составили в 1895 г. 6785 экземпляров. В XX в. «старый» журнал терял популярность, так как исповедовал идеи «старого либерализма», и к моменту ухода Стасюлевича тираж упал до 4000 единиц [33, с. 100].

Вскоре журнал попал в поле зрения полиции. В 1871 г. в «Вестнике Европы» вышла «вегетарианская» статья Арсеньева «Политический процесс». В ней адвокат излагал суть нечаевщины и осторожно намекал, что росту революционно-го движения способствовали некие «причины» [социальные], которые надо устранить, и что с помощью уголовного преследования движение не задавить. Статья удостоилась специального доклада царю от министра внутренних дел, в котором в общих выражениях говорилось о «вредном направлении» в работе журнала. Тогда журнал получил первое предупреждение [19, с. 75]. По данным Г. С. Лапшиной, именно в 1871–1873 гг. Вестник Европы подвергся наибольшему давлению за весь «александровский период». Многие номера журнала были арестованы, журнал получил первое и второе предупреждение [13].

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1879–1881 гг. государство устанавливало взаимодействие с либеральными журналами. В 1879 г. Стасюлевич настаивал на публикации статьи с критикой министерства народного

просвещения. Дело передали в Комитет министров, который поддержал издателя [19, с. 171]! В сентябре 1880 г. Стасюлевич уже делал доклад на комиссии Н. С. Абазы о предполагавшемся пересмотре законов о печати [34, л. 368].

Из переписки Стасюлевича становится ясно, что либеральные издатели поддерживали друг друга, информировали, иногда координировали свои действия (переписка из 5 тома «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» под редакцией М. К. Лемке): с Н. А. Некрасовым, В. А. Гольцевым, В. М. Соболевским, Г. Б. Иоллосом и др. [35].

Ситуация резко изменилась после 1 марта 1881 г. Сразу же по требованию Главного управления по делам печати была вырезана знаменитая «Записка о внутреннем состоянии России» (подготовленная московской группой либеральных профессоров) с программой конституционных реформ. Однако Стасюлевич опубликовал ее в Берлине [19, с. 172].

С того момента началось непрерывное давление на журнал. Бесконечное исключение статей, литературных произведений, цензура и самоцензура превращали «Вестник Европы», по словам Стасюлевича, в «поваренную книгу» [19, с. 155–156]. Бесконечную борьбу Стасюлевича с цензурой А. И. Чупров назвал «гражданским подвигом» [33, с. 101]. Нужно отдать должное опытному и дипломатичному Стасюлевичу, который выкручивался из разных сложных ситуаций, стараясь не погубить журнал под давлением цензуры.

Еще одним изданием право-либеральной направленности были «Русские Ведомости», выходившее с 1863 г. По своему значению они соответствовали «Вестнику Европы», только в газетном формате. В газете печатались земцы, профессора и легалисты. Длительное время редактором был Н. С. Скворцов (с 1881 г. его соредактором стал В. М. Соболевский). С 1866 г. газета перестала быть изданием, подлежащим предварительной цензуре, в то же время редактор подвергался постоянным штрафам. Сотрудники цензурного комитета выискивали надуманные поводы для придинок и придавали тексту заметок газеты тайный смысл. Периодически номера газеты подлежали аресту (в 1868, 1870, 1871, 1873, 1878 гг.). Утверждалось, что направление газеты противоречит взглядам правительства, что ее отличает «несдержанность образа выражений, усваиваемые газетой», а также «недозволительная резкость» [36, л. 13–16, 52–58, 80, 162, 163, 188, 197, 239, 265, 266].

Например, в 1873 г. в номерах 254, 260 вышли фельетоны, в которых дворянство империи подвергалось критике. Главный редактор Н. С. Скворцов получил первое предупреждение. Вскоре было вынесено второе предупреждение, и газета оказалась под угрозой введения предварительной цензуры [37, л. 20, 37–39, 45, 46].

Легалистская пресса в период консервативного поворота

С приходом к власти Александра III настали «темные времена» для всей прессы, в том числе для юридической.

С 1878 г. М. М. Стасюлевич предпринимал попытки выпускать газету, которую он рассматривал как приложение к Вестнику Европы. В сентябре 1880 г., подав прошение, Стасюлевич получил моментальное разрешение на выпуск, несмотря на то, что в программе будущей газеты «Порядок» главной целью были обозначены вопросы политики [19, с. 180–200]. Газета проповедала конституционную реформу. На заседаниях коллегии Стасюлевич давал работникам газеты указания, которые заключались в пропаганде необходимости конституционной реформы [38, л. 1–3].

Публикация сведений о беспорядках в деревне стала поводом к запрету продажи газеты 24 марта 1881 г. (затем запрет продлевался). Стасюлевича стали почти каждую неделю вызывать в Главное управление по делам печати. Его покровитель Н. С. Абаза ушел с поста начальника управления. 1 мая было запрещено размещать в газете частные объявления. Выпуски газеты подвергались временным арестам, они сделали газету нерентабельной.

Летом 1881 г. цензурный комитет (С. И. Косович) направил министру доклад «О предосудительном направлении газеты “Порядок”». Якобы вся работы газеты свелась к обсуждению неудовлетворительного государственного строя империи. Наконец в январе 1882 г. министр Н. П. Игнатьев запретил выход газеты на полтора месяца. Уставший Стасюлевич прекратил выход издания, и, таким образом, газета просуществовала 13 месяцев [19, с. 200–206; 39, л. 18].

На умеренные издания посыпались удары со стороны контрольно-надзорных органов государственной власти. Например, в апреле 1881 г. первое предупреждение получило «Земство» (газета выходила с 1880 г., редактором был близкий к юристам В. Скалон) [40, л. 1–3]. После второго предупреждения газета была «задушена».

В первой половине 1880-х гг. прекратили выходить «Критическое обозрение» (редактор М. М. Ковалевский), «Голос», «Страна», «Земство», «Отечественные записки» [19, с. 208]. Неоднократно обсуждался вопрос о закрытии «Вестника Европы». Только чудом и чутьем Стасюлевича ему удалось спасти свое детище. Положительную роль, как ни странно, сыграл К. П. Победоносцев. Так, когда министр внутренних дел Д. А. Толстой уже решил закрыть журнал, Победоносцев возразил ему – закрывать стоило, но только с соблюдением правовых процедур, то есть после вынесения трех предупреждений [39, л. 29].

Первое предупреждение «Вестник Европы» получил только в 1889 г. (по данным Н. Хайловой – в 1866 г., по данным Г. С. Лапшиной – в 1871 г.) [13, с. 10]. 20 февраля 1899 г. МВД вынесло второе предупреждение («за поддержку домогательств финляндцев») [19, с. 253–254; 26, с. 110]. В работе Н. Н. Козловой подробно рассмотрено давление цензурных органов на «Вестник Европы» в 1880–1890 гг. Автор привела множество примеров мелочного вмешательства цензоров во внутреннюю политику журнала [12].

В 1882 г. были приняты изменения в Правила 1865 г. Чиновники цензурных комитетов получили право требовать с неподцензурных изданий, имеющих взыскания, представлять свои издания накануне выхода для просмотра, что фактически означало введение цензуры и для таких изданий.

Административный надзор все время усиливался. Полиция по запросам вышестоящих начальников составляла подробные аналитические справки с анализом биографий работников редакционных коллегий журналов и газет. Чиновники контролировали, чтобы журналы соблюдали программу издания и не отклонялись от нее. Журналы буквально выкручивались, включая в свою программу неопределенные рубрики: «Литературная хроника», «Внутреннее обозрение» и т. п. Если главный редактор выезжал из места своего проживания, то временно исполняющий обязанности утверждался по рапорту обер-полицмейстера. Провинившиеся редакторы вызывались в полицию и в цензурные комитеты, где их строго отчитывали. МВД определяло стоимость продажи изданий. В 1890 г. был принят новый Устав о цензуре и печати.

В письме К. К. Арсеньева к М. М. Стасюлевичу известный юрист сообщал издателю (05.07.1896): «По всем признакам для печати наступает тяжелое время, да и не для нее одной» [34, л. 272]. Это была реакция на новые цензурные ограничения (15.06.1896).

Относительно свободный период, переживаемый «Русскими Ведомостями» в 1878–1881 гг., закончился усилиями цензуры по «притормаживанию» прессы. Несмотря на неоднократные устные предупреждения, газета продолжала «с известными уловками свойственными либеральной прессе» сохранять оппозиционный настрой, быть «органом отрицательных тенденций». Особые придирки вызывала оценка европейских событий. Крайнее негодование вызвала публикация застольной речи московского городского головы Б. Н. Чичерина (декабрь 1882 г.), в которой содержалась критика проекта Университетского устава, обсуждавшегося в Комитете министров. До конца 1880-х гг. основными вопросами, привлекавшими публицистов газеты, были аграрный и рабочий. По мере увеличения

среди редакторов числа легалистов на первое место стали выступать темы, связанные с юстицией [41, л. 122–124, 220–235, 303–304, 420–424, 442, 469–471, 495–499].

После смерти редактора Н. С. Скворцова В. М. Соболевский сформировал пул издателей-редакторов, которые взялись вести газетную политику, положив в его основу коллегиальное управление. С 1883 г. издательство «Русских Ведомостей» превратилось в полное товарищество. Среди товарищей были такие известные деятели, как В. Скалон, М. Саблин, Г. Джанишиев, А. Посников, А. Чупров [37, л. 66, 71, 81].

А. С. Посников и А. И. Чупров были легалистами и друзьями М. М. Ковалевского. Одной из особенностей газеты было то, что она выпускалась коллегиальной группой ученых и общественных деятелей (10 человек). С 1889 г. цензоры добивались введения для газеты предварительной цензуры, но полиция им на встречу не шла. За газетой тщательно следили, собирали информацию о связях сотрудников редакции с неблагонадежными элементами, препятствовали замещению должностей.

«Злым гением» «Русских Ведомостей» был цензор В. Назаревский. В 1881–1899 гг. он курировал газету и ежемесячно или ежеквартально писал обширные записки с критикой «вредного направления» издания. Каждая статья подвергалась детальному разбору, большинство статей по проблемам общества не устраивали цензора. Особенно часто он писал о неправильной трактовке судебных и земских контрмероприятий, проводившихся государством. Упрек вызывала позиция газеты, поставившая Великие реформы во главу угла и сравнивавшая новые мероприятия (не в их пользу) с идеализированным прошлым царя-освободителя. Среди прочего Назаревский обращал внимание, что публикациям часто придавался эмоциональный оттенок, бытовали рассуждения о неотвратимости полезности Великих реформ и пр.

Давая характеристику газете и ее издателям, цензоры указывали, что главная черта газеты – западничество, унаследованное ими от Грановского, т. е. «преклонение перед либеральными учреждениями». Якобы газета представляла все «в мрачном свете». Отмечалась идеализация alexandrovских реформ, демонизировались мероприятия Александра III. Защищая сектантов (свободу слова), «Ведомости» якобы подрывали православие, проповедовали либеральные ценности и пр. Правда, цензоры были вынуждены отмечать, что социалистического радикализма в газете не было. Упрек заслужили даже зарубежные корреспонденты газеты, так как их «разнузданные» материалы могли развратить читателей «Русских Ведомостей».

В 1891 г. за публикацию о голоде «Русские Ведомости» получили второе предупреждение.

С 1895 г. участились конфискации номеров газеты с «предосудительным» содержанием. В 1898 г. газета получила третье предостережение. Издание было приостановлено и введена предварительная цензура. Инициатором был цензор В. Назаревский. Это позволило ему впоследствии отвергать многие статьи для публикации. Например, в 1899 г. он не пропустил статью Б. Н. Чичерина «Суд над хлыстами». Тем не менее цензоры констатировали, что редакция умело лавировала между статьями Цензурного Устава и не нарушала их [42, л. 2–22, 16–21, 26–36, 50, 71, 108, 142, 150–151, 166, 204–234, 238].

На рубеже XIX–XX вв. давление на юридические издания усиливалось. С 1882 г. на журнал «Юридический Вестник» посыпались предупреждения. После ухода Ковалевского в 1880-е гг. три редактора управляли журналом: С. М. Муромцев, В. М. Пржевальский, В. А. Гольцев. В 1884 г. не был утвержден новый редактор Н. А. Каблуков. Цензурные органы добивались и добились, чтобы для журнала в 1892 г. была введена предварительная цензура, из-за публикации «дерзких статей». В знак протеста Московское Юридическое общество приостановило выход журнала в ноябре 1892 г., выпуская вместо этого «Сборники правоведения» [44, л. 1–189].

Закрывались старые издания, затруднялось открытие новых. Так, легалист-экономист И. И. Иванюков пытался в 1904 г. открыть журнал «Отражение жизни» для студентов. Отказ пришел от министерства финансов. Там опасались, что Иванюкову придется писать статьи для привлечения интереса молодежи, а это приведет к тому, что она будет «не в соответствии с видами правительства» (!). В декабре 1904 г. И. И. Иванюкову отказали [45, л. 1–24].

С 1900 г. журнал «Вестник Права» (Петербургское юридическое общество) стал подвергаться всё большему нареканиям. Претензии цензоров вызывали статьи «Мораль, право и религия по действующему русскому закону (Юридико-догматические очерки)» (серия статей М. А. Рейснера, вышедшая в марте – октябре 1900 г.), «О замене телесного наказания в войсках» (май 1900 г.), «Преступление – как наказание, а наказание – как преступление» (июль 1901 г.), «Закон 4 июня о срочности предостережений» (июль 1901 г.) и пр. Несмотря на серию замечаний цензоров, ГУДП МВД не решилось налагать взыскания на журнал. В отличие от московских легалистских издателей за спиной петербургского общества стояли влиятельные лица, вплоть до министров.

В 1903 г. совет столичного юридического общества решил убрать проворовавшегося редактора Г. Б. Слиозберга. А. Ф. Кони обратился в ГУДП с просьбой заменить Слиозберга на группу редакторов. Замена и была произведена. Редакторы представляли цвет научной,

а вскоре и политической элиты столичной юриспруденции. Это были легалисты или кадеты: К. К. Арсеньев, В. М. Гессен, М. М. Винавер (до 1906 г.), И. А. Покровский, В. Д. Набоков. Впрочем, вскоре осталось только два редактора: Покровский и Винавер.

Преемником «Порядка» могла стать газета «Право», выходившая в 1898–1917 гг. Поначалу она была право-либеральной, какой только и могла быть в дореволюционный период. Именно поэтому в числе ее редакторов мог быть В. Д. Кузьмин-Караваев, пайщиками – Н. П. Карбачевский и Н. А. Потехин, авторами – К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев и пр. Газета провозглашала курс на построение правового государства и установление законности. В 1905 г. она стала органом кадетской партии, и умеренные либералы покинули издание [33, с. 754, 755].

В работе А. П. Соповой изложена история противостояния газеты с цензурными органами. Газета была организована как товарищество на вере, разрешение было получено быстро, на последнее, видимо, повлияло участие в публикациях крупных сановников. Сначала газета сохраняла научно-практическую направленность, постепенно критика режима нарастала, и с 1903 г. на газету посыпались предупреждения. С 1904 г. газета окончательно поменяла свою направленность и превратилась в орган революционного либерализма [46].

Заключение

В 1860–1910-е гг. в Российской империи существовал интересный феномен – развитая юридическая пресса. Журналы и газеты разделялись на сугубо-научные и общественно-политические. Так как юристы были вовлечены в общественную жизнь страны, они часто не могли удержаться в рамках научных журналов и переходили к общественно-полемической деятельности, обличая недостатки режима и строя планы по переустройству государства. За легалистами присматривали органы МВД – цензурные комитеты и полиция. Они осуществляли всеобъемлющий контроль над изданиями «неправительственного направления». Как следствие, в условиях конкуренции и сурового административного контроля выжили немногие изобранные издания, наподобие «Вестника Европы». Времена относительной свободы (при Александре II) сменялись временами пещерной цензуры (при Александре III). Стоит отметить, что, когда в силу закона уголовное дело о преступлениях редакторов изданий доходило до суда, в большинстве случаев суд вставал на сторону редакторов. Так, суд или строго следовал закону, ссылаясь на трудность определения вины на основании неясных формулировок в публикациях, или тайно сочувствовал

преследуемым, которые состояли с судьями в одной социальной группе. Преследуя лояльные государству издания, чиновники МВД вызвали массовое раздражение в среде российской интеллигенции.

Список литературы

1. Велижев М. Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
2. Алафаев А. А. Журнал «Вестник Европы» в период второй революционной ситуации в России : дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 299 с.
3. Артемьева Е. В. Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы»: 1880-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009. 31 с.
4. Чистякова О. А. Филологическая наука и литературная критика в журнале «Вестник Европы» (1890-е гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2010. 231 с.
5. Кайль А. В. Журналы «Гражданин» и «Вестник Европы» как отражение общественной мысли в России в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. 24 с.
6. Козлова Н. Н. «Вестник Европы» и политическая реакция 80-х гг. XIX в. (1884–1891) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 202 с.
7. Кельнер В. Е. Общественно-политическая жизнь в России и издательское дело в 70–80-х гг. XIX в. (на материалах деятельности М. М. Стасюлевича) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 42 с.
8. Кайль А. В. Начало издания либерального журнала «Вестник Европы» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). С. 118–124.
9. Козлова Н. Н. Вопрос о путях развития России в публицистике журнала «Вестник Европы» рубежа XIX–XX вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. 2019. № 2. С. 105–112.
10. Козлова Н. Н. Эволюция либеральной программы в публицистике журнала «Вестник Европы» рубежа XIX–XX вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 114–117.
11. Лапина Г. С. Вестник Европы 1870-х гг.: программа модернизации России // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2010. № 3. С. 64–80.
12. Козлова Н. Н. Цензура как зеркало русской революции (из цензурной истории журнала «Вестник Европы» 80-х гг. XIX в.) // Русская литература и журналистика в движении времени. 2015. № 1. С. 256–271.
13. Лапина Г. С. Либеральный «Вестник Европы» и цензура «реформаторов» // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 10.
14. Кутаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. 380 с.
15. Кутаев В. А. XIX век: пути русской мысли : науч. труды. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. 355 с.
16. Кутаев В. А. К истории либерализма в России: вторая половина XIX – начало XX века. Н. Новгород : Изд-во Нижегородской консерватории, 2023. 320 с.
17. Кутаев В. А. Российский либерализм в энциклопедическом формате // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 3. С. 116–119.
18. Адоньева И. Г. Юристы в авторском корпусе журнала «Вестник Европы» (1866–1904 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 4. С. 7–16.
19. Кельнер В. Е. Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1993. 316 с.
20. Коновалова М. А. Журнал «Юридический Вестник» в истории Московского юридического общества во второй половине XIX века (1867–1892 гг.) // История государства и права. 2015. № 16. С. 53–57.
21. Таймасова Я. В. Отношение либеральных публицистов «Русских Ведомостей» к правительственным реформам 1860–1870-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 176 с.
22. Середа Н. Д. Газета «Русские Ведомости» в 1860-е – 1870-е гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 253 с.
23. Середа Н. Д. Роль либеральной печати в формировании общественного дискурса пореформенной России (на примере деятельности газеты «Русские Ведомости» в 1860-е – 1870-е годы). Вологда : ВолГУ, 2015. 212 с.
24. Середа Н. Д. Пресса и власть: опыт газеты «Русские Ведомости» // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв. Материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара : сб. науч. раб. / отв. ред. А. Н. Егоров, А. Е. Новиков, О. Ю. Солодянкина. Вологда : ВолГУ, 2017. С. 251–257.
25. Локин А. Е. Газета «Русские ведомости» и администрация в период политической реакции 80 – начала 90-х гг. XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1980. № 6. С. 53–66.
26. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / гл. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 1996. 800 с.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776 (Главное управление по делам печати). Оп. 3. Д. 785
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии). Оп. 1. Д. 2122.
29. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2162.
30. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2178.

31. Российский либерализм: Идеи и люди : в 2 т. Т. 1 : XVIII–XIX века / ред. А. А. Кара-Мурза. М. : Новое издательство, 2018. 904 с.
32. РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 505.
33. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2010. 1086 с.
34. Рукописный отдел Института Российской литературы и искусства РАН (РО ИРЛИ). Ф. 293 (Стасюлевич Михаил Матвеевич). Оп. 1. Д. 165.
35. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М. К. Лемке. СПб. : Б. и., 1913. Т. 5. 525 с.
36. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 468.
37. ЦГА. г. Москва. Ф. 16 (Московский генерал-губернатор; канцелярия главнокомандующего в Москве и Московской губернии; канцелярия московского военного губернатора; канцелярия главнокомандующего в Москве и Московской губернии; канцелярия московского военного генерал-губернатора; управление московского генерал-губернатора; управление московского генерал-губернатора). Оп. 60. Д. 194.
38. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2223.
39. РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1769.
40. ГАРФ. Ф. 63 (отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике). Оп. 1881. Д. 299.
41. РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 469.
42. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1889. Д. 297.
43. РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 470.
44. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 507.
45. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1915.
46. Сопова А. П. Газета «Право» и цензура в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2018. № 1. С. 104–126.

Поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 162–172

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 162–172

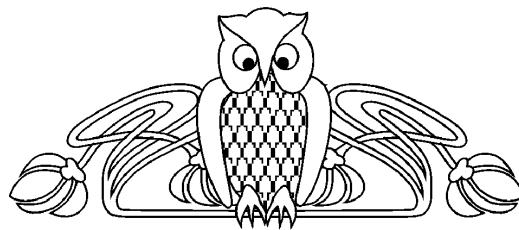
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-162-172>, EDN: HQECSZ

Научная статья

УДК 94(470+571)|16|+929Леонтьев

Иван Федорович Леонтьев – воевода и царский ловчий при дворе Михаила Романова

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография Ивана Федоровича Леонтьева, который был отцом одного из воевод Саратова. Приводятся краткие сведения о его предках. Свою службу И. Ф. Леонтьев начал еще в Смутное время, будучи представителем каширского «служилого города», воевал в составе войска князя М. В. Скопина-Шуйского. При дворе царя Михаила Романова И. Ф. Леонтьев служил стряпчим, стольником и царским ловчим. В начале Смоленской войны он был воеводой в Ельце. Особое внимание уделяется последнему периоду его жизни, когда он, будучи царским ловчим (1635–1647), организовывал медвежьи бои. Дается характеристика его земельных владений, среди которых село Лукино, в настоящее время – знаменитое Переделкино.

Ключевые слова: Смутное время, воевода, боярские списки, Елец, родословные росписи

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Иван Федорович Леонтьев – воевода и царский ловчий при дворе Михаила Романова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 162–172. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-162-172>, EDN: HQECSZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ivan Fedorovich Leontiev – voivode and royal hunter at the court of Mikhail Romanov

Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article presents for the first time the biography of Ivan Fedorovich Leontiev, who was the father of one of the governors of Saratov. Brief information about his ancestors is provided. I. F. Leontiev began his service back in the Time of Troubles, as a representative of the Kashirsky “military city”, fought as part of the army of Prince M. V. Skopin-Shuisky. At the court of Tsar Mikhail Romanov, I. F. Leontiev served as a solicitor, a steward and a royal hunter. At the beginning of the Smolensk War, he was a voivode in Yelets. Special attention is paid to the last period of his life, when, as a royal hunter (1635–1647), he organized bear fights. A description of his land holdings is given, among which the village of Lukino, currently the famous Peredelkino.

Keywords: Time of troubles, voivode, boyar lists, Yelets, pedigree paintings

For citation: Rabinovich Ya. N. Ivan Fedorovich Leontiev – voivode and royal hunter at the court of Mikhail Romanov. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 162–172 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-162-172>, EDN: HQECSZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Многие представители древнего рода Леонтьевых хорошо известны. Среди них – двоюродный брат царицы Натальи Кирилловны (и двоюродный дядя Петра I) генерал-аншеф Михаил Иванович Леонтьев и его сын, также генерал-аншеф Николай Михайлович Леонтьев.

В. Корсакова опубликовала в Русском биографическом словаре (РБС) подробную биографию одного из Леонтьевых – Замятни (Василия) Федоровича [1, с. 228–229]. Здесь же содержатся краткие сведения о младшем брате Замятни – Никифоре Федоровиче. Однако об их старшем

брате – Иване Федоровиче – в энциклопедических словарях ничего не говорится, хотя о нем довольно часто упоминается в различных источниках того времени. Исследователи иногда пишут о нем в связи с рассмотрением «царских охотничьих забав» первых Романовых, ведь он был много лет ловчим при дворе Михаила Федоровича и в первые годы царствования Алексея Михайловича [2, с. 116, 246–247]. Следует учесть, что Иван Федорович Леонтьев был отцом одного из воевод Саратова – Федора Ивановича Леонтьева (1662–1664, 1672–1674), с именем которого связан перенос Левобережного Саратова на Нагорную сторону, туда, где в настоящее время находится Троицкий собор и Музейная площадь. Об этом воеводе Саратова, в отличие от его отца, имеется немало публикаций, в том числе и в РБС [3, с. 254–255].

По родословным Леонтьевы выводят свое происхождение от некоего мурзы Обатура, выехавшего к рязанскому князю Федору Ольговичу [4, с. 161], а в местнических спорах противники Леонтьевых утверждали, что их предок – простой конский мастер Жук, служивший князю Олегу Рязанскому: «И Жук наперед учал слыть Степанов...» [5, с. 145; 6, с. 306]. Один из этих Степановых по имени Леонтий дал начало ветви Леонтьевых. Сыновья этого Леонтия Федоровича Степанова в середине XVI в. служили по Кашире.

В родословной говорится, что «у Левонтья первой сын Петр... А у Петра Левонтьевича первой сын Юрья, второй сын Исак...» [4, с. 161]. У этого Исака Петровича Степанова было второе имя – Замятня, он со своими тремя братьями указан в Дворовой тетради как дворовые дети боярские по Кашире: «Юрья, да Яковец, да Замятня, да Иванец Петровы дети Степанова» [7, с. 162]. В дальнейшем Исак (Замятня) в источниках будет упоминаться уже как Леонтьев, а не Степанов, к примеру, в духовной Андрея Михалкова, составленной в 1587 г., в которой среди должников А. Михалкова указан Замятня Петров сын Леонтьев. В 1588–1590 гг. (до августа 1590 г.) сын Замятни Федор Леонтьев за отца выплатил этот долг и подписал своей рукой под этой духовной (был грамотным, в отличие от других должников). Это одно из первых упоминаний в источниках Федора Исаковича Леонтьева [8, с. 255–259].

Биография Федора Исаковича Леонтьева, отца царского ловчего и деда воеводы Саратова, подробно рассмотрена недавно в альманахе Российская генеалогия [9, с. 20–60]. Он был одним из руководителей каширского «служилого города» (выборным дворянином по Кашире), изначально его поместья находились в Каширском уезде. В 1606–1607 г. Федор Леонтьев участвовал в борьбе против Болотникова. Он также отличился в обороне Москвы от тушинцев летом

1608 г., а затем в походе князя Скопина Шуйского из Новгорода к Москве, в том числе в боях за Стромьинский острог, в освобождении Москвы от поляков в 1612 г., возглавлял посольство в Персию в 1616–1617 гг. и участвовал во многих других событиях Смутного времени. Именно с его именем связано первое упоминание о возрожденном Саратове в 1616 г., когда воеводе Саратова (имя не указано) 20 мая 1616 г. было предписано обеспечить безопасное плавание посольства Ф. И. Леонтьева по Волге от Саратова до Царицына при отправке русского посольства в Персию [10, с. 144].

Данная статья посвящена сыну Федора Исаковича Леонтьева, в ней основное внимание уделено жизненному пути Ивана Федоровича Леонтьева.

Некоторую информацию об И. Ф. Леонтьеве привел генерал Дмитрий Николаевич Леонтьев в своих «Материалах для родословия рода Леонтьевых»: «Иван Федорович, ловчий с путем царя Михаила Федоровича. 1616 г. послан “со многими ратными людьми” на Волок Ламский, и оттуда “высматривал Литовских людей”, в особенности ставку Лисовского подо Ржевом. 1630 и 1631 гг. стольник и воевода в Ельце с товарищами: Ив. Гр. Писаревым и Вас. Гр. Тарбеевым. В 1632 г. московский ловчий и “верный слуга” царя Михаила Федоровича (так писано в грамоте к нему)» [11, с. 5]. Все даты, указанные Д. Н. Леонтьевым, нуждаются в уточнении.

Впервые о службе Ивана Леонтьева известно во время восстания Болотникова, причем из источника более позднего происхождения. В первые годы царствования Михаила Романова проводился сыск прежних окладов служилых людей, и дьяки опрашивали именно соратников по службе. В январе 1616 г., будучи уже стряпчим при дворе Михаила Романова, Иван Леонтьев подтвердил оклад и главное – службу Кочевы (Качунки) Поливанова, который оборонял Москву во время осады ее повстанцами Ивана Болотникова, а потом в Тушинский период пришел к Москве вместе с М. В. Скопиным-Шуйским [12, с. 210].

В феврале 1616 г. стряпчий Иван Леонтьев вместе с младшим братом Замятней в ходе сыска подтвердили службу, поместный и денежный оклад жильца Степана Иванова сына Колтовского, установленный ему при Василии Шуйском. Этот Степан Колтовский участвовал в обороне Москвы от тушинцев летом 1608 г., а затем в походе князя Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве [12, с. 217].

Осенью 1608 г. Иван Леонтьев вместе с отцом находился в Новгороде в составе двора кн. М. В. Скопина-Шуйского и участвовал в дальнейшем походе русско-шведского войска Скопина-Шуйского и Я. Делагарди из Новгорода к Москве. В ноябре 1608 г. в Новгороде жители казнили воеводу Михаила Игнатьевича

Татищева, и по указу кн. М. В. Скопина-Шуйского была организована продажа его имущества. Сохранилась опись этого имущества, а главное – в ней отмечено, кто из служилых людей купил какие вещи, принадлежавшие казенному, что подтверждает пребывание данных людей в Новгороде [13, с. 1–33]. Иван Леонтьев вместе с отцом приобрел немало вещей из опального имущества М. И. Татищева, в том числе кафтан, рубашку, ковер, трубу, седло, сабли, самопалы и другие вещи.

За верную службу царю Василию Иван Леонтьев был введен в состав Государева двора и получил чин стряпчего с платьем. Впервые он указан в этом чине в боярском списке 1610/11 г., но получил его еще до свержения Василия Шуйского, а не при Семибоярщине [14, с. 84]. Иван Леонтьев вместе с отцом получил во времена Василия Шуйского вотчину в Повельском стане Дмитровского уезда [15, с. 154, 287, 442, 443].

Из одного сысканого дела известно, что Иван Леонтьев при царе Василии Шуйском имел оклад 600 чети, денег 20 руб.: «*Иван да Замятня да Павел Федоровы дети Левонтьева. Ивану по сыску при государе справлен царя Васильев оклад до большово сыску 600 чети, денег 20 рублей*». У публикатора А. Н. Зерцалова допущена опечатка, указано не 20, а 29 руб. Более точные сведения (20 руб.) указаны в Боярской книге 1629 г., которую цитировал А. Н. Зерцалов. Потом Ивану Леонтьеву были даны боярские придачи «за Подмосковные службы» 150 чети, денег 17 руб., следовательно, он участвовал в освобождении Москвы от поляков в 1612 г., и эта придача была сделана руководителями ополчения князьями Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским (боярские придачи указывались до избрания Михаила Романова). В 1613–1615 гг. И. Ф. Леонтьев участвовал в осаде Смоленска в составе армии князя Д. М. Черкасского, там в боях был ранен. За эту «*Смоленскую службу и рану*» он получил новую придачу – 50 чети и 13 руб. Таким образом, к концу 1615 г. его поместный оклад составлял 800 чети, а денежный – 50 руб. Этот оклад и зафиксирован в источнике: «*Всего ему, Ивану, оклад 800 четьи, денег 50 руб.*» [16, с. 2; 17, с. 76]. Потом будут новые придачи, но нас интересуют именно эти цифры стряпчего с платьем Ивана Леонтьева. В качестве стряпчего с платьем И. Ф. Леонтьев 16 октября 1615 г. подтвердил в ходе сыска вместе с другими служилыми людьми прежний оклад Михаила Семенова сына Гагарина, а вскоре вместе с братом Замятней, также получившим к тому времени чин стряпчего с платьем, подтвердил оклад жильца С. И. Козловского [12, с. 204, 217].

В боярской книге 1615/16 г. в самом конце списка стряпчих с платьем записан Замятня Леонтьев (всего 53 стряпчих, он указан 46-м).

В самом начале списка стряпчих с платьем после князя Л. М. Волконского 11-м в списке стряпчих читаем: «*Иван Федоров сын Лед... поместной оклад 800 четей из чети 50 рублей*» [18, с. 141]. Во-первых, в различных боярских списках ни одного служилого человека по отчеству с такими начальными буквами в фамилии («Лед...») мы не найдем, здесь, видимо, вместо «д» стояла буква «в» («Иван Федоров сын Лев...») и был записан именно И. Ф. Левонтьев (Леонтьев). Во-вторых, видим соответствие поместных и денежных окладов этого непонятного стряпчего с платьем с «нашим» Иваном Федоровичем Леонтьевым (в обоих случаях 800 чети, 50 руб.), который и до и после этих событий еще некоторое время также оставался стряпчим с платьем с этим окладом.

В августе 1615 г. Иван Леонтьев был отправлен в Суздаль для сбора ратных людей, дворян и детей боярских. Помощником к И. Ф. Леонтьеву был назначен Андрей Дурной, который затеял местнический спор, но в итоге проиграл Ивану Леонтьеву [19, с. 113; 20, стб. 67; 21, с. 193]. Государь приказал А. Дурнову «с *Иваном ратных людей сбирать, а менши ему Ивана быть мочно*» [22, стб. 185]. И. Ф. Леонтьев и А. Дурной, собрав служилых людей суздальцев, владимирцев, «и иные города», в сентябре 1615 г. привели их к Москве, откуда сразу же были направлены с этим пополнением в Ржев в полк боярина Ф. И. Шереметева. К тому времени Ржев был осажден польским полковником А. Лисовским, поэтому Леонтьев и Дурной со своим отрядом вынуждены были остаться в Старице и на Волоке, здесь присоединились к полку кн. М. П. Борятинского (будущего посла в Персию), которому была поставлена задача борьбы с Лисовским [20, стб. 96, 98; 22, стб. 198, 199]. К середине октября 1615 г. И. Ф. Леонтьев, передав кн. М. П. Борятинскому списки и собранных людей (владимирцев, суздальцев, муромцев, юрьевцев и др.), уже вернулся в Москву, где в ходе сыска 16 октября подтвердил прежний оклад кн. М. С. Гагарина. В родословной более точно, чем в книге Д. Н. Леонтьева, указаны эти события: «*А во 124-м году полковой воевода Иван Федорович Левонтьев послан со многими ратными людьми на Волок Ламской, а с Волока ходил под литовскими людьми, как стоял Лисовской подо Ржевою*» [4, с. 163]. 124 год – в данном случае это сентябрь – октябрь 1615 г., а не 1616 г., как указано у Д. Н. Леонтьева [11, с. 5].

Известно, что в 1616–1617 гг. И. Ф. Леонтьев участвовал в боях с поляками под Дорогобужем, за эту Дорогобужскую службу позже, в 1618/19 г., он получил придачу к поместному окладу 50 чети и к денежному – 5 рублей [16, с. 2; 17, с. 76]. Новые оклады с учетом придачи стали 850 чети и 55 рублей.

В 1617–1618 гг. стряпчий Иван Леонтьев принял активное участие в отражении похода

королевича Владислава на Москву. За участие в боях против польских отрядов в 1618 г. под Москвой и в Ярославле, где стряпчий И. Ф. Леонтьев находился в составе войска кн. И. Б. Черкасского [15, с. 34], он «за московское осадное сидение и за ярославскую службу, как он послан был с Москвы из осады з боярином с князем Иваном Борисовичем Черкасским в королевичев приход» получил вотчину в Андомском стане Костромского уезда [15, с. 153]. Здесь же была вотчина его отца. Постепенно сыновья Федора Исакова Леонтьева укрепляются в Костромском и Дмитровском уездах и теряют связь с разоренными каширскими прежними владениями. Иван Леонтьев с младшим братом Павлом купил у Ивана Мосеева Кромина вотчину в этом же Андомском стане. Также Иван Леонтьев с братом Замятней имел вотчину в Повельском стане Дмитровского уезда [15, с. 154, 287, 439, 442, 443].

В 1620-е гг., став уже стольником при царском дворе, Иван Леонтьев приобрел новые земли в окрестностях Москвы. Среди них – деревня Лукино на р. Сетуни. В писцовых книгах 1627 г. эта деревня Лукино на реке Сетуни Сетунского стана Московского уезда значится в поместье за Иваном Федоровым Леонтьевым (ранее было за Сергеем Ододуровым). В этой деревне имелся двор помещика с деловыми людьми, двory приказчиков и людской, 1 двор крестьянский и 2 двора бобыльских. В них числилось 5 чел. При И. Ф. Леонтьеве после 1627 г. эти земли из поместья превратились в его вотчину. И. Ф. Леонтьев построил в этой деревне церковь Преображения. В 1646 г., к концу жизни И. Ф. Леонтьева, в переписной книге уже указано село Лукино с этой церковью Преображения. В селе – двор помещика, 3 двора крестьянских и 3 двора бобыльских, в них – 12 чел. В том же селе Лукино деревня Измалково, в ней 3 двора крестьянских (8 чел.), а также вновь поселенная деревня Заполье (3 двора крестьянских, 9 чел.). В Приходной книге Патриаршего приказа под 1648 г. говорится об этой церкви Преображения, находящейся в вотчине Ивана Леонтьева (приводится размер дани) [23, с. 202–203].

В начале 1620-х гг. после смерти отца, Федора Исаковича Леонтьева, Иван с братом Замятней были переведены из стряпчих в стольники. Впервые Иван Леонтьев указан в чине стольника в «наличном» боярском списке 1624 г., Иван с братом Замятней стоят после Матвея Богдановича Глебова. Всего в этом списке стольников, которые отпущены с 1 октября 1624 г. по домам (это так называемая «отпускная половина»), записано 73 стольника, Иван стоит 57-м, за ним – Замятня и еще 15 человек, следовательно, он стал стольником задолго до октября 1624 г., возможно, что еще в 1623 г. [24, с. 82].

Во многих «подлинных» боярских списках 1626–1630 гг. Иван Леонтьев указан в списках

стольников. В 1626 г. он записан вместе с братом Замятней, а в последующие годы к ним присоединился младший брат Павел. Все три брата в этих списках с 1627 г. указаны вместе: «Иван да Замятня да Павел Федоровы дети Левонтьева» [25, с. 26, 106, 184, 261, 333]. Никаких помет против Ивана Леонтьева и его братьев нет, что свидетельствует о том, что они все время оставались в Москве или были в отпуске в своих владениях, а не отправлялись на воеводство в разные города, не занимались писцовыми описаниями, не направлялись на южную границу на Валуйки, как многие другие стольники и дворяне. К сожалению, более поздние боярские списки 1630/31, 1631/32 и 1632/33 гг. сохранились не полностью, в них отсутствуют списки царских стольников, а ведь именно в эти годы Иван Леонтьев получает свое первое воеводское назначение, о чем говорится в других источниках.

Будучи стольником при царском дворе, Иван Федорович Леонтьев участвовал во многих дворцовых церемониях. Приведем несколько примеров. 17 мая 1625 г. состоялся отпуск на родину персидских послов, которые ранее привезли вместе с послом Василием Коробьиным православную святыню, ризу Христову, «еже есть хитон». После отпускной прощальной аудиенции был обед в Грановитой палате. В кривой стол, где сидел персидский посол «Русам-Бек с товарищи», есть ставили стольники (их было 14 человек), среди них Иван Леонтьев, а за ним записан пока никому не известный молодой Илья Данилович Милославский [22, стб. 694].

Стольники Иван с Замятней в феврале 1630 г. присутствовали на приеме шведского посла Антония Моньера (17 февраля на приезде, 21 февраля в ответе и 24 февраля на отпуске). Всего в этой встрече было свыше 50 стольников, еще больше дворян московских, также были стряпчие, дьяки, гости. Всем приказано быть в праздничной одежде, «в золоте» [26, стб. 837, 840].

В сентябре 1630 г. состоялся традиционный царский поход в Троице-Сергиев монастырь. Стольник Иван Леонтьев сопровождал царя в этом походе. 25 сентября в Троице у царя был стол. За трапезой у стола были бояре И. И. Шуйский, А. Ю. Сицкий и окольный Г. К. Волконский. «А на погребке был Иван Федоров сын Левонтьев», то есть он отвечал за подачу еды и питья на царский стол [26, стб. 169].

Вскоре после этого похода Ивану Леонтьеву предстояла первая самостоятельная воеводская служба в южном городе Ельце. Указ о назначении в Елец был подписан 11 января 1631 г., и вскоре Иван Леонтьев отправился из Москвы в этот южный город, где должен был сменить воеводу Василия Артемьева Измайлова. Вторым воеводой в Ельце уже был там к моменту назначения Ивана Леонтьева – Иван Григорьев Скорняков-Писарев (он служил еще при прежнем воеводе

В. А. Измайлове). Местнические споры между каширскими дворянами Леонтьевыми и Писаревыми видимо были раньше, еще до Смутного времени. Теперь, узнав о назначении Леонтьева в Елец, родственники Скорнякова-Писарева, находящиеся в Москве, «били челом Государю в розряде, на Ивана Леонтьева, что им меньше его быть неместно» [26, стб. 184].

В результате жалобы Писаревых на Леонтьева в Москве было принято решение сменить второго воеводу Ельца И. Г. Скорнякова-Писарева, чтобы он не подчинялся первому воеводе Ивану Леонтьеву. Весной того же 1631 г. Скорнякова-Писарева отозвали в Москву, назначив вторым воеводой в Елец Василия Григорьевича Тарбеева [26, стб. 235].

Иван Леонтьев и Василий Тарбеев служили вместе в Ельце в 1631 и 1632 г. [26, стб. 291]. Эта служба в Ельце продолжалась с февраля 1631 г. как минимум до конца 1632 г. (первые документы о его сменщике в Ельце известны с апреля 1633 г.). Сохранилось несколько документов, адресованных Ивану Леонтьеву в Елец, в том числе от ноября 1632 г., поэтому сведения Д. Н. Леонтьева, которые он взял из родословной росписи, о воеводстве И. Ф. Леонтьева в Ельце в 1630 и 1631 г. – к тому же вместе со вторым воеводой И. Г. Скорняковым-Писаревым – следует несколько подкорректировать. В родословной указано: «А во 138-м и во 139-м годех на Ельце был столник и воеводы Иван Федорович Леонтьев с товарищи, а товарищи у него Иван Григорьевич Писарев, Василей Григорьевич Тарбеев» [4, с. 163; 11, с. 5].

В книгах разрядных за 1631/32 и 1632/33 г. указан состав гарнизона Ельца при воеводе Леонтьеве [27, стб. 677, 734]. Первая дата относится к началу Смоленской войны. В 1632 г. основную массу служилых людей составляли елецкие дети боярские (639 чел.). Также в составе гарнизона находились стрельцы (186 чел.) и полковые казаки (тоже 186 чел.). Ими командовали 2 головы и 3 сотника. В июле 1632 г. в связи с началом Смоленской войны гарнизон Ельца был ослаблен, отправлено в полк боярина М. Б. Шеина в Можайск 170 казаков [28, с. 361]. Это же отмечено в разрядной записи за 1631/32 г.: «170 ч. велено быти под Смоленском, которые выбраны были в Польскую посылку». Кроме того, для провожания русских и турецких послов с Валуек до Азова были отправлены еще 100 стрельцов. В итоге в Ельце оставалось только 102 стрельца и казака. В качестве резерва гарнизона должны быть задействованы 286 детей, братьев и племянников елецких стрельцов и казаков, они вооружены пищальями. Также записаны 103 чел. елецких всяких пеших людей и пушкарских детей и братьев с пищальями и 242 чел. с рогатинами. В составе гарнизона Ельца находились Можайские и Ярославские беломестные казаки

с пищальями (51 чел.). Артиллерию Ельца обслуживали 38 пушкарей и затинщиков. В крепости было 8 ворот, соответственно числилось 8 воротников, а также 4 плотника. В разрядной записи подведен итог личного состава, находящегося в Ельце с воеводами Леонтьевым и Тарбеевым: «Всего всяких людей 1476 ч., oprичь тех, которые ныне под Смоленском и которым велено быти для посольского провожання» [27, с. 677].

Во время Смоленской войны многие южные районы страны подверглись нападению ногайских и крымских татар (несмотря на союз Москвы со Стамбулом). Пришлось и воеводе Ельца Ивану Леонтьеву отражать вражеские нападения. В августе 1632 г. ногайские татары уже воевали Елецкий уезд (Бруслановский стан), но основные бои с ними были в то время под Лебедяню. Об угрозе Лебедяни писали 25 августа елецкие воеводы Иван Леонтьев и Василий Тарбеев лебедянскому воеводе Ивану Скорнякову Писареву, тому самому, который служил ранее в Ельце вторым воеводой (получено в Лебедяни 27 августа). Предупрежденный об опасности лебедянский воевода Писарев в ходе тяжелого боя 28 августа сумел отразить вражеское нападение на город, отбить полон и не дал жечь посад и слободы [29, с. 386–387].

В ноябре 1632 г. донские казаки сообщили в Москву о готовящемся походе крымцев «большой войною» на южнорусские земли, как только реки покроются льдом. В связи с этим воеводам пограничных городов, в том числе в Елец «стольнику нашему воеводе Ивану Федоровичу Леонтьеву да Василью Григорьевичу Тарбееву», были отправлены грамоты, чтобы они чаще отправляли станицы и подъезды по дорогам, проводить «всякими обычаями накрепко» про воинских людей и жить с великим береженьем. В случае опасности воевода должен собрать из окрестных селений всех уездных людей с их имуществом «в город в осаду». Также воевода должен был активно противодействовать вражеским набегам, промышлять, «смотря по тамошнему делу», чтобы над татарами «поиск учинить и воевать не дать, а себя и людей уберечь». В конце говорится, что такие же грамоты были посланы воеводам всех украинских городов [30, с. 414].

Однако угроза Ельцу исходила не только от татар, но и от запорожских казаков. У жителей еще были свежи в памяти события 1618 г., разгрома города черкасами гетмана Сагайдачного. Воеводе Леонтьеву поступали сведения от воеводы Рыльска о планируемом походе Иеремии Вишневецкого «с пятнадцатью тысячами ратных людей». Воевода Леонтьев докладывал в Москву о том, что приказал всем уездным людям с семьями и с запасами ехать «в осаду в город на Елец», сообщал что у него мало зелья и свинца, мало пушек. Благодаря этому донесению

известно, сколько орудий было в Ельце в то время (4 полуторных пищали, 7 полковых пушек, 11 затинных пищалей, 3 ручных пищали по башням вместо затинных), сколько в казне ручного и пушечного зелья и свинца [31, с. 411–412]. Поход Вишневецкого состоялся в 1633 г., основной удар тогда пришелся на Путивль, но местные воеводы Никита Гагарин и Андрей Усов сумели с честью выдержать осаду.

В начале 1633 г. Иван Леонтьев, передав дела в Ельце новому воеводе стольнику Дмитрию Михайловичу Толочанову, вернулся в Москву. В конце апреля 1633 г. уже новый воевода Дмитрий Толочанов отправил в Москву сеунщика жильца Якова Левшина с известиями о победе над татарами. Елецкий воевода (имя в документе не указано) докладывал, что *«апреля в 26 день по татарским вестям посылал он с Ельца голову его, Якова, с государевыми ратными людьми для промыслу над татары»*. В результате боя было взято в плен языков татар 6 человек, *«и полон русский отбили»*. Имя этого воеводы Толочанова находим в другом документе, где говорится об этом же событии: *«Да в нынешнем же, в 141 году, прислан с сеунцем с Ельца от стольника и воеводы, от Дмитрия Толочанова, Яков Левшин...»* [32, с. 500; 33, с. 508].

После елецкой службы Иван Леонтьев был назначен в качестве одного из голов в формирующееся в Можайске войско кн. Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского, предназначенное для помощи окруженной под Смоленском армии боярина М. Б. Шеина. Иван Леонтьев записан первым в качестве командиров (голов) у стольников, стряпчих, дворян Московских и жильцов (всего указано таких 12 голов). В одном из списков дворцовых разрядов говорится, что Иван Леонтьев потом был отставлен, вместо него в полк кн. Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского весной 1634 г. назначили Федора Савостьянова Колтовского [26, стб. 374, 393].

6 февраля 1635 г., когда в Москву прибыли польские послы для ратификации Поляновского мира (*«для подкрепленья вечнаго dokonчания»*), то за Белым городом за Тверскими воротами их встречали тысячи представителей Государева двора и других москвичей (455 стольников и стряпчих, 894 дворян, 698 жильцов, 737 служилых иноземцев, 43 дьяка и 673 даточных людей в цветном платье). Одним из 12 голов у сотен стольников и стряпчих записан стольник Иван Леонтьев, а с ним в сотне стольников 40 чел. [26, стб. 415].

21 марта 1635 г. *«Литовские послы Александр Песочинский с товарищи»* были у государя на отпуске, потом был стол в Грановитой палате. Иван Леонтьев с братьями участвовали в этой церемонии: *«Перед послов пить носили стольники: ...Иван да Замятня да Павел Федоровы дети Левонтьева»* (всего пить послам носили

31 стольник, братья записаны в середине списка) [26, стб. 441].

19 мая 1635 г. у государя на отпуске был персидский посол Аджи Бек у стола в большой Грановитой палате. В большой стол, где с царем сидели бояре, «смотрели» стольники: князь Алексей Иванович Воротынский и Иван Федорович Леонтьев, они руководили подачей еды к царскому столу. Брат Ивана Леонтьева Замятня «смотрел» в кривой стол, где сидели персидские послы [26, стб. 460]. В одном из списков Дворцовых разрядов после указания на то, что Ивану Леонтьеву поручено такое ответственное дело вместе со знатым князем А. И. Воротынским, далее была сделана приписка о его отце: *«Отец его Федор служил по Кашире, написан с Москвы при Царе Василье»* [26, стб. 465].

Как видим, еще в мае 1635 г. Иван Леонтьев оставался стольником при царском дворе. Вскоре после этих событий Иван Леонтьев из стольников был переведен в московские ловчие. Информацию Д. Н. Леонтьева, который ссылался на родословную роспись, о том, что в 1632 г. Иван Леонтьев стал московским ловчим [4, с. 163; 11, с. 5], следует признать ошибочной, в то время он служил еще стольником в Ельце. В Дворцовых разрядах приводится точная дата назначения на эту должность, «в ловчие с путем». Это произошло 7 августа 1635 г., *«а сказывал ему в ловчие розрядной думной дьяк Иван Гавренев»* [26, стб. 475].

В родословной росписи записано: *«А во 140-м году был московской ловчей Иван Федорович Левонтьев, и грамоты к нему писаны: “московскому нашему ловчему и верному слуге Ивану Федоровичу”, – и грамота такова есть»* [4, с. 163]. Август 1635 г., когда произошло реальное назначение на эту должность – это 7147 г., а не 7140 (140), как записано в родословной. Он был ловчим еще долго, в том числе в 7150-е (1640-е) гг.

В «подлинных» боярских списках 1637/38, 1638/39, 1639/40 г., а также 1643/44 г. И. Ф. Леонтьев постоянно указан как московский ловчий, он записан после думных дьяков и стряпчего с ключом, а после него – ясельничий и стольники [34, с. 44; 35, с. 166; 36, с. 198; 37, с. 391].

Став московским ловчим, Иван Леонтьев через полгода получил прибавку к окладу (150 чети, 45 руб.). Теперь у него стал максимальный поместный оклад – 1000 чети, а денежный – 100 руб. [17, с. 76]. Это отмечено в боярской книге 1639 г. Здесь приводятся прежний оклад, указанный в предыдущей боярской книге 1629 г. (850 чети, 55 руб.) и новая придача к окладу, которая была осуществлена по царскому указу 5 февраля 1636 г.: *«В боярской книге 137-го году, как был в стольниках, и ему поместной оклад написан с придачами 850 чети, денег 55 рублей; да в 144-м году февраля в 5 день по памяти из Дворца за приписью дьяка Григорья Нечаева учинен ему*

помесной оклад, и с прежним 1000 чети, денег 100 рублей» [38, с. 28].

Будучи ловчим, Иван Леонтьев неоднократно приглашался к царскому столу вместе с боярами, окольными, думными дьяками, некоторыми дворянами и дьяками. В Записной книге 1636/37 г. отмечено его присутствие на царском обеде 9 апреля 1637 г. «на праздник на Светлое Воскресенье», а также 12 июля 1637 г. «на государев ангел» (царю Михаилу исполнился 41 год) [39, с. 82, 99].

Также московский ловчий И. Ф. Леонтьев неоднократно участвовал в приемах иноземных послов. В дворцовых разрядах указано его присутствие на приеме литовского гонца Адама Орлика 30 января 1637 г. [26, стб. 870].

В опубликованных «Списках лиц, коим назначено быть в царском дворце в золоте при приеме иностранных послов» говорится, что ловчий Иван Леонтьев участвовал в приеме литовских послов 9 апреля 1640 г. [40, стб. 385]. Это были Матвей Стафорский (Стохорский) и Криштоп Раицкий (Райский) [26, стб. 630]. В этом же источнике («Списки лиц, коим назначено быть...») отмечено, что ловчий Иван Леонтьев участвовал в приеме датских послов 22 августа 1641 г. После этой записи публикаторы документа указали, что в рукописи «Списков лиц...» далее сделана приписка другой рукой. Согласно этой приписке, все записанные в «Списке лиц...» люди, включая ловчего И. Ф. Леонтьева, были во дворце при приеме датских послов также 26 августа, 3 и 12 сентября 1641 г. [40, стб. 386–387]. Этими датскими послами были «*королевич граф Валдемар да Григорей Краб*». В Дворцовых разрядах указаны другие даты приема королевича Вальдемара – 21 и 25 августа (сентябрьские даты приема совпадают) [26, стб. 659–660, 667–668].

В рукописи «Списках лиц...» после приема датских послов говорится, что эти же представители Государева двора, включая И. Ф. Леонтьева, были на приеме «*при Кизылбашских послех сентября в 20 день 7150 года*» [40, стб. 385–386]. Если даты приема датских послов в основном соответствуют указанным в Дворцовых разрядах (в некоторых случаях разница составляет 1 день), то дата 20 сентября 1641 г. приема персидских послов вызывает вопрос, ведь накануне, 19 сентября, как следует из записи в Дворцовых разрядах, царь отправился в поход в Троице-Сергиев монастырь. По Дворцовым разрядам персидский посол шаха Сефи Асан-Бек был у государя на отпуске в золотой палате не 20, а 10 сентября [26, стб. 667, 670].

В опубликованных «Списках лиц...» приводится еще один случай участия ловчего И. Ф. Леонтьева в приеме персидских послов, который состоялся 29 декабря то ли 1642 г., то ли 1644 г. [40, стб. 388].

VI. 1642 декабря 29. Приемъ Кизылбашскихъ пословъ.

7153 года декабря въ 29 день при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всеа Русіи, какъ будутъ у него государя въ болошой грановитой палатѣ Кизылбашскіе послы, быти въ золотѣ.

При сравнении с Дворцовыми разрядами выясняется, что в заголовке этого текста в сборнике «Актów юридического быта» допущена опечатка в дате, следует читать: «VI. 1644, декабря 29. Прием Кизылбашских послов». В декабре 1642 г. никакие персидские послы в Москву не приезжали, а вот в декабре 1644 г. на родину из Персии вернулись русские послы С. В. Волынский и дьяк С. Матвеев в сопровождении персидского посла Ага Асана (или Асан Аги). В Дворцовых разрядах отмечено, что прием этого персидского посла состоялся 29 декабря 1644 г. [26, стб. 746].

Будучи царским ловчим, Иван Леонтьев почти ежегодно сопровождал царя Михаила во время традиционных осенних походов на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Впервые в Дворцовых разрядах такая поездка ловчего Ивана Леонтьева с царем в Троицу отмечена в сентябре 1635 г. Здесь же были другие лица из ближайшего окружения царя – дядьки молодого царевича Алексея Михайловича, постельничий, стряпчий с ключом. Это же повторилось и в 1636 и 1637 г. Во всех случаях отъезд из Москвы в Троицу на богомолье происходил в один день – 21 сентября. Также Иван Леонтьев ездил с царем и малолетним царевичем Иваном Михайловичем в Троицу 7 июня 1638 г. [26, стб. 483, 521, 552, 579].

Осенний поход 1638 г. в Троицу несколько отличался от предыдущих. Он начался позже, 4 октября 1638 г., происходил по другому маршруту с посещением Александровой слободы, Переславля Залесского (Никитского монастыря), в сопровождении царя появляются новые люди, но бессменными остаются ловчий И. Ф. Леонтьев и постельничий И. М. Аничков [26, стб. 592].

В 1639 г. И. Ф. Леонтьев также сопровождал царя во время традиционного похода в Троицу, отъезд из Москвы состоялся 20 сентября [26, стб. 618].

В 1640 г. в Троицу осенью не было царского похода, в начале сентября был поход в Коломенское на новоселье, а потом 30 сентября – в Рубцово и Покровское. Когда 10 декабря 1640 г. царь отправился «к Пресвятой Богородице в Вязники для моления», то московский ловчий И. Ф. Леонтьев должен был сопровождать царя, но был «отпущен в деревню» (возможно, что находился в своей вотчине – селе Лукино, где занимался устройством личных дел) [41, с. 226].

В следующем 1641 г. царь отправился 19 сентября сначала в села Рубцово, Покровское и оттуда в Троицу. Как обычно, Иван Леонтьев сопровождал царя в этом походе [26, стб. 671]. Часто при возвращении из таких походов устраивались «царские потехи» в одном из дворцовых сел, медвежья охота, их организацией занимался московский ловчий Иван Леонтьев.

Ловчий был главным организатором царской охоты. Охота могла быть на медведя, лося, волка и др. Царь Михаил Федорович был большим любителем медвежьей охоты, и ловчие занимались доставкой животных для организации представлений (порой довольно жестоких), как в окрестностях Москвы (Хорышево, Покровское, Измайлово, Коломенское и др.), так и в самой столице.

Н. Кутепов и И. Е. Забелин приводят немало случаев медвежьих боев, организованных ловчим Иваном Леонтьевым. Среди участников таких боев были конные и пешие псары, стрелец, жилец, черкашенин, татарин, псовник (начальник псарей), задворный конюх и др. Разберем их по хронологии событий за период 1635–1647 гг., когда обязанность ловчего исполнял И. Ф. Леонтьев. Только за полтора года, с ноября 1635 по май 1637 г., известно не менее 6 таких боев с медведями.

В ноябре 1635 г. конный псарь Алексей Меркульев с товарищами бился с дикими медведями в селе Рубцово. В январе 1636 г. бился с медведем в царском дворце стрелец Гаврила Савельев (был ранен, медведь его драл, кафтан изорвал, «голову испробил»). 28 февраля 1636 г. на масляной неделе псары (4 чел., в том числе Алексей Меркульев) бились вилами с дикими медведями. 10 марта они получили награду за этот бой. 6 ноября 1636 г. состоялся бой с медведем в селе Покровском-Рубцове, бился черкашенин Лукаш Григорьев, не совсем удачно (медведь гонец на этой «потехе» изодрал не нем зипун и помял руку). В декабре 1636 г. в селе Рубцове медведь гонец изломал псовника Василия Усова, ободрал платье на нем. 26 мая 1637 г. жилец Алексей Зевеной «тешил» царя Михаила в селе Покровском-Рубцове, боролся с дворным медведем [2, с. 246].

После 1637 г. в последние 7 лет царствования Михаила Федоровича такие случаи медвежьих боев известны меньше. 28 сентября 1640 г. задворный конюх Степан Карпов получил награду – «тешился» Государь в селе Коломенском с медведями гонцами. Этот Степан бегал перед медведями, на нем медведи изодрали платье и штаны. В 1644 г. (точная дата не указана) конный псарь Микита Шевелев «дразнил медведя, медведь его ломал, глаз испортил» [2, с. 247].

В начале царствования Алексея Михайловича Иван Леонтьев, пока оставался царским ловчим, продолжал выполнять свои обязанности по организации медвежьих боев. В январе 1646 г.

конный псарь Алексей Меркульев в Звенигородском уезде в селе Павловском бился вилами с диким медведем, «тешил Государя» (награду получил 27 января). 31 января 1646 г. в том же селе Павловском, когда там находился царь Алексей Михайлович, «имались с медведем» люди боярина Б. И. Морозова (4 чел.), они получили награду 16 февраля. 22 февраля 1647 г. 13 конных и пеших псарей тешили царя дикими медведями на псарне (были награждены 16 марта). 14 марта 1647 г. человек ловчего Ивана Леонтьева татарин Потап Иванов был награжден за то, что бился с медведем в царском селе Покровском. Это одно из последних упоминаний о ловчеме Иване Леонтьеве, который еще исполнял эти обязанности в марте 1647 г. Следующие сведения о боях с медведями относятся уже к 1648–1649 гг. [2, с. 247–248; 42, с. 459–462]. Этими царскими потехами руководили уже другие люди, возможно, что новый ловчий Афанасий Заболоцкий, известный по документам с 1648 г.

В декабре 1645 г. «Крымские царевичи Калга и Нурадын и многие крымские люди» совершили большой поход в южнорусские земли, пришли под Курск, «воевали Курские и Рьльские места и Комарицкую волость». Сразу же в конце декабря 1645 г. против крымцев было направлено войско князя А. Н. Трубецкого. В него вошли многие представители Государева двора, дворовые и даточные люди. Сбор был назначен на Туле. Ловчий Иван Леонтьев в январе 1646 г. отправил своих 5 даточных конных людей на службу к кн. А. Н. Трубецкому на Тулу и в Мценск по татарским вестям [43, стб. 22–27; 44, с. 170].

И. Ф. Леонтьев в последний раз указан московским ловчим в «наличных» боярских списках 1645/46 г. и 1647/48 г. В одном из «наличных» боярских списков 1647/48 г. уже в качестве ловчего указан другой человек – Афанасий Заболоцкий [45, с. 214, 125]. Видимо, И. Ф. Леонтьев умер в 1648 г.

О его семейном положении известно, что жену его звали Марья Владимировна, из детей источники упоминают сына Федора и дочь Анну. Благодаря браку детей И. Ф. Леонтьев породнился с известными дворянскими фамилиями Сукиных и Наумовых. Свою дочь Анну И. Ф. Леонтьев выдал замуж за Осипа Ивановича Сукина. В приданое она получила половину села Ивачево с пустошью в Кузьмине стане Юрьевского уезда [46, с. 1171].

Хорошо известен сын И. Ф. Леонтьева Федор Иванович, воевода Саратова, думный дворянин, окольный, о службе которого подробно говорится и в родословной, и в статье В. Корсаковой. Федор Иванович был женат на дочери Ильи Васильевича Наумова. В 1639 г. Ф. И. Леонтьев получил по данной от тестя И. В. Наумова приданную вотчину Федоры Ильиной в Ярославском уезде. Это было село Климовское

с деревнями в Закоторском стане. Когда-то она была выслуженная вотчина Г. Н. Лобанова, которая потом перешла к Степану Васильеву Наумову (он был женат на дочери этого Григория Лобанова). Степан Наумов заложил эту вотчину родному брату Илье Наумову, а потом от дочери Ильи Наумова она перешла к ее мужу – Федору Ивановичу Леонтьеву [46, с. 495–496].

В родословной у этого Ф. И. Леонтьева указаны два сына – Павел и Василий, а также внук – Федор Павлович, у которого сыновей не было. Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский зря указал Павла Федоровича воеводой в Яблонице в 1652 г., на этом воеводстве находился его полный тезка, младший брат ловчего И. Ф. Леонтьева. Кроме Павла и Василия у Ф. И. Леонтьева была еще дочь Татьяна (замужем за кн. В. В. Щербатовым) [47, с. 324].

В заключение скажем о знаменитой вотчине И. Ф. Леонтьева – селе Лукино в Сетунском стане Московского уезда. Там же была деревня Измалково. Недалеко в том же Сетунском стане находилась деревня Губкино. В 1643 г. ловчий И. Ф. Леонтьев купил эту деревню Губкино Большое с пустошами в Сетунском стане – вотчину стольника кн. Ю. П. Буйносова-Ростовского (тому она досталась от тещи, старицы Егорьевского монастыря Федоры, вдовы кн. Д. П. Пожарского) [46, с. 279].

После смерти И. Ф. Леонтьева село Лукино с ближайшими деревнями перешло к сыну – Федору Ивановичу, стала его вотчиной. В переписной книге 1678 г. в этом селе был двор вотчинника, 2 двора задворных и 9 дворов крестьянских. После смерти Ф. И. Леонтьева имение перешло в 1687 г. к его детям Павлу и Василию. В отказной книге упоминается в селе две церкви – Преображения и Иоанна Предтечи, «да в пределе Воздвижения Честного Креста господня». При этой церкви служит поп Иван Васильев. После смерти Василия Федоровича Леонтьева (23 апреля 1725 г.) село Лукино перешло к его вдове Ирине Александровне, дочери Александра Ляпунова, а также к сестре – Татьяне Федоровне. В 1729 г. с. Лукино продано кн. М. В. Долгорукову [23, с. 202–203].

В настоящее время это всем известное Переделкино с его многочисленными домами-музеями выдающихся поэтов и писателей. Севернее находится Измалково, а западнее – Губкино. Церковь Преображения также существует. Все эти земли – бывшая вотчина Леонтьевых.

Список литературы

1. Корсакова В. Леонтьев, Замятня (Василий) Федорович // Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским Биографическим Обществом : в 25 т. Т. 10 : Лабзина – Ляшенко / под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. СПб., 1914. С. 228–229.
2. Кутепов Н. Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. XVII век. Исторический очерк Николая Кутепова. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1898. XXIV, 316 с.
3. Корсакова В. Леонтьев, Федор Иванович // Русский биографический словарь... СПб., 1914. Т. 10. С. 254–255.
4. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: Дворянские фамилии Рязани / публ. Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 119–242.
5. Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. С. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011. С. 10–170.
6. Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 кн. М., 1975. Кн. 2, вып. 2. 250 с.
7. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
8. Духовная Андрея Тимофеева сына Федоровича Михалкова с явочной записью 1590 г. августа 30 патриарху Иову. 1586/87 г. // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Памятники исторической мысли, 1998. Т. 2. № 286. С. 255–259.
9. Рабинович Я. Н. Дворяне Леонтьевы в XVI – начале XVII века // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2024. Вып. 17. С. 20–60.
10. Посольство в Персию Федора Исаковича Леонтьева: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией : в 3 т. / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Т. 22. СПб., 1898. Т. 3. С. 138–239.
11. Леонтьев Д. Н. Материалы для родословия дворян Леонтьевых и Петрово-Соловова. Казань : Типография Окружного Штаба, 1881. 48 с.
12. Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов: Четвертики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2 (241). С. 189–240.
13. Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник Императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1850. Кн. 8. Смесь. С. 1–33.
14. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства: Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова // ЧОИДР. 1909. Кн. 3 (230). С. 73–103.
15. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. / сост. Ю. В. Анхимюк,

- А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. Т. 8. 692, (1) с.
16. Зерцалов А. Н. О сыскных поместных и денежных четвертных и городских окладах с 1614 по 1619 гг. и о большом сыске окладов 1622 г. // ЧОИДР. 1900. Кн. 2 (193). Материалы исторические. С. 1–62.
17. Боярская книга 1629 года / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. Вып. 11. С. 63–254.
18. Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ...и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. Т. 1 (1571–1634). СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. № 108. С. 138–147.
19. Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. / сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко; под ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М. : Ин-т Российской истории РАН, 2003. Т. 4, ч. 2. 144 с.
20. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб. : В Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. XV, II с., 1380 стб.
21. Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. 2-е изд. М. : Квадрига, 2021. 352 с.
22. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. Т. 1 (1612–1628). СПб. : в Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
23. Холмогоров В. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. : в 11 вып. Вып. 3 : Загородская десятина (Московского уезда). М. : тип. Л. Ф. Снегирева, 1886. 388 с.
24. «Наличный» боярский список 1624 года / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 71–102.
25. «Подлинный» боярский список 1626–1633 годов. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735, [1] с.
26. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. Т. 2 (1628–1645). СПб. : в Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. IV с., 976 стб., II с.
27. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : В Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
28. Память из Разряда в Стрелецкий приказ о посылке атаманов и казаков, выбранных в польскую посылку из разных городов, на службу в Можайск. 1632, июля 18 // АМГ. Т. 1, № 350. С. 361.
29. Отписка лебедянского воеводы о приступе татар к городу Лебедяни и об отражении их. 1632, августа 28 // АМГ. Т. 1, № 395. С. 386–387.
30. Память из Посольского приказа в Разряд о посылке грамот воеводам украинских городов, чтобы жили с великим береженьем, вследствие вестей о намерении крымских и азовских татар придти на Русь войною. 1632, ноября 14 // АМГ. Т. 1, № 441. С. 414.
31. Отписка Елецких воевод о созыве уездных людей в город к осаде и об укреплении осады по вестям о походе Вишневецкого. 1632, до 8 ноября // АМГ. Т. 1, № 437. С. 411–412.
32. Дело по челобитью С. Давыдова, Д. Дурова и С. Просветова о пожаловании их за службу и за сеунч. 1633, мая 13 // АМГ. Т. 1, № 525. С. 499–501.
33. Дело по челобитью ливенцев детей боярских А. Кожухова и Сем. Гладкова о пожаловании их за сеунч о бое с татарами под Ливнами. 1633, августа 2 // АМГ. Т. 1, № 534. С. 507–509.
34. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1637/38 года // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 41–113.
35. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1638/39 года // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 6. С. 163–235.
36. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1639/40 года // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 7. С. 194–269.
37. Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории : в 8 вып. М. : Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 382–483.
38. Боярская книга 1639 г. / подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступит. статья М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : ИРИ РАН, 1999. 266 с.
39. Записная книга Московского стола 7145 года: Записные книги Московского стола 1636–1663 г. // РИБ : в 39 т. СПб., 1886. Т. 10. С. 1–100.
40. Списки лиц, коим назначено быть в царском дворце «в золоте» при приеме иностранных послов. 1630–1634 гг. // Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией (далее – АЮБ) : в 3 т. СПб., 1884. Т. 3. № 351. Стб. 381–388.
41. Записная книга Московского стола 7149 года: Записные книги Московского стола 1636–1663 г. // РИБ. Т. 10. С. 201–300.
42. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях : в 2 т. Т. 2 : Домашний быт русских царей. М. : Типография Грачева и комп., 1869. 857 с.
43. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. Т. 3 (1645–1676). СПб. : в Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1852. IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.

44. Память из Разряда в Конюшенный приказ о даточных людях, взятых с разных чинов людей на службу. 1646, февраля 17 // АМГ. СПб., 1894. Т. 2. (1635–1659). № 267. С. 169–170.
45. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : [в 2 т.]. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
46. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов, В. Ю. Беликов, А. Берелович, В. Д. Назаров, Э. Тейро. М. : Древлехранилище, 2010. 1660 с.
47. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга : в 2 т. Т. 1 (издание второе). СПб. : издание А. С. Суворина, 1895. VIII, 468 с.

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

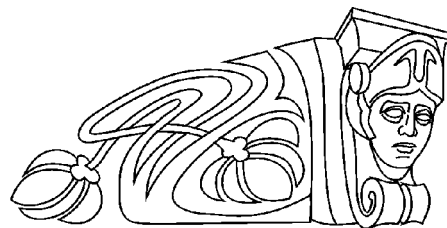
The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 25.11.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 173–180
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 173–180
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-173-180>, EDN: LDZRSN

Научная статья
УДК [625.46:656.08](47+57)|192|

Трамвайные аварии в советской городской повседневности 1920-х годов

И. В. Сидорчук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б

Сидорчук Илья Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений, chubber@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>, AuthorID: 619010

Аннотация. В статье показан масштаб проблемы трамвайных аварий в раннесоветских городах, выявлены ее причины, рассмотрены предлагаемые и реализуемые меры по их устранению, а также дана оценка эффективности осуществляемых действий. Основными факторами катастроф было игнорирование правил безопасности, ошибки вагоновожатых, малое число вагонов и их низкое качество. Несмотря на ряд принимаемых мер, вопрос создания безопасной системы городского транспорта было невозможно решить в нестабильных экономических и социальных условиях 1920-х гг.

Ключевые слова: история повседневности, история транспорта, трамвай, исследования науки и технологий, социальная история техники, городская история, советское общество

Для цитирования: Сидорчук И. В. Трамвайные аварии в советской городской повседневности 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 173–180. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-173-180>, EDN: LDZRSN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Tram accidents in the Soviet urban everyday life of the 1920s

I. V. Sidorchuk

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 B Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russia

Ilya V. Sidorchuk, chubber@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>, AuthorID: 619010

Abstract. The article shows the scale of the problem of tram accidents in early Soviet cities, identifies its causes, proposed and implemented measures to eliminate them, and assesses their effectiveness. The main factors of the disasters were disregard for safety rules, mistakes of the tram drivers, a small number of tram cars and their poor quality. Despite a number of measures taken, the issue of creating a safe urban transport system could not be resolved in the unstable economic and social conditions of the 1920s.

Keywords: the history of everyday life, the history of transport, the tram, science and technology studies, the social history of technology, urban history, Soviet society

For citation: Sidorchuk I. V. Tram accidents in the Soviet urban everyday life of the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 173–180 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-173-180>, EDN: LDZRSN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Трамвай стал одним из тех технических изобретений, которые бесспорно преобразовали и существенно трансформировали жизнь горожан. Преимущества нового вида транспорта были очевидны: он был достаточно бюджетным, доступным и позволял связать различные районы, сделать оживленными бывшие захолустные кварталы. 1920-е гг. иногда называют золотым веком трамвая для Советской России, потому что

медленно, но верно отживал свой век гужевой транспорт, организация автобусного сообщения еще не была налажена, а строительство метро только планировалось. В результате трамвай оказался главным средством передвижения рядового жителя крупного города. За 1923 г. только в Москве трамваи перевезли 202 млн пассажиров [1, с. 2]. В Ленинграде в конце десятилетия эта цифра за месяц достигала 30 млн человек

[2, с. 73]. Число поездок на одного жителя в год в 1927/28 г. в Москве составляло 290, в Ленинграде – 265, в Ростове-на-Дону – 173, в Самаре – 138, в Саратове – 117, а в Сталинграде – 114 [3, с. 2]. В следующем году оно соответственно составляло 314, 304, 184, 158, 136 и 130 поездок, то есть увеличилось во всех указанных городах [4, с. 2].

История отечественного трамвая, учитывая его роль в жизни общества, регулярно становится темой исторических исследований. Так, стоит выделить крупные работы, посвященные истории трамваев крупных городов, в частности, Москвы, Ленинграда, Саратова и др., в которых дан подробный исторический обзор их развития [5; 6; 7]. Помимо этого, вопросы появления и распространения трамвая затрагиваются в исследованиях, посвященных истории инфраструктуры, транспорта и жилищно-коммунального хозяйства различных городов страны [8, с. 334; 9, с. 163; 10, с. 107]. При этом далеко не так полно изучена история трамвая как феномена и одного из символов раннесоветской повседневности: здесь стоит выделить отдельную главу, посвященную столичному трамваю в 1920–1930-е гг. в научно-популярной монографии Г. В. Андреевского, где непосредственно затронута тема злободневности и распространности дорожных происшествий с участием трамвая, приводивших к многочисленным жертвам [11, с. 47–98].

Исследование призвано осветить такой важный аспект повседневности городов РСФСР в 1920-е гг., как дорожные происшествия и катастрофы с участием трамваев. В 1920-е гг. «железная паутина» было окутано более чем 20 городов республики, и, в отличие от современности, трамваи являлись одной из самых распространенных причин травм и гибели пассажиров и прохожих, а смертельные аварии с их участием – практически ежедневной картиной. В статье продемонстрирован масштаб проблемы, рассмотрены ее причины, реакция профессионального сообщества и населения, предлагаемые и реализуемые меры по ее решению, а также дана оценка их эффективности.

При подготовке работы было произведено обращение к широкому спектру опубликованных и архивных источников. В частности, речь идет о милицеских протоколах на задержанных за нарушение правил проезда на трамвае и протоколах допроса свидетелей и участников аварий. Информация о происшествиях публиковалась на страницах городских газет («Вечерняя Москва», «Красная газета», «Нижегородская коммуна» и др.). Значение трамвая в повседневности было столь велико, что статьи и заметки, посвященные различным вопросам трамвайного движения, без труда можно обнаружить в большинстве периодических изданий: о быте и организации труда («Культура и быт», «Гигиена

труда»), юмористических («Бегемот»), ориентированных на определенные слои населения («Красный студент», «Пионерская правда») и т. д. Важным источником стали руководства для вагоновожатых и правила пользования городскими железными дорогами. О различных аспектах проблемы организации безопасности на городском транспорте можно судить по материалам производственных конференций и съездов. Кроме этого, были изучены данные о работе психотехнических лабораторий, где в рассматриваемый период проводились испытания вагоновожатых и контролеров, целью которых было определение комплекса причин аварий и выработка действенных форм борьбы с ними. Яркие описания поездок на трамвае удалось получить благодаря обращению к художественной литературе, по праву сделавшей трамвай одним из главных героев эпохи.

При подготовке исследования использовался проблемно-аналитический метод, позволивший выявить и оценить актуальность проблемы трамвайных происшествий для раннесоветского города. Также было проведено обращение к статистическому и ретроспективному методам. Сравнительно-исторический метод использовался для анализа изменений, происходивших в развитии городского железнодорожного транспорта, происшествий с участием трамваев на протяжении рассматриваемого периода. В ходе изучения раннесоветской повседневности целесообразным стало обращение к новой культурной истории, позволяющей расширить проблемное поле исследования, проследить процесс формирования публичной сферы обсуждения различных составляющих быта. Исследование также предполагало использование положений и методов исторической антропологии. Важным стало обращение к принципам исследования науки и технологий (science and technology studies, STS), позволяющим рассмотреть технику в социальном контексте, в частности понять особенности рецепции новой и опасной технологии обществом. Получение значимых результатов исследования стало также возможным благодаря использованию принципа всесторонности, подразумевающего рассмотрение технологических инноваций во взаимодействии с политическими, культурными и социальными явлениями.

Новый вид транспорта, равно как и любое техническое изобретение – это не только улучшение человеческой жизни, но также опасность и угроза. Трамвай в данном случае является блестящим примером, ведь он оказался причиной гибели десятков тысяч человек по всему миру. Доступная статистика связанных с ним происшествий в раннесоветских городах не полна, но и имеющиеся данные поистине впечатляют. В 1921 г. в Петрограде произошло 256 смертельных и тяжелых несчастных случаев с участием трамваев, в 1922 г. – 240 [12]. В последующие

годы эта цифра продолжала расти: согласно данным «Бюллетеня Ленинградского губернского отдела статистики», в 1923 г. было 36 смертельных и 138 тяжелых случаев, в 1924 г. – 54 и 155, в 1925 г. – 57 и 190, в 1926 г. – 81 и 339 [13]. При этом стоит отметить, что в источниках встречаются разные сведения. Так, в том же «Бюллетене» в статье С. Новосельского «Естественное движение населения в Ленинграде в 1926 г.» приводятся данные, что в городе за 1925 г. было раздавлено трамваем 94 человека, а в 1926 г. – 153 [14, с. 173]. В Москве в 1927/28 г. было убито 56 пассажиров и пешеходов (пассантов), тяжелые ранения получили 320 человек. На следующий год эти цифры составили соответственно 31 и 226 человек. Одновременно за этот период выросло число незначительно пострадавших, с 396 до 526 человек [15, с. 19]. Всего же на 100 тыс. перевезенных пассажиров в столице в 1928/29 г. приходился 131 несчастный случай (без незначительных) против 151 в 1927/28 г. [16, с. 17].

Новости о случившихся трамвайных происшествиях без труда можно найти на страницах городских газет. Обычно это краткие заметки, удивляющие своей будничностью: «На пр. Красных Командиров, уг. 1-й Красноармейской, раздавлен трамваем насмерть неизвестный, лет 25» [17]; «Вчера на пр. Володарского попал под трамвай рабочий Сарин [нрзб.]. Из-под вагона его извлекли мертвым» [18]; «На Кооперативной ул. против дома № 38, шедшим трамваем задавлен неизвестный мальчик. Доставленный в губбольницу № 2, мальчик, не приходя в сознание, через 40 минут скончался. Никаких документов при покойном не оказалось и личность его не установлена» [19]; «Алексей Голубев, 23 л., был настигнут вагоном трамвая на Советском пр. Попад под колеса, он получил ушибы и повреждения тела» [20]; «У Ермаковки трамвай изувечил неизвестную женщину» [21] и т. п. Обращает на себя внимание и частота происшествий. Например, 3 июля 1927 г. в Ленинграде на ул. 3 июля (Садовой) у пер. Чернышева под вагон трамвая маршрута 21 попал Георгий Аладьев 17 лет, которому отрезало ступню правой ноги. Спустя несколько минут на том же месте под вагон трамвая маршрута 13 попал мужчина, которого со слабыми признаками жизни отправили в больницу [22]. Более жесткие и яркие описания зрелищ, открывавшихся в таких ситуациях прохожим, дают милицейские протоколы с места трагедий и протоколы опросов свидетелей. Например: «труп был исковеркан до невозможности и все платье оказалось смешанным со внутренностями» или «голова ее была на мостовой, а туловище под вагоном, и вынуть ее не представлялось возможным» [23, л. 2, 6].

От трамвая нельзя было скрыться, горожане были вынуждены с ним сосуществовать. Ответной реакцией на страх перед новым транспортом,

калечащим и убивающим людей, был в том числе и смех. Еще до революции трамваи, равно как и поезда, автомобили и самолеты, становились объектами для всевозможных шуток, чаще всего с обилием черного юмора [24, с. 190, 192–193]. Эта практика перешла и в советскую прессу. Например, на карикатуре в журнале «Бегемот», опубликованной в качестве комментария на новость о введении трамвайных предохранительных сеток, был изображен мужчина, лежащий на рельсах с отрезанными ногами. Другой прохожий его спрашивает, почему тот бросился под трамвай, на что он отвечает, что хотел проверить, как действуют те самые предохранительные сетки [25; 9, с. 56].

Помимо шуток, важным был вопрос поиска виноватых в авариях. Примечательно, что публика с большой охотой и без лишних рассуждений обвиняла в них вагоновожатых. На 5-й производственной конференции московских трамвайщиков в ноябре 1929 г. в прениях один из участников описал следующий случай: «15-го числа вагоновожатый задавил человека на смерть. Я в это время дежурил как раз на этом участке. Только благодаря моим уговорам толпа не разбила вагон, а она уже набрала в руки кирпичей и камней. Я же видел, что человек сам бросился под вагон» [16, с. 62; 23, л. 14 об.]. Одновременно не единичны были случаи, когда трагедии происходили именно из-за вагоновожатых, в частности, потому что они были пьяны [11, с. 67]. Более того, врач, специалист в области изучения различных форм наркотизма А. С. Шоломович, комментируя распространенность аварий московских трамваев, утверждал, что пьянка среди трамвайщиков традиционна, в чем они соревнуются с железнодорожниками, хотя и те и другие уступают первенство шоферам [26]. Однако, согласно статистическим сведениям, основная вина ложилась на самих пассажиров. В частности, по некоторым данным из-за того же алкоголя случалось около 50% инцидентов, а в предпраздничные и праздничные дни – до 90% [27; 28; 29; л. 2].

Если брать цифры без учета опьянения, в основном как смертельные трагедии, так и легкие случаи происходили при переходе пешеходов через пути и вскакивании в трамвай на ходу [30; 31]. Жертвы могли идти слишком близко к рельсам, перебегать дорогу перед самым трамваем [23, л. 6–6 об.; 11, с. 69], удачно избежать столкновения с одним, но быть задавленным встречным [32, л. 6 а], ездить на подножке и сорваться [33, л. 30 об.].

Одним из символов трамвайных аварий стала так называемая езда на «колбасе» – так назывался резиновый рукав, через который из моторного (первого) вагона накачивался воздух в тормозной компрессор прицепного. Впереди он включен, а на заднем свободно болтается, за него хватались, сидя или стоя на сцепке, и слетали от резкого толчка [2, с. 68; 34, с. 40–41].

Наиболее часто этим грешили дети, ведь «колбаса» – «самый первый яд для школьников» [35]. Кондукторы по возможности с этим боролись, например, сбрасывая шапки с голов нарушителей, которым приходилось прыгать за ними [2, с. 69–70].

Человеческий фактор был далеко не единственным. Комментируя увеличение числа несчастных случаев, осенью 1927 г. заведующий службой движения управления городских трамваев Ленинграда тов. Шейкин заявил: «Безусловно, в первую очередь, несчастные случаи надо отнести за счет расхлябанности населения. Во вторую очередь, на участвовавшие несчастия влияет темнота и буксовка вагонов вследствие листопада и загрязненности рельс» [27]. В 1925 г. заведующий технической частью городских железных дорог Ленинграда объяснял рост аварий переходом трамвая на более высокую скорость, отсутствием достаточного количества вагонов и их переполненностью, а также значительно большим оживлением на улицах [12].

Рост населения городов требовал увеличения числа трамвайных вагонов, которых не хватало. С 1917 г. до 1925 г. заводы СССР их не строили, выпуск был восстановлен только во второй половине десятилетия [5, с. 74], за границей, с учетом финансовой ситуации в стране, полноценных закупок также не велось [6, с. 183]. В Москве в 1920 г. ежедневно выпускалось на улицы 202 вагона, в 1921 г. – 282, в 1922 г. – 404, в 1923 г. – 558, и, несмотря на ежегодный рост, этого было недостаточно [1, с. 2]. Критической была ситуация и в других городах. Например, во Владивостоке в 1930 г. половина вагонов эксплуатировалась с 1912 г., а электромоторы вагонов ремонтировались кустарным способом по 25–30 раз [10, с. 107]. Важно было не только количество, но и качество, с которым тоже все было далеко не идеально. В революционные годы работа в этом направлении не велась, и, несмотря на постепенное улучшение ситуации, в начале 1920-х гг. из «больных вагонов» состоял значительный процент подвижного состава [36, л. 25]. В Саратове уже в начале 1930-х гг. в основном из-за плохого состояния пути, изношенности и некачественного ремонта не было ни дня, чтобы вагоны не сходили с рельс [37; 38].

Свой вклад вносили и погодные условия. Более опасными в плане аварий были осень и зима. Для лучшего торможения у вагона перед каждым колесом пристраивались песочницы, из которых при снижении скорости сыпался песок, что создавало большее трение между рельсом и колесом. Однако осенью, в период дождей и повышения сырости, это переставало эффективно работать, и вагон мог начинать скользить, как на санках [2, с. 69–70]. Не способствовали безопасности некоторые особенности труда вагоновожатых.

Зимой лобовое стекло заматало, а если его открывать, то задувало. Чистить ручкой – уставала рука, которая и так весь день крутила ручку контроллера [2, с. 32].

Еще одной причиной было объективно безобразное уличное движение в рассматриваемый период, что прекрасно видно по кадрам кинохроники. Вагоновожатые страдали не только от легкомысленных пешеходов, но и от экипажей и особенно автомобилей, шоферы которых не соблюдали правила, ездили по трамвайным путям и ослепляли яркими фарами [16, с. 60–61].

Стоит отметить, что сам процесс поездки на трамвае был зачастую весьма далеким от спокойного и комфортного, и такие условия не способствовали сохранению ни физического, ни психического здоровья. Среди многочисленных доступных художественных описаний типичной трамвайной поездки в большом раннесоветском городе приведем выразительный текст Д. Хармса, тем более что в нем присутствует и тема аварий: «Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорят друг другу “ты”. Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать еще не умеют, и скачут задом наперед. Часто кто-нибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса. Милиционеры свистят в свисточки, останавливают вагоны и штрафуют прыгнувших на ходу. Но как только трамвай трогается, бегут новые люди и скачут на ходу, хватаясь левой рукой за поручни» [39, с. 28]. В таких условиях безопасность не могла не страдать – многим пассажирам было просто не до соблюдения правил. Один сотрудник московской городской службы движения заявил: «Когда я вижу, что цепляются за ручки и висят, то я говорю: товарищи, так ездить нельзя, вы ломаете наши вагоны, они у нас и так в плохом состоянии, а мне отвечают: а вы, черти, давайте побольше вагонов» [16, с. 55]. В написанном в начале 1930-х гг. эстрадном фельетоне А. Григорьева описание трамвайной давки прокомментировано смелыми строками: «С трех часов до девяти / Все трамваи на пути / Заполняет наш народ / Наподобье банки шпрот. / <...> Пассажиры точно звери, / Лезут в окна, лезут в двери. / <...> Сесть труднее на трамвай, / Чем попасть партийцу в рай» [40, л. 26]. Проблемы с перегруженностью существовали не только в Ленинграде и Москве, но и в провинциальных городах. Например, в Сталинграде «обычным явлением становилась картина, когда трамвай был переполнен не только внутри, но и полностью был “обвешан” пассажирами снаружи» [9, с. 163].

Стремление нарушителей переложить вину на неудовлетворительное состояние организации трамвайного движения прекрасно видно из милицеских протоколов, составленных на них,

и протоколов судебных заседаний народных судов по этим делам. Например, молодой сотрудник Губчека И. М. Караванов 4 октября 1920 г. прикрепился с левой стороны трамвая, что было категорически запрещено, на углу Володарского проспекта и Пантелеймоновской улицы в Петрограде. Требованию милиционера сойти он не подчинился, за что был доставлен в участок. Поясняя свой поступок, он заявил, что «срочно ехал по служебным делам, попасть же в вагон не было никакой возможности за переполнением публикой» [41, л. 3–3 об.]. Спустя немногим более недели, 13 октября, в участок был доставлен В. К. Стабровский, 49 лет, за отказ выйти на пл. Восстания, из-за чего началась давка. В свое оправдание на заседании народного суда он сказал, что трамвай пошел не по тому маршруту – ему нужно было на Балтийский вокзал, а его привезли на Николаевский (Московский), поэтому виновным себя признать отказался [42, л. 3–3 об.]. 30 июля 1921 г. был составлен протокол на 19-летнего Н. Иванова, сотрудника Петроградской окружной транспортной чрезвычайной комиссии, за то, что он висел на подножке. Задержанный объяснил, что трамвай был полный, поэтому он «конечно и выделялся из внутри вагона, но не висел на подножки». Заполнить штраф чекист отказался, так как у него не было денег, и виновным себя считать отказался [43, л. 3–3 об.].

Как видно из последнего описанного случая, еще одной причиной, способствовавшей нарушению правил, была невозможность оплатить проезд в силу плачевного финансового состояния. В ноябре 1922 г. в Петрограде кондуктор высаdil 27-летнего инвалида, которому не хватило денег на билет. В ответ он обозлился и палкой разбил стекло, а в милиции заявил, что сделал это «на почве нервности» и даже не помнит, как ударил [44, л. 3–3 об.]. Бытовой набросок «Наше утро» 1925 г. в журнале «Красный студент» приводил такой диалог учащейся молодежи:

– А что, ребята, поедим на трамвае? – посоветовал пронырливый Дудочкин.

– А деньги где? – спросил Иванов.

– Эх, ты, разиня, да у меня билеты старые есть. Вот трамвай идет. Видишь, как много народу в нем. Влезай и жди пока до тебя дойдет кондуктор. Ну, вали в вагон. А у меня – билета нет... ну да я на «колбасу» сяду.

Свистунов с Ивановым шмыгнули в вагон, а Дудочкин уселся на «колбасу». На второй остановке его хлопнул по плечу рабочий.

– Разве можно на «колбасе» ездить?

– Почему нельзя, если денег нет?

– Денег нет, так пешком ходи, а сюда больше не садись. Пришлось Дудочкину в припрыжку за трамваем бежать.

На следующей остановке высадили и его товарищей [45, с. 20].

Студенты были одной из групп населения, которой могли предоставлять льготные трамвайные билеты. В частности, работа по снабжению ими, наряду с банными талонами и за электроэнергию, велась профкомом в Казанском университете [46, л. 24].

Чрезвычайная актуальность проблемы трамвайных аварий требовала принятия комплекса мер для их предотвращения или хотя бы уменьшения. В первую очередь речь шла о правилах как для пассажиров и пешеходов, так и для вагоновожатых и контролеров. Входить в трамвай можно было только через заднюю площадку, но было исключение для некоторых категорий населения. Например, согласно правилам, действовавшим в Москве в 1928 г., через переднюю площадку могли входить члены ЦИК СССР и ВЦИК, члены Московского и Районных советов, инвалиды, имеющие специальные билеты, лица с явными признаками инвалидности, беременные женщины и лица с детьми ростом не выше метра, сотрудники милиции в форме, служащие и рабочие городских железных дорог, учащиеся школ 1-й и 2-й ступени в возрасте до 15 лет – по удостоверениям школ [47, с. 10].

Разумеется, был запрет на выход из вагона до его полной остановки, а также на проезд на подножках и буферах, нельзя было высовываться из вагона. Не допускались к проезду лица в нетрезвом состоянии и арестованные в сопровождении конвоя [48]. Кроме этого, не пускались в трамвай «лица, одержимые явно заразной болезнью», а особенностью московских правил был запрет поездок на трамвае женщинам «в шляпах с длинными, острыми шпильками без наконечников» [47, с. 10].

Значительно более подробно прописывались правила для вагоновожатых. В конце «Катехизиса вагоновожатого», изданного в Перми в 1930 г., было сказано: «Помни, что в твоих руках находится жизнь 100 пассажиров и имущество вагона. За всякое неумелое и невнимательное обращение с вагоном в результате чего может быть несчастный случай ты несешь уголовную ответственность» [49, с. 15]. Перед тем как трогаться, вагоновожатый должен был ждать сигнала кондуктора [50, с. 4–5]. Кроме этого, именно он проверял документы у тех, кто входил с передней площадки, потому что кондуктор находился на задней. Еще он должен был закрывать дверцу передней площадки, давать предупредительный звонок и не допускать переполнения вагона [51, с. 9]. Ему также надо было подавать предупредительные звонки на пересекающих пути улицах, следить за переезжающими экипажами и проходящими пешеходами, запрещалось разговаривать во время движения [49, с. 6].

Конечно, простого перечисления мер безопасности и знакомства с правилами было недостаточно – их соблюдали далеко не все и не всегда. В связи с этим для предотвращения аварий

и несчастных случаев проводился целый комплекс мер. Например, одной из самых очевидных был штраф. При этом, как указал в своем докладе пленуму секции Моссовета по Московскому отделу коммунального хозяйства управляющий московскими городскими железными дорогами инженер А. В. Гербко осенью 1923 г., штрафы были действенной мерой, позволившей быстро сократить число несчастных случаев [1, с. 3]. В Ленинграде на крупные узловые пункты ежедневно командировались милиционеры, чтобы штрафовать вскакивающих на ходу в вагоны трамвая и регулировать посадку пассажиров [27].

Вторым основным способом борьбы с нарушениями была агитация. Например, она велась на рабочих собраниях и в школах, где рассказывалось о правилах пользования трамваем и опасности последствий их нарушения. Озвучивалась мысль об учете зарубежного опыта, в частности американского, где детям преподается в школах специальный курс безопасности и правила как себя вести, чтобы не попасть под трамвай или автомобиль [12]. Периодическая печать публиковала изображения жертв трамвая, сопровождая их напоминаниями о том, что нельзя ездить на «колбасе» («это может стоить ноги и даже жизни»), переходить между едущими навстречу друг другу трамваями и т. п. [52] Даже юмористический «Бегемот» публиковал абсолютно серьезные материалы, например, изображение трупа под колесами: «Страшное зрелище, читатель! А вот поди-же, прыгуны все прыгают и прыгают!» И далее надпись: «Граждане! Берегите свою жизнь и здоровье. Не сходите и не входите на ходу вагона. Сходя на остановках, держитесь левой рукой за поручень» [53]. Также без всякой иронии в нем комментировалась новость о том, что Комиссия по улучшению жизни детей в Ленинграде рассылает по школам листовки с правилами об уличном движении: «Школьник, повисший на колбасе, может не удержаться и, падая вниз, может раздробить свой неокрепший череп», поэтому желательна не только агитация листовками, но и более запоминающимися и выразительными средствами [35].

С целью уменьшения числа аварий устраивались соцсоревнования между трамвайными парками, которые, например, брали на себя обязательства «изжить полностью наезды вагонов на вагоны и максимально сократить столкновения с авто- и гужетранспортом» [16, с. 38].

Интерес представляет опыт работы психотехнических лабораторий, которые комплексно исследовали вопросы причин аварий и разрабатывали меры по их предотвращению. Например, они составляли карты происшествий, чтобы определить наиболее проблемные участки [54, с. 26]. Много внимания уделялось изучению профпригодности вагоновожатых. Так, уже Первый всесоюзный съезд по трамвайному делу в декабре 1922 г. поручил лаборатории промышлен-

ной психотехники при Народном комиссариате труда выработать методы и произвести пробные испытания вагоновожатых московского трамвая [55, с. 52]. Были разработаны тесты и задания для проверки интеллекта, внимания, наблюдательности, реакции. Для повышения качества результатов исследования и прочного усвоения навыков ведения вагонов сотрудники лаборатории сами учились водить трамвай. На основании изучения работы была составлена психологическая характеристика (профессиограмма) работы вагоновожатого. В частности, там указывалась степень важности тех или иных навыков (умения правильно читать, узнавать и различать цвета, способности ускорять в особых случаях темп работы, быстро отвечать на неожиданное зрительное восприятие и пр.) [55, с. 58–63]. В основу испытаний, как отмечали сотрудники Психотехнической лаборатории Московского коммунального хозяйства И. Н. Дьяков и Н. В. Петровский, они поставили «принцип всесторонней борьбы с опасностями городского движения не только по линии укомплектования личного персонала, но и по линии предупреждения об опасности самого прохожего» [56, с. 2; 57]. Активно использовался опыт западных психотехников, подчеркивалась важность «пропаганды самозащиты», применялись специальные аппараты для испытания вожатых и кондукторов. В московской лаборатории была испытательная трамвайная площадка и экспериментальные экраны (трехмерная панорама, в точности воспроизводящая одну из московских улиц), которые моделировали опасные ситуации, например, когда пешеход выбегает на дорогу и пр. [56, с. 80–84].

Несмотря на все усилия, решить проблемы аварий за рассматриваемый период не удалось, а приводившие к ним причины в целом сохранялись. Весьма символичной стала трагедия 29 ноября 1930 г. в Ленинграде. Она произошла в 8 утра на Международном (Московском) проспекте у д. 98, в месте, где он пересекает железнодорожную линию. Трамвай № 8 шел по направлению к заводу «Электросила». В это время паровоз осаживал состав груженых вагонов. Последний груженный вагон наскочил на моторный вагон трамвая, опрокинул его и раздавил своей тяжестью. В результате погибло 28 человек, что стало одной из самых кровавых трагедий с участием трамвая в отечественной истории [58]. Расследование выявило многочисленные нарушения техники безопасности, а также то, что инструкции не соблюдались ни рядовыми сотрудниками, ни руководством. При этом катастрофа совпала с началом «Декады безопасности» на городском железнодорожном транспорте. Ее организация была вызвана высоким числом жертв трамвайных аварий – только с июля по октябрь 1930 г. в городе погибло 125 человек. Кампания преследовала цель

упорядочить уличное движение, укрепить трудовую дисциплину работников трамвая, провести работу по просвещению населения в вопросах безопасности движения и пользования транспортом [59].

Таким образом, предпринимаемые в отношении повышения безопасности трамвайного движения в 1920-е гг. меры так и не привели к решающему улучшению ситуации. Трамвай был жизненной необходимостью для тысяч и тысяч горожан и приезжих, однако он ассоциировался с давкой, воровством, руганью и, что самое страшное, высокой вероятностью получить травму и даже погибнуть. Существовал целый комплекс причин, по которым аварии продолжали происходить: плохо регулируемое уличное движение, игнорирование правил безопасности пассажирами и пешеходами, ошибки вагоновожатых и их недостаточная квалификация, малое число вагонов и их низкое качество и др. При этом нужно подчеркнуть, что проблемы широко обсуждались, и такие действия, как широкая агитация среди детей и взрослых, повышение надзора за соблюдением правил и наказание нарушителей, различные научные исследования, направленные на выявление причин происшествий, тестирование и выработку принципов отбора вагоновожатых, а также работы по техническому улучшению трамваев были целесообразны и обоснованы. В то же время такая задача, как создание безопасной и эффективной системы городского транспорта, была еще слишком сложна для бурной эпохи 1920-х гг. с ее политической нестабильностью, бедностью и низким культурным уровнем населения, амбициозными планами, ускоренной урбанизацией и масштабной трансформацией городского пространства.

Список литературы

1. Гербо А. В. Московский трамвай в 1922–23 хозяйственном году / Докл. упр. моск. гор. ж. д. инж. А. В. Гербо пленуму секции Моссовета по М. К. Х. 16 окт. 1923 г. М. : Тип. МКХ, 1923. 16 с.
2. Берман Л. Трамвай. Л. : Красная газета, 1929. 76 с.
3. Статистические данные о работе трамвайных предприятий СССР в 1927/28 г. / под ред. П. К. Пешекерова и Ю. К. Гринвальда. М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1929. 8 с.
4. Статистические данные о работе трамвайных предприятий СССР в 1928/29 г. / под ред. П. К. Пешекерова. М. : Москрекласправиздат, 1930. 8 с.
5. Трамвай в Санкт-Петербурге. Научно-справочное издание / под ред. М. В. Мочалова. СПб. : Лики России, 2007. 416 с.
6. Тархов С. А. История московского трамвая. М. : [Б. и.], 1999. 356 с.
7. Маршруты и судьбы, 1887–1997: 110 лет саратовскому рельсовому транспорту / под общ. ред. Е. К. Былинкина. Саратов : Кадр, 1997. 128 с.
8. Запарий В. В. Модернизация городской инфраструктуры Екатеринбурга – Свердловска в 1923–1930 гг. // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 4. С. 328–337. <https://doi.org/10.15507/2409-630X.063.019.202304.328-337>
9. Фурман Е. Л., Луночкин А. В., Юдина Т. В. Сталинград в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: население, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство города // Экономическая история. 2020. Т. 16, № 2. С. 156–166. <https://doi.org/10.15507/2409-630X.049.016.202002.156-166>
10. Маклюков А. В. Электрификация городской инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР в 1920-е – 1930-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (44). С. 100–112.
11. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1920–1930-е годы. М. : Молодая гвардия, 2003. 573 с.
12. Борьба с несчастными случаями на трамваях // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925. 6 января. № 5 (693). С. 5.
13. Несчастные случаи с людьми на линии городских железных дорог // Бюллетень Ленинградского губернского отдела статистики. 1927. № 16. С. 290.
14. Новосельский С. Естественное движение населения в Ленинграде в 1926 г. // Бюллетень Ленинградского губернского отдела статистики. 1927. № 16. С. 147–174.
15. Отчет о работе треста Московской городской железной дороги за 1928/29 г. и контрольные цифры на 1929/30 г. [М.] : Москрекласправиздат, [1929]. 48 с.
16. Московский трамвай на путях пятилетки (По материалам 5-й произв. конференции). М. : Изд-е треста МГЖД и ОТЭ МОО Союза коммунальщиков, 1930. 113 с.
17. Жертвы движения // Красная газета. Вечерний выпуск. 1930. 28 мая. № 124 (2482). С. 3.
18. Смерть под трамваем // Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 5 февраля. № 32 (1036). С. 5.
19. Задавленный трамваем // Нижегородская коммуна. 1925. 21 января. № 17. С. 7.
20. Жертвы трамваев // Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. 22 сентября. № 256 (1574). С. 3.
21. Жертвы движения // Вечерняя Москва. 1928. 11 октября. № 237 (1447). С. 4.
22. Шесть жертв трамвая // Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. 20 сентября. № 254 (1572). С. 3.
23. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-52 (Народный суд 1-го отделения 1-го Городского района г. Петрограда). Оп. 4. Д. 272.
24. Сидорчук И. В. Наука и техника в сатирических изданиях Российской империи 1870–1910-х гг. // Былые годы. 2020. Т. 55, № 1. С. 188–205. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.1.188>
25. Любишь кататься // Бегемот. 1925. № 11. С. 11.

26. Шоломович А. Об алкогольном либерализме, трамвайных прорывах и промфинплане // Культура и быт. 1931. № 4. С. 18.
27. 16 жертв трамвая // Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. 11 октября. № 275 (1593). С. 3.
28. Шалаев. На антиалкогольном фронте // Большевик. 1929. 28 июня. № 10. С. 4.
29. ЦГА СПб. Ф. Р-810 (Народный суд 4-го отделения города Ленинграда). Оп. 2. Д. 271.
30. Друскин С. Борьба с несчастными случаями на трамваях // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1928. № 1. С. 11.
31. Истребов. Почему кондукторы не берут штрафы // За образцовый трамвай (Листок выездных редакций: «Саратовский рабочий», «Даешь комбайн» и «Вожакий»). 1932. 26 декабря. № 4. С. 1.
32. ЦГА СПб. Ф. Р-810. Оп. 2. Д. 134.
33. ЦГА СПб. Ф. Р-819 (Народный суд 13-го отделения города Ленинграда). Оп. 1. Д. 1908.
34. Кудряшёв А. В. Детские шалости советских подростков на городском транспорте // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 39–44. <https://doi.org/10.15293/1813-4718.1805.04>
35. Воззвание Бегемота // Бегемот. 1925. № 21. С. 9.
36. ЦГА СПб. Ф. Р-1963 (Управление Уполномоченного Народного комиссариата финансов по Северо-Западной области и финансовый отдел Ленинградского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 34.
37. Привести в порядок трамвайное движение (по письмам рабочих) // Саратовский рабочий. 1932. № 55. 4 октября. С. 2.
38. Скибневский. Как улучшить трамвайное движение. (Беседа с начальником службы движения трампарка тов. Гузановым // Саратовский рабочий. 1932. 4 октября. № 55. С. 2.
39. Хармс Д. Утро // Хармс Д. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 Проза и сценки. Драматические произведения. СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 27–31.
40. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-218 (Коллекция рукописей произведений для эстрады и цирка). Оп. 2. Д. 150.
41. ЦГА СПб. Ф. Р-53 (Народный суд 2-го отделения 1-го Городского района г. Петрограда). Оп. 9. Д. 1031.
42. ЦГА СПб. Ф. Р-134 (Народный суд 7-го отделения г. Ленинграда). Оп. 3. Д. 1003.
43. ЦГА СПб. Ф. Р-134. Оп. 4. Д. 1526.
44. ЦГА СПб. Ф. Р-52. Оп. 5. Д. 981.
45. Низовцев Г. Наше утро. (Бытовой набросок) // Красный студент. 1925. С. 19–21.
46. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. П-624 (Первичная организация КПСС Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина). Оп. 1. Д. 65.
47. Правила пользования городскими жел. дор. и автобусными сообщениями МКХ // Трамвайный и автобусный путеводитель. 4-е изд. М. : Издательство М. К. Х., 1928. С. 10–12.
48. Правила пользования городскими железными дорогами, 17 июля 1923 г.: [листовка]. [Пг.]: Тип. Откомхоза, [1923, июль, 21]. 1 с.
49. Катехизис вагоновожатого. Пермь : Тип. «Уралполиграф», 1930. 15 с.
50. Руководство для вагоновожатых. Ростов-на-Дону : Азово-Черноморское изд-во, 1934. 40 с.
51. Инструкция-руководство для вагоновожатых. Псков : Тип. «Пск. Колхозник», 1932. 47 с.
52. Помни, что путешествие в трамвае стоит трамвайного билета // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1928. № 7. С. 13.
53. Граждане! Берегите свою жизнь и здоровье // Бегемот. 1925. № 3. С. 13.
54. Резолюции, принятые X Всесоюзной трамвайной конференцией в Киеве 15–20 июня 1933 г. М. : Гострансиздат, 1933. 32 с.
55. Шпильрейн И. Н. Испытания профессиональной пригодности вагоновожатых Московского трамвая в лаборатории промышленной психотехники // Гигиена труда. 1925. № 11. С. 52–64.
56. Дьяков И. Н., Петровский Н. В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте: Психотехнические испытания шоферов, вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта. Психотехнич. лаборатория Моск. коммунальн. хоз-ва. М. : Москрекламсправиздат, [1928]. 110 с.
57. Стоюхина Н. Ю. Психотехник городской среды И. Н. Дьяков (к 130-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской Академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6, № 4. С. 156–178. https://doi.org/10.38098/iran.opwp_2021_21_4_007
58. Сапего М. Г., Шушарин И. Про трамвайную трагедию у Московской заставы в Ленинграде 1 декабря 1930 года. 2-е изд. СПб. : Красный матрос, 2020. 78 с.
59. Сегодня начинается «декада безопасности» // Красная газета. Вечерний выпуск. 1930. 1 декабря. С. 4.

Поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 09.10.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 181–190

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 181–190
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-181-190>, EDN: LTQVOM

Научная статья

УДК 94(37)|-01|+929Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион

Кв. Метелл Сципион. Штрихи к биографии знатнейшего из помпеянцев

Т. А. Долгова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Долгова Татьяна Алексеевна, аспирант кафедры истории древнего мира, dolgova-tyan@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6850-3972>, AuthorID: 1183078

Аннотация. Статья посвящена деятельности Кв. Цецилия Метелла Пия Сципиона Назики, одного из самых знатных римлян времен поздней Республики, сыгравшего значимую роль в событиях гражданской войны 49–45 гг. до н. э. Специальное внимание уделено проблеме, связанной с усыновлением по завещанию, юридическая сила которого вызывает споры в историографии. Далее рассматривается политическая карьера Метелла Сципиона, в частности, занимаемые должности и сближение с Гн. Помпеем Магном. В гражданской войне Метелл Сципион занял место лидера помпеянской группировки после смерти Помпея.

Ключевые слова: Римская республика, гражданская война, помпеянцы, Метелл Сципион, Гней Помпей, Цезарь

Для цитирования: Долгова Т. А. Кв. Метелл Сципион. Штрихи к биографии знатнейшего из помпеянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 181–190. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-181-190>, EDN: LTQVOM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Q. Metellus Scipio. Touches to the biography of the most noble of the Pompeians

T. A. Dolgova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

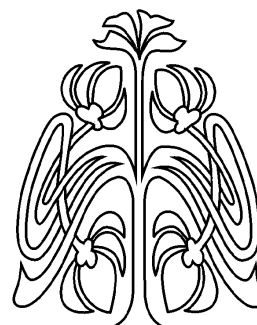
Tat'yana A. Dolgova, dolgova-tyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6850-3972>, AuthorID: 1183078

Abstract. The article is devoted to the activities of Q. Caecilius Metellus Pius Scipio Nasica, one of the most noble Romans of the late Republic, who played a significant role in the events of the civil war of 49–45 B. C. The aspect of biography connected with testamentary adoption, the legal force of which is disputed in historiography, is analysed separately. Further the political career of Metellus Scipio is considered, in particular, the positions held and rapprochement with Gn. Pompey Magnus. In the civil war Metellus Scipio took the place of the leader of the Pompeian coalition after Pompey's death.

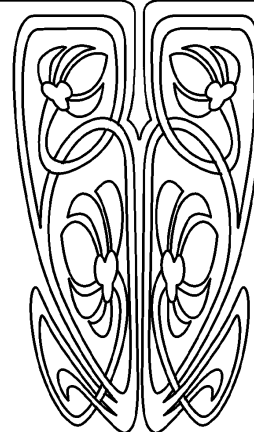
Keywords: Roman Republic, civil war, Pompeians, Metellus Scipio, Gnaeus Pompey, Caesar

For citation: Dolgova T. A. Q. Metellus Scipio. Touches to the biography of the most noble of the Pompeians. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 181–190 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-181-190>, EDN: LTQVOM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Блестящее происхождение Кв. Цецилия Метелла Пия Сципиона Назики неоднократно отмечалось исследователями [1, S. 1224; 2, p. 35; 3, p. 151]. Он родился около 95 г. до н. э. [4, p. 113] в семье П. Сципиона Назики, претора ок. 93 г., и Лицинии, дочери оратора Л. Лициния Красса (Cic. *Brut.* 211, *Verr.* II.4.79; *Dom.* 123; *Ad Att.* VI.1.17; Val. Max. IX.5.3; Dio Cass. XL.51.3) [5, с. 247; 6, с. 86; 7, с. 94; 8, с. 97; 9, с. 417–418; 10, p. 485]. Его старшими предками были П. Корнелий Сципион Назика, консул 111 г. до н. э., и Цецилия Метелла, дочь Метелла Македонского, консула 143 г. до н. э.

О раннем периоде биографии Сципиона известно немного. Примерно в 75–73 гг. до н. э. он женился на Эмилии Лепиде¹ [11, p. 289]. Плутарх рассказывает подробности: Сципион долгое время был помолвлен с Лепидой, но разорвал помолвку. Когда М. Порций Катон собрался на ней жениться, Сципион передумал и «всеми правдами и неправдами» вернул себе невесту. Катон в гневе даже хотел подать в суд, но ограничился насмешливыми стихами (Plut. *Cat. Min.* 7) [12, с. 231]. Причем Сципион тоже написал что-то ему в отместку (Plut. *Cat. Min.* 57) [12, с. 254]. Благодаря этому сюжету, становится известно о вражде Сципина с Катоном. Вероятно, от этого брака у Сципиона был сын, который умер в раннем возрасте (CIL XIV 3589) [13, p. 387].

Далее о биографии Сципиона нет каких-либо значительных сведений вплоть до 63 г. до н. э., когда Кв. Метелл Пий, консул 80 г. до н. э., великий понтифик и глава Цецилиев Метеллов, умер и оставил после себя завещание, в котором усыновил П. Сципиона.

Об усыновлении по завещанию сообщает только Дион Кассий (Dio Cass. XL.51.3) [10, p. 485]. Следует отметить, что в форме усыновления сомневался еще Ф. Мюнцер [1, S. 1224]. Но если доверять Диону Кассию в этом вопросе, то следует подробнее рассмотреть завещательные усыновления.

В историографии вопрос о том, имели ли усыновления по завещанию полную юридическую силу, давно вызывает большие споры, и центральной темой обсуждения является усыновление Октавиана Цезарем в 44 г. до н. э. Так, Т. Моммзен считал завещательное усыновление Октавиана имевшим полную силу [14, S. 397–412]. В. Шмиттеннер не признавал существования завещательного усыновления в юридическом смысле, и, следовательно, не признавал действительным усыновление Октавиана [15, S. 104–117]. Д. Р. Шеклтон-Бейли предложил другую точку зрения: если усыновление Октавиана было признано, то из этого вовсе не следует, что и в других случаях усыновления по завещанию приравнивались к усыновлению при жизни (*inter vivos*) [16, p. 93]. Р. Сайм, считал, что понятия «завещательное усыновление» у римлян

не существовало: ни один гражданин не мог своей последней волей изменить правовой статус наследника [17, p. 159]. О. Саломиес высказал предположение, что в поздней Республике усыновление по завещанию могло приравниваться к полному усыновлению [18, p. 8], и приводит два примера, когда такие усыновления были подобны реальному усыновлением: это случаи Т. Помпония Аттика и Метелла Сципиона. Последний, по мнению Саломиеса, унаследовал родство (*filiatio*) от своего усыновителя: Сципион стал носить имя Q. Caecilius Q. f. Metellus Pius Scipio (Cic. *Ad Fam.* VIII.8.5) [8, с. 37]. К. Кюнст твердо говорит о том, что усыновление по завещанию не меняло агнатического положения, т. е. не приводило к изменению родства [19, S. 93–94]. По мнению Х. Линдси, следует сомневаться в том, что усыновления по завещанию имели полную юридическую силу [20, p. 78]. Возможно, речь шла о назначении наследника и указании взять имя покойного. С формальной точки зрения, нам ничего неизвестно о юридических процедурах, связанных с делами о завещании. Только в случае с Октавианом была проведена адрогация. Но не следует забывать, что усыновление Октавиана происходило в особой политической ситуации.

Следует согласиться с Х. Линдси в том, что завещательное усыновление не имело таких же последствий, как другие формы усыновления (*adrogatio* и *adoptio*). Усыновление через завещание обязывало принять имя усыновителя в качестве благодарности за наследство, в то время как усыновленные через *adrogatio* и *adoptio* всегда ставили в начале своей номенклатуры преномен и номен приемного отца [17, p. 159–160; 18, p. 1]. Также такое усыновление не могло наложить *patria potestas* на усыновленного [20, p. 82–83]. В целом исследователи относятся к завещательным усыновлениям с некоторой долей подозрительности. К. Кюнст назвал это явление «мерцающим институтом» («schillernde Institution») [19, S. 87]. Стоит признать, что о завещательных усыновлениях сложно судить ввиду недостаточности сведений и редкого применения: Р. Бодри насчитал всего девять подобных случаев [21, p. 349].

Что касается Метелла Сципиона, то существует несколько факторов, на которые мы можем опираться.

Имя. Нам известно, что Сципион принял имя своего усыновителя и стал именоваться Квинтом Цецилием Метеллом Пием Сципионом, что засвидетельствовано Цицероном (Cic. *Har. Resp.* 12) [7, с. 190], Асconiем (Ascon. 34C) [22, p. 68–69], монетами 46 г. до н. э. (RRC 459–461) [23, p. 471–472] и пергамской надписью (IGRR. IV. 409) [24, p. 163]. Т. е. условие смены имени наследника (*condicio nominis ferendi*) было выполнено. Но является ли это доказательством, что усыновление имело полную юридическую

силу? О. Саломиес, основываясь на данных номенклатуры, полагает, что имело [18, р. 8–10]. Х. Линдси считает этот случай необычным, т. к. как усыновленные по завещанию часто сохраняют свое первоначальное имя. Они могли использовать *praenomen* и *nomen* своего приемного отца, иногда также его *cognomen* и любые дополнительные имена, но обычно продолжали использовать филиацию и трибу родного отца, оставаясь таким образом членами своей первоначальной агнатической семьи [20, р. 161–163].

Смена трибы. Л. Р. Тейлор в своем перечне, распределяя сенаторов по трибам, с опорой на предписания сената, записанные Целием (Cic. *Ad Fam.* VIII. 8.5–6) [8, с. 37–38] указывает, что Метелл Сципион состоял в Фабиевой трибе, но далее оговаривается, что неясно принадлежал ли Метелл Сципион к своей первоначальной трибе или к трибе усыновителя, так как триба не засвидетельствована ни для Сципионов Назик, ни для Цецилиев Метеллов [25, р. 198]. При этом Д. Р. Шеклтон Бейли считает, что Фабиева триба была изначальной для Метелла Сципиона, но не приводит доказательств [16, р. 88]. В таком случае этот фактор ничего нам не дает.

Смена рода. Перешел ли Метелл Сципион из патрицианского рода Корнелиев в плебейский род Цецилиев? Патриций, усыновленный плебеем, становился плебеем [16, р. 98]. Но как происходило при усыновлении по завещанию? Д. Симмонс, автор диссертации, посвященной Цецилиям Метеллам, в этом даже не сомневается [26, р. 174]. Хотя касательно Метелла Сципиона прямых свидетельств не дошло, но есть несколько косвенных, которые скорее доказывают обратное.

Во-первых, в 60 г. до н. э. Метелл Сципион участвовал в выборах (Cic. *Ad Att.* II.1.9) [27, с. 82]. Нельзя с полной уверенностью назвать должность, которой он добивался. Говоря о смене рода, нам важно выяснить, были ли это выборы плебейских трибунов. К. Конрад убедительно доказал, что нет прямых доказательств того, что Метелл Сципион когда-либо был плебейским трибуном, и того, что он стремился к этой должности [28, р. 123–141].

Во-вторых, эпиграфически засвидетельствовано, что в 53 г. до н. э. он занимал должность интеррекса (CIL I² 2663c; Cic. *Ad Fam.* VII.11.1) [29, р. 740; 27, с. 332], которую могли занимать только патриции [30, р. 229]. Э. Дж. Вайнриб заявляет, что Метелл Сципион был одновременно и плебеем, и патрицием [31, р. 260, п. 53]. Ф. Мюнцер считал Метелла Сципиона плебеем и удивлялся его имени среди интеррексов этого года, но легко нашел этому объяснение: 53 г. до н. э. был кризисным годом, а Метелл Сципион, хоть и плебей, но очень родовитый и благородный, т. е. принадлежность к патрицианскому сословию могла быть не столь важным фактором при выборе интеррекса, тем более что

интеррексы сменяли друг друга в течение шести с половиной месяцев, а сенаторов-патрициев, по его мнению, вряд могло быть больше двадцати [32, S. 223]. К. Конрад решает этот вопрос иначе: нигде не засвидетельствован запрет для патрициев быть интеррексом два и более раз. По его мнению, вероятнее всего, существовал список, в котором была записана очередность, и когда он заканчивался, то очередь начиналась сначала [28, р. 129]. Таким образом, должность, требующая быть патрицием, засвидетельствована, а должность, требующая быть плебеем – нет.

Еще одно небольшое соображение. Метелл Сципион в коллегии понтификов занимал место, по мнению Ф. К. Райана, предназначенное для плебеев [33, р. 517, п. 84]. Аргументация следующая: со времен Суллы в коллегии было восемь плебеев и семь патрициев; на 57 г. до н. э. все пятнадцать членов коллегии известны, и Метелл Сципион получается восьмым плебеем. Но Конрад, критикуя Райана, показал, что это не является аргументом, поскольку не доказано, что закон Суллы требовал большинства именно плебеев [28, р. 127].

Чтобы доказать плебейство Метелла Сципиона, нужно подтвердить адрогацию через завещательное усыновление, что невозможно, ведь нет ни одного случая адрогации «задним числом», кроме адрогации Октавиана.

Вернемся к факторам. Имена детей: дочь Метелла Сципиона носила имя Корнелия, а не Цецилия. У детей, родившихся до усыновления, имя не менялось [16, р. 81]. Е. Линдерски доказал, что дочь Метелла Сципиона родилась задолго до того, как ее отец был усыновлен. Если бы имела место адрогация, то она уничтожила бы фамилию не только усыновленного, но и всех тех, кто находился в этот момент под его властью [34, р. 162]. То есть в данном случае имело место простое *condicio nominis ferendi*. Предполагаемый сын уже носил имя Кв. Метелл Сципион (CIL XIV 3589) [13, р. 387; 35, tabl. XIX].

Таким образом, следует считать, что в результате усыновления по завещанию Сципион выполнил условие смены имени и получил наследство. Э. С. Грюэн считает его главой клана Метеллов [3, р. 151]. По мнению Д. У. Симмонса, трудно определить, кто встал во главе семьи Цецилиев Метеллов после смерти Метелла Пия: Метелл Сципион или Метелл Непот, старший из рода на тот момент. Но после смерти последнего бразды правления достались Метеллу Сципиону [26, р. 170].

У нас нет каких-либо четких свидетельств о мотивах усыновления. По предположению Р. Бодри, это усыновление, как и любое другое, обеспечивало непрерывность имени и рода [21, р. 349]. Выбор наследника мог быть обоснован соображениями родства: П. Корнелий Сципион приходился Кв. Метеллу Пию троюродным племянником (Cic. *Dom.* 123; *Brut.* 212) [7, с. 94;

5, с. 248], а для усыновления зачастую выбирали младших дальних родственников. К. Кюнст предлагает рассматривать это усыновление с точки зрения политической выгоды, ведь после него юный Сципион мог похвастаться восемью верховными понтификами в своей родословной [36, S. 144]. Так или иначе, не уходя в туманную область предположений, невозможно дать четкий ответ на вопрос о юридической процедуре усыновления Метелла Сципиона.

Касательно изменения имени наследника есть замечательное упоминание в Дигестах о том, что, хотя это условие и не имеет законной силы, претор вправе потребовать его выполнения: «...человек поступит правильно, если выполнит его; ведь нет ничего плохого в том, чтобы взять на себя имя почтенного человека <...>, но, тем не менее, если он откажется носить имя, условие должно быть снято с него» (Dig. 36.1.65.10) [37, с. 542]. То есть подразумевалось, что благородный человек возьмет имя своего усыновителя. Несмотря на позднее время создания Дигест, такая же логика могла быть применима и в самом конце поздней Республики.

После усыновления о жизни Метелла Сципиона нам известно больше. В том же 63 г. до н. э. он был одним из тех, кто предупредил Цицерона о заговоре Катилины (Plut. *Cic.* 15) [12, с. 346]. Скорее всего, его карьера представляла собой стандартный *cursus honorum*. Политическая деятельность была для него неременной. Известно, что он враждовал с Катоном, но конфликты, однако, не должны были сильно беспокоить человека, который на выборах мог бы привлечь на свою сторону клиентов Метеллов и Сципионов [3, р. 151]. В целом он принадлежал к кругу оптиматов [38, с. 31].

О том, что в 60 г. до н. э. Метелл Сципион избирался на должность, упоминалось выше. Данный факт известен из письма Цицерона от июня 60 г. до н. э., в котором он сообщает следующее: «Фавоний получил голоса в моей трибе с большим почетом, чем в своей; трибу Лукция потерял. Назику он обвинил не порядочно, однако скромно <...>» (Cic. *Ad Att.* II.1.9. Пер. В. О. Горенштейна) [27, с. 82] и далее критикует ораторские способности Фавония. Возможно, что это были дополнительные выборы на преждевременно освободившуюся магистратуру. В выборах участвовали Метелл Сципион и Фавоний, который тогда был ярким приверженцем Катона. Отношения между кандидатами были сложными. В этих выборах Фавоний потерпел поражение и обвинил соперника в подкупе избирателей (*de ambitu*). Обвиняемого на суде защищал Цицерон, и Метелл Сципион был оправдан.

В историографии существует спор относительно того, на какую именно должность они претендовали. Л. Р. Тейлор считала, что это были выборы эдилов [39, р. 79–85]. Позиция Броутона не последовательна: в «The Magistrates

of the Roman Republic» он указывает, что Метелл Сципион был народным трибуном в 59 г. [30, р. 189], а в труде, посвященном проигравшим выборы кандидатам, Броутон настаивает, что в 60 г. до н. э. он участвовал в выборах квесторов [40, р. 48]. Ф. К. Райан считает, что он добивался трибуната [33, р. 517, п. 84]. Подробно разобравшийся в этом вопросе К. Конрад полагает, что вероятнее всего это были выборы эдила [28, р. 140–141].

Принято считать, что должность эдила Метелл Сципион занимал в 57 г. до н. э. [30, р. 201], когда с большим размахом провел гладиаторские игры в честь приемного отца (Cic. *Sest.* 124; Schol. Bob. 137) [7, с. 146; 41, р. 106]. В этом же году он голосовал за снятие с дома Цицерона религиозного запрета, наложенного Клодием (Cic. *Dom.* 123; *Har. Rep.* 12) [7, с. 94; 7, с. 185]. В 56 или 55 г. до н. э. он занимал должность претора. Броутон указывает 55 г. до н. э., но ставит знак вопроса, отмечая, что это самая поздняя дата, возможная в соответствии с законом Корнелия [30, р. 215]. После претуры Метелл Сципион управлял провинцией, но какой именно неизвестно. Высказывались предположения о том, что это могла быть Испания, Крит и Кирена или Африка [28, р. 139]. По сведениям М. Терренция Варрона, он отпраздновал триумф в 54 или в 53 г. до н. э. за победы в этой провинции (Varr. *RR.* III.2.16) [42, р. 118–119].

В 53 г. до н. э., как уже упоминалось, он исполнял обязанности интеррекса [30, р. 229] (Cic. *Ad Fam.* VII.11.1; CIL I² 2663c) [27, с. 332; 29, р. 740]. Известно, что Метелл Сципион был близок с М. Крассом. Его дочь Корнелия примерно с 55 г. до н. э. [26, р. 173] была замужем за старшим сыном Красса (Plut. *Pomp.* 55) [12, с. 96–97]. Связи с Крассом имел еще родной отец Метелла Сципиона. Но все изменили события 53 г. до н. э., когда отец и сын Крассы погибли в битве при Каррах. Теперь же Метелл Сципион лишился политических связей и был открыт для приобретения новых [26, р. 174–175]. С 52 г. до н. э., а может уже и с 53 г. до н. э. [43, р. 149], становится возможным проследить его сближение с Гн. Помпеем Магном.

Прежде чем рассмотреть мотивы этого сближения, стоит отметить, что Метелл Сципион стремился увенчать свой *cursus honorum* еще одной должностью и выдвигал свою кандидатуру в консулы на 52 г. до н. э. наряду с А. Гипсеем и Т. Аннием Милоном. Три кандидата использовали все мыслимые и немыслимые средства в предвыборной гонке. Беспорядки достигли таких масштабов, что выборы магистратов вообще не были проведены. Ввиду этих обстоятельств сенат назначил Помпея консулом без коллеги с правом самому выбрать второго консула через два месяца. Во время единоличного консульства Помпей, помимо прочих мер, провел закон о злоупотреблениях на выборах (App. *BC.* II.23)

[44, с. 362]. Этот закон доставил неприятности Метеллу Сципиону: его обвинили в подкупе избирателей (Dio Cass. XL.53.2; Plut. *Pomp.* 55) [10, р. 487; 12, с. 96–97]. Некоторые подробности дела приводит Аппиан (App. BC.II.24) [44, с. 375]: Метелла Сципиона привлек к суду Гай Меммий² [45, S. 609–616], который сам был осужден за подкуп избирателей. Поскольку дело длилось еще с 53 г. до н. э., а суд на Меммием состоялся только в 52 г. до н. э., то на его случай уже распространялся новый закон Помпея, согласно которому осужденный мог быть освобожден от наказания, если успешно обвинит кого-либо в таком же преступлении. И Меммий обвинил Метелла Сципиона. В любом случае, влияния Помпея оказалось достаточно для того, чтобы ситуация разрешилась для Метелла Сципиона самым благополучным образом: Меммий сам прекратил дело (Plut. *Pomp.* 55; App. BC.II.24). [12, с. 96–97; 44, с. 375].

Политическое сотрудничество прослеживается и далее. Уладив дела государства, Помпей избрал своим коллегой по консульству Метелла Сципиона (Plut. *Pomp.* 55; Dio Cass. XL.51.2–3; App. BC.II.25) [12, с. 96–97; 10, р. 485; 44, с. 378]. О его деятельности в должности консула нам известно только то, что он отменил ограничение власти цензоров, которое ввел Клодий в 58 г. (Dio Cass. XL.57.1–3) [10, р. 493]. Консульство Метелла Сципиона зачастую оценивается как неактивное и малозначительное.

Что касается причин сближения двух политиков, то для Помпея причина достаточно очевидна – он всегда стремился установить связи в кругах элиты [3, р. 345]. Метелл Сципион, который имел очень разветвленную систему связей в среде нобилитета, был весьма выгодным союзником. Важным шагом в этом направлении стал брак Помпея с дочерью Метелла Сципина, Корнелией (Plut. *Pomp.* 55; Dio Cass. XL.51, 53; App. BC. II.24; Val. Max. IX.5.3; Vell. II.54.2) [12, с. 96–97; 10, р. 485, 487; 44, с. 375; 9, с. 417–418; 46, с. 176]. Любопытно, что Аппиан и Плутарх, описывая злоклучения Метелла Сципиона в суде, уже называют его тестем Помпея. Мюнцер помещает брак Помпея с Корнелией после назначения Метелла Сципиона консулом [1, S. 1225]. Д. У. Симмонс полагает, что брак был заключен именно тогда, когда Метелла Сципиона уже привлекли к суду [26, р. 175].

Какие мотивы к сближению с Помпеем могли быть у Метелла Сципиона? Вполне прозаические: благодаря Помпею Метелл Сципион добился не только должности консула, но и прекращения дела в суде. Как иронично заметил Цезарь, тесть Помпея сильно боялся судебных преследований (Caes. BC.I.1–4) [47, с. 219–223]. С этих пор он стал, по словам Мюнцера, «самым решительным сторонником Помпея» [1, S. 1225]: отстаивал интересы Помпея в сенате, высказывался от его имени, пока того не было в Городе.

Особенно заметен Метелл Сципион в обсуждении вопроса, приведшего в конечном счете к гражданской войне. Полномочия Цезаря по мере того, как истекал их срок, становились все более актуальной темой для обсуждения в сенате. Когда Марцелл предложил Цезарю сложить командование 1 марта 50 г. до н. э., именно Метелл Сципион провел постановление о переносе обсуждений на эту дату. Вместе с Домицием Агенобарбом он провел еще одно постановление, согласно которому всякий магистрат, препятствующий обсуждению полномочий Цезаря, должен считаться виновным в измене. Примечательно, что Домиций Агенобарб был зятем Катона. А общность целей действий Метелла Сципиона и Катона говорит о том, что борьба против Цезаря заставила их забыть старые обиды.

Решающее заявление Помпея о том, чтобы Цезарь распустил войска и сложил полномочия до определенного дня, иначе его объявят врагом отечества, было сделано через его тестя (Cic. *Ad Fam.* VIII.9.5; Caes. BC.I.1–4; Plut. *Caes.* 30.3) [8, с. 19; 47, с. 219–223; 12, с. 181].

Цезарь, описывая мотивы своих врагов, не забывает и про Метелла Сципиона, которому приписывает «надежды на провинции и войска, которые он рассчитывал поделить с Помпеем в качестве родственника; к этому присоединяется страх перед судебными процессами, тщеславное самохвальство и основанные на взаимной лести связи с могущественными людьми <...>» (Caes. BC.I.4. Пер. М. М. Покровского) [47, с. 223].

С началом гражданской войны Метелл Сципион отправился в Сирию в качестве проконсула (Caes. BC.I.6; Cic. *Ad Att.* IX.1.4; Plut. *Pomp.* 62) [47, с. 224; 8, с. 246; 12, с. 101]. Его деятельность в этой провинции наиболее подробно описана в «Записках» Цезаря (Caes. BC.III.31–33) [47, с. 311–312]. Следует обратить внимание, что бывший тесть Помпея не щадил слов, описывая неподобающее поведение тестя нынешнего. Особо примечательна фраза Цезаря: «Сципион за некоторые поражения, понесенные им у Амана, провозгласил себя императором» (Caes. BC.III.32. Пер. М. М. Покровского) [47, с. 311–312]. Во-первых, самопровозглашение императором было невозможно, провозгласить могли только войска, и фраза Цезаря – явная насмешка. Но титул императора у Метелла Сципиона все же был и нашел отражение в монетах, отчеканенных чуть позже в Пергаме [48, S. 570, № 192; 49, р. 32], а также в надписи, установленной там же (IGRR IV.409) [24, р. 163].

Во-вторых, о боевых столкновениях у горы Аман (Нур) нам сообщает только Цезарь. Ф. Мюнцер пишет, что Метелл Сципион сражался там с парфянами [1, S. 1226]. Но это не совсем верно. Горный хребет Аман находится в другой стороне от Парфянского царства, он отделяет Сирию от Киликии (Cic. *Ad Att.* V.20.3) [8, с. 50–51] и является проходом из одной страны в другую.

Боевые столкновения были в этой области в 64 г. до н. э., тогда Л. Афраний подчинил местные племена, и в 51 г. до н. э., когда там сражалось войско под командованием Цицерона (Cic. *Ad Att.* V.20.3–4) [8, с. 50–52]. По мнению П. Гринхола, Метеллу Сципиону в 49 г. до н. э. пришлось разбираться с теми разбойничьими племенами, которых не добил Цицерон [50, р. 238]. Д. Маги рассматривал этот эпизод как легкую победу, после которой можно получить титул императора, тем самым намекая на то, что Метелл Сципион последовал в этом деле примеру Цицерона [51, р. 403].

Пребывание помпеянца в Сирии не обошлось без вмешательства в местные политические дела, которые оказались тесно связаны с текущей политической ситуацией. Когда Цезарь вошел в оставленный помпеянами Рим, то выпустил из тюрьмы иудейского царя Аристулу II, который был взят в плен Помпеем в 63 г. до н. э. при завоевании Иудеи. Цезарь дал царю два легиона и отправил на родину, чтобы тот всячески противодействовал Помпею в этой провинции. Но вскоре Аристулу был отравлен, вероятно, по приказу Помпея. Его сын Александр находился в Сирии и становился теперь претендентом на иудейский престол. В конце 49 г. до н. э. Метелл Сципион казнил его в Антиохии (Joseph. *ant. Iud.* XIV.7.4; *bell. Iud.* I.9.2; Dio Cass XLI.18.1) [52, с. 82; 53, с. 45; 54, р. 35].

Зиму 49–48 гг. до н. э. Метелл Сципион провел в Пергаме (Caes. *BC.* III.31–32) [47, с. 311–312]. Будучи в Азии, Метелл Сципион принял самые разнообразные поборы с местных [55, р. 450–451]³, налоги были собраны не только за два предыдущих года, но даже за следующий год (Caes. *BC.* III.32) [47, с. 311–312]. Провинция наполнилась военными чиновниками, которые собирали деньги не только для Помпея, но и для себя, ссылаясь на то, что они были вынуждены покинуть свои дома. Местные жители обращались к ростовщикам, и, как итог, в течение двух лет общая задолженность Азии удвоилась [51, р. 404].

Для покрытия текущих расходов на содержание войска Метелл Сципион отчеканил серию монет-кистофоров со своим именем. Изображение на аверсе кистофоров Метелла Сципиона типичное для такого рода монет [56, р. 269]⁴ – приоткрытая плетеная *cista mystica* с выползающей из нее змеей, вся композиция окружена венком, а вот на реверсе вместо традиционно колчана, обвитого двумя переплетающимися змеями, изображен римский легионерский орел на длинном шесте, легенда: Q. METELLVS PIVS/SCIPIO IMPER [49, р. 32]. Таким образом, подчеркнут военный характер чеканки.

Все действия Метелла Сципиона в этот период, по предвзятым сведениям Цезаря, сопровождались вымогательством и грабежами. Цезарь также передает ситуацию, достоверность которой может быть поставлена под сомнение:

Метелл Сципион уже отдал приказ захватить деньги, хранившиеся в храме Артемиды в Эфесе, но в этот момент получил известие о прибытии Цезаря в Грецию, после которого Метелл Сципион поспешил туда (Caes. *BC.* III.33) [47, с. 312]. Как справедливо подметил П. Гринхол, в этой ситуации проявляется лукавство Цезаря [50, р. 238]: он приписывает себе спасение храма Артемиды, в то время как сам совсем недавно ограбил храм Сатурна в Риме (Lucan III.114–153; Dio Cass XLI.17; Plut. *Caes.* 35.3–4; *Pomp.* 62; *Flor.* II.21; App. *BC.* II.41; Oros. VI.15.5) [57, с. 53–54; 54, р. 33; 12, с. 184; 12, с. 100; 58, с. 110; 44, с. 412; 59, с. 400].

В целом Метеллу Сципиону удалось собрать два легиона опытных солдат (App. *BC.* II.60) [44, с. 501]. А. Б. Егоров отмечает, что слабость набранных им легионов состояла в небольшом числе собственно италийских контингентов [60, с. 230]. Как уже было сказано выше, Помпей вызвал своего тестя из Сирии, как только Цезарь появился в Греции. По словам П. Гринхола, Помпей с нетерпением ожидал прибытия Метелла Сципиона, который мог уравновесить силы сторон [50, р. 200–201].

Метелл Сципион быстро двинулся через Геллеспонт в Македонию. Но прежде чем легионы объединились, он столкнулся с цезарианцами (Caes. *BC.* III.34–38) [47, с. 312–315]. В тот момент в Македонии находился цезарианец Гн. Домиций Кальвин во главе двух легионов, которые должны были помешать объединению помпеянских армий [50, р. 237] (Caes. *BC.* III.36) [47, с. 313–314]. Метелл Сципион не собирался задерживаться и стремительно шел на Кальвина. Когда тот уже готовился к столкновению, Метелл Сципион повернул в Фессалию, оставив легата М. Фавония на границе этих областей – реке Алкиамон. Целью Метелла Сципиона был легат Цезаря – Л. Кассий Лонгин, находившийся там с одним легионом новобранцев. Нанеся поражение цезарианцу, Метелл Сципион вернулся к Фавонию. Последовали стычки с Домицием, в которых Метелл Сципион потерпел неудачу (Dio. Cass. XLI.51.2–3) [54, р. 92]. Одновременно с этим происходили столкновения основных сил при Диррахии. Цезарь обратился через общего друга А. Клодия к Метеллу Сципиону с предложением повлиять на Помпея и заключить мир, но посланник был отвергнут (Caes. *BC.* III.57) [47, с. 324].

Когда основные войска начали отступать из Диррахии, Метелл Сципион отправился в Ларису и стал ждать прихода Помпея. В начале августа 48 г. до н. э. их войска наконец-то объединились (Caes. *BC.* III.80, 82) [47, с. 336–338]. Помпей отнесся к тестю со всем уважением: «поделился званием главнокомандующего и приказал играть у него его собственный сигнал и разбить для него особую ставку» (Caes. *BC.* III.82.

Пер. М. М. Покровского) [47, с. 337–338]. Возможно, так Помпей стремился выглядеть менее автократично.

После усиления армии настроения в окружении Помпея поднялись настолько, что помпеянцы, считая исход войны решенным, уже делили будущие должности (App. BC.II.69) [44, с. 511]. Метелл Сципион активно участвовал в делении шкуры неубитого медведя и претендовал на должность великого понтифика, из-за чего ожесточенно конфликтовал с Л. Домицием Агенобарбом и Лентулом Спинтером (Caes. BC.III.83; Plut. *Pomp.* 67; Caes. 42) [47, с. 338; 12, с. 103–104; 187].

В решающем сражении при Фарсале Метелл Сципион занимал центральную позицию в построении войск во главе сирийских легионов (Caes. BC.III.88; App. BC.II.76; Plut. *Pomp.* 69; Caes. 44) [47, с. 341; 44, с. 520; 12, с. 104; 186]. После поражения он сначала бежал на Керкиру, где выжившие помпеянцы собирались вокруг Катона (App. BC.II.87) [44, с. 533]. После он вместе с Т. Лабием и Л. Афранием переправился в Африку (Plut. *Cat. Min.* 56) [12, с. 255].

Когда Метелл Сципион укрепился в Африке, пришла весть о смерти Помпея. Но это событие не стало крахом для помпеянской группировки. Кроме Метелла Сципиона на положение главы помпеянских сил претендовал еще Аттий Вар, наместник Африки, назначенный Помпеем. Но оба они были готовы уступить эту должность М. Порцию Катону, как идейному лидеру сопротивления Цезарю. Но тот, в высшей степени принципиальный человек, заявил, что «не нарушит законов, <...> и не поставит себя, бывшего претора, выше полководца в ранге консула» (Plut. *Cat. Min.* 57. Пер. С. П. Маркиша) [12, с. 256]. Так лидером помпеянцев стал Метелл Сципион (Liv. *Per.* 113; Vell. II.54.2–3) [61, с. 585–586; 46, с. 176–177]. Громкие победы его предков в Африке внушали надежду на успех и в этот раз (Dio Cass. XLII.57.5) [54, р. 209]. Кроме того, в этой провинции Метелл Сципион мог полагаться не только на свое славное имя, но и на многочисленную клиентелу [26, р. 179]. Позже Цезарь же то ли смеялся над Метеллом Сципионом, то ли приманивая удачу его рода на свою сторону, в каждом сражении отдавал почетное место некоему Сципиону, прозванному Салютионом за свою распушенность, но происходившему из семьи Сципионов Африканских (Plut. *Caes.* 52; Suet. *Iul.* 59) [12, с. 191; 62, с. 28].

Цезарь появился в Африке лишь к концу 47 г. до н. э. У помпеянцев было больше года, чтобы восстановиться. За это время они успели собрать четырнадцать легионов, восемнадцать тысяч конницы и 64 слона [60, р. 253]. Известна также серия монет Метелла Сципиона относящихся к этому времени (RRC 459–461) [23, 738–739]. Главной темой изображений на монетах было ожидание победы, а легенда была простой

и горделивой: SCIPIO IMP [23, р. 738–739]. С. Вейнсток приводит эту чеканку в качестве примера «мирной пропаганды» [63, р. 45].

Внутри самой помпеянской группировки обстановка складывалась беспокойная. Метелл Сципион часто спорил с Т. Лабием, который был весьма опытным полководцем, поскольку не один год воевал в галльских кампаниях Цезаря (Val. Max. VIII.14.5) [9, с. 393]. Поводом для критики лидера стало его отношение к местному союзнику, царю Юбе. Метелл Сципион был чрезмерно уступчив и обещал отдать ему всю римскую Африку после победы (B.Afr. 57; Dio Cass. XLIII.4.4) [47, с. 434; 54, р. 218]. Древние авторы упоминают даже, что Метелл Сципион уступал Юбе настолько, что по его просьбе сменил одеяние главнокомандующего на простое, отдав таким образом главенство нумидийскому царю. Такое поведение не могло вызвать симпатий ни в армии, ни в среде нобилитета. По всей видимости, пропаганда Цезаря изображала помпеянцев и их главнокомандующего «простыми орудиями в руках варварского царя» [64, с. 489].

С появлением Цезаря в провинции Метелл Сципион не спешил вступать в бой и избегал прямых столкновений. Ф. Мюнцер в связи с этим полагает, что он и вовсе не имел военного дарования [1, 1227]. В качестве военачальника, Сципион не использовал изначально сложное положение противника, поэтому Цезарь смог перебросить свои легионы из Италии и привлечь множество перебежчиков (B.Afr. 19, 32, 35, 51) [47, с. 413–414, 421–423, 431].

Решающая битва произошла 6 апреля 46 г. до н. э. Цезарь двинулся на г. Тапс и Метеллу Сципиону ничего не оставалось, кроме того как принять бой на невыгодных условиях, чтобы защитить важный город (B.Afr. 79, 80; Plut. *Caes.* 53) [47, с. 445–446; 12, с. 192]. Итогом сражения стало полное поражение помпеянских войск (B.Afr. 82, 86; Liv. *Per.* 113; Vell. II.54.2; Suet. *Iul.* 35, 37, 59) [47, с. 447, 449; 61, с. 585–586; 46, с. 176–177; 62, с. 19, 20, 28].

Метелл Сципион с несколькими выжившими помпеянами собирался бежать в Дальнюю Испанию, где к тому времени укрепились сыновья Помпея. Но пути их занесло штормом к Гиппону Регию, где стояла эскадра под командованием П. Ситтия. Корабли помпеянцев были окружены и затоплены, главнокомандующий погиб (B.Afr. 96) [47, с. 454]. Цицерон в письмах оценивает его смерть как бесславную (Cic. *Ad Fam.* IX.18.2) [8, с. 401]. Но Т. Ливий, известный своими симпатиями к помпеянам, описывает его смерть как достойную: Метелл Сципион, увидев, что корабли захвачены врагом покончил с собой. На вопрос солдат Цезаря, где полководец, он крикнул им: «С полководцем все хорошо» («*Imperator se bene habet*») (Liv. *Per.* 114) [61, с. 586]. Такой рассказ о событиях был подхвачен Сенекой, Валерием Максимом и Флором (Sen.

Ep. Mor. 24.9; *Val. Max.* III.2.13; *Flor.* II.13.65–68) [65, с. 67; 66, с. 345; 58, с. 81].

Во многих отношениях Метелл Сципион не оправдал тех больших надежд, которые на него возлагали. Человек, которого Метелл Пий выбрал как продолжателя рода Цецилиев Метеллов, не выполнил возложенную на него задачу и стал виновником окончательного ухода семьи в небытие. После гибели Метелла Сципиона и других вождей помпеянцев борьбу с Цезарем продолжили сыновья Помпея.

Исследователи оценивают личность Метелла Сципиона негативно: как избалованного [26, р. 180], скучного и нелюбопытного [3, р. 151] человека. По выражению Э. С. Грюэна, «качество родословной не соответствовало характеру ее обладателя» [3, р. 151]. Он больше интересовался пирами и развлечениями, чем политикой и войной. Согласно Варрону и Плинию, он обладал сомнительной репутацией распутника (*Val. Max.* IX.1.8) [9, с. 409] и изобретателя фуа-гра (*Varr. RR.* III.10.1; *Plin. NH.* 10.52) [42, р. 137; 67, р. 358]. Метелл Сципион не был лишен тщеславия: Цицерон сообщает, что он установил позолоченную группу конных статуй в честь своей семьи на Капитолии (*Cic. Ad Att.* VI.1.17.) [8, с. 97].

Примечания

- ¹ Вероятно, дочь Мамерка Лепида Ливиана, консула 77 г. до н. э.
- ² Народный трибун 66 г. до н. э., претор 58 г. до н. э. В ходе предвыборной компании он и другой кандидат, Гн. Домиций Кальвин, сговорились с действующими консулами Ап. Клавдием Пульхром и Л. Домицием Агенобарбом, что те посодействуют их избранию. Помпей отговорил Меммия от участия в сделке, и тот разоблачил схему в сенате, что вызвало большой резонанс. Кв. Акуций привлек Меммия к суду за незаконное соискание должности.
- ³ Одно время считалось маловероятным, что упомянутые Цезарем поборы относятся к провинции Азия, но Т. Р. Холмс опроверг эту точку зрения.
- ⁴ Кистофоры обычно отражают представления Атталидов об их происхождении от Диониса и Геракла: *Cista mystica* – отсылка к Дионису, колчан и стрелы символизируют Геракла, сын которого по имени Телеф по легенде был основателем Пергама.

Список литературы

1. Münzer F. *Caecilius* 99 // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1897. Bd. III, 1. Hbd. 5. S. 1224–1228.
2. Taylor L. R. *Party Politics in the Age of Caesar* // *Sather Classical Lectures*. Vol. XXII. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1949. 255 p.
3. Gruen E. S. *The last generation of the Roman Republic*. Berkley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1995. 625 p.
4. Sumner G. *Orators in Cicero's Brutus: prosopography and chronology*. Toronto : University of Toronto Press, 1973. 197 p.
5. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. и прим. И. П. Стрельниковой; под ред. М. Л. Гаспарова. М., Наука, 1972. 472 с.
6. Цицерон Марк Туллий. Речи / пер. с лат. В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек : в 2 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 1. 443 с.
7. Цицерон Марк Туллий. Речи / пер. с лат. В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек : в 2 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 2. 399 с.
8. Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. с лат. и комм. В. О. Горенштейна : в 3 т. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. Т. 2. 502 с.
9. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / пер. И. А. Алексеева : в 2 ч. СПб. : Издательство Императорской Академии наук, 1772. Ч. 2. Кн. V–IX. 520 с.
10. Cassius Dio. *Roman History* / trans. by E. Cary : in 9 vol. London : William Heinemann ; New York : G. P. Putnam's sons, 1914. Vol. 3. 522 p.
11. Münze F. *Roman Aristocratic Parties and Families* / transl. by T. Ridley. Baltimore ; London : Johns Hopkins University Press, 1999. 486 p.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. С. П. Маркиша : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 2. 672 с.
13. *Corpus Inscriptionum Latinarum* : in XVII vols. Vol. XIV : *Inscriptiones Latini veteris Latinae* / ed. by H. Dessau. Berolini : apud G. Reimerum, 1887. 657 p.
14. Mommsen T. *Zur Lebensgeschichte des jüngeren Plinius / Gesammelte Schriften*. Berlin, 1906. Bd. IV. S. 366–468.
15. Schmitthenner W. *Oktavian und das Testament Cäsars*. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1973. Aufl. 2. 120 S.
16. Shackleton Bailey D. R. *Adoptive Nomenclature in the Late Roman Republic* // *Idem. Two Studies in Roman Nomenclature*. N. Y. : Scholars Press, 1976. P. 79–136.
17. Syme R. *Clues to Testamentary Adoption* // *Roman Papers* / ed. by A. R. Birley. Oxford : Clarendon Press, 1988. Vol. IV. P. 159–173.
18. Salomies O. *Adoptive and Polyonymous Nomenclature in the Roman Empire*. Helsinki : Societas Scientiarum Fennica, 1992. 179 p.
19. Kunst Chr. *Adoption und Testamentsadoption in der Späten Republik* // *KLIO*. Vol. 78. 1996. S. 87–104.
20. Lindsey H. *Adoption in the Roman world*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 256 p.
21. Baudry R. *Les pratiques adoptives au dernier siècle de la République* // *Ktéma: Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques*. № 46. 2021. P. 343–356.
22. Asconius. *Commentaries on Speeches of Cicero* / trans. with comm. by R. G. Lewis ; ed. by A. C. Clark. Oxford, 2006. 358 p.
23. Crawford M. *Roman Republican coinage*. Cambridge : Cambridge University Press, 1974. 1022 p.
24. *Inscriptiones Graecae ad res romanas pertinentes* / ed. by R. Cagnat, G. Lafaye. Paris, 1901. Vol. 4. 742 p.

25. Taylor L. R. The voting districts of the Roman Republic: The thirty-five urban and rural tribes. Rome, 1960. 353 p.
26. Simmons D. W. From Obscurity to Fame and Back Again: The Caecilii Metelli in the Roman Republic. Provo, Utah, 2011. 284 p.
27. Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. с лат. и комм. В. О. Горенштейна : в 3 т. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. Т. 1. 536 с.
28. Konrad C. F. Notes on Roman Also-Runs // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / ed. by J. Linderski. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1996. P. 103–143.
29. Corpus Inscriptionum Latinarum. In XVII vols. Berolini : apud G. Reimerum, 1931. Vol. I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Editio altera. Pars II, fasc. 2 / ed. by Er. Lommatzsch, H. Dessau. 857 p.
30. Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. N. Y. : The American philological association, 1952. Vol. 2. 647 p.
31. Weinrib E. J. The Family Connections of M. Livius Drusus Libo // Harvard Studies in Classical Philology. 1967. Vol. 72. P. 247–278.
32. Münze F. Aus dem Verwandtenkreise Caesars und Octavians // Hermes. 1936. Bd. 71. S. 222–230.
33. Ryan F. X. The Quaestorship of Favonius and the Tribune of Metellus Scipio // Athenaeum. 1994. Vol. 82. P. 505–521.
34. Linderski J. Q. Scipio Imperator // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / ed. by J. Linderski. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1996. P. 145–186.
35. Syme R. The Augustan aristocracy. Oxford : Clarendon Press, 1986. 557 p.
36. Kunst Chr. Römische Adoption. Zur Strategie einer Familienorganisation. Hefen : Buchverlag Marte Clauss, 2005. 347 S.
37. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2004. Т. V. Полутом 2 (книги XXXIII–XXXVI). 608 с.
38. Любимова О. В. Брачные союзы как инструмент политики в эпоху поздней римской республики: семья триумвира Красса // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2013. № 3 (117). С. 22–37.
39. Taylor L. R. The Office of Nasica Recorded in Cicero, Ad Atticum 2.1.9 // Classical, Mediaeval and Renaissance Studies in Honor of B. L. Ullman / ed. by C. E. Henderson. Roma, 1964. P. 79–85.
40. Broughton T. R. S. Candidates Defeated in Roman Elections: Some Ancient Roman “Also-Rans”. Philadelphia : American philosophical society, 1991. 64 p.
41. Scholia in Ciceronis Orationes Bobiensia / ed. by P. Hildebrandt. Lipsae : in aedibus B. G. Teubneri. 1907. 362 p.
42. Varro Marcus Terentius. Rerum rusticarum libri tres / ed. by G. Goetz. Lipsae : in aedibus B. G. Teubneri, 1912. 162 p.
43. Gelzer M. Caesar: Politician and Statesman / transl. by P. Needham. Cambridge : Harvard University Press, 1968. 359 p.
44. Аппиан. Гражданские войны / пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. СПб. : Алетей, 1994. 780 с.
45. Münzer F. Memmius 8 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1931. Bd. XV, 1. S. 609–616.
46. «Римская история» Веллея Патеркула / пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1985. 211 с.
47. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. с лат. и комм. М. М. Покровского. М. : Научно-издательский центр «Ладомир» – «Наука», 1993. 559 с.
48. Pinder M. Über die Cistophoren und über die Kaiserlichen Silbermedaillons der Römischen Provinz Asia. Berlin, 1856. 635 S.
49. Metcalf W. E. The Later Republican Cistophori. N. Y. : The American numismatic society, 2017. 183 p.
50. Greenhalgh P. Pompey The Republican Prince. London : Weidenfeld and Nicolson, 1981. 320 p.
51. Magie D. Roman rules in Asia Minor. Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 1950. Vol 1. 1661 p.
52. Иосиф Флавий. Иудейские древности : в 2 т. / пер. с древнегреч. и прим. Г. Г. Генкеля. СПб. : Типо-литография А. Е. Ландау, 1900. Т. 2. 420 с.
53. Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. с древнегреч. Я. Л. Чертка. СПб. : типо-литография А. Е. Ландау, 1900. 560 с.
54. Cassius Dio. Roman History / trans. by E. Cary : in 9 vol. London : William Heinemann ; New York : G. P. Putnam's sons, 1916. Vol. 4. 520 p.
55. Holmes T. R. The Roman republic and the founder of empire. Oxford : The Clarendon press, 1923. Vol. III. 620 p.
56. Harl K. W. Livy and the Date of the Introduction of the Cistophoric Tetradrachma // Classical Antiquity. 1991. Vol. 10, № 2. P. 268–297.
57. Лукан Марк Анней. Фарсалия, или поэма о гражданской войне / пер. с лат. Л. Е. Остроумова. М. : Научно-издательский центр «Ладомир» – «Наука», 1993. 352 с.
58. Луций Анней Флор – историк древнего Рима / пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1977. 167 с.
59. Орозий Павел История против язычников / пер. с лат. и комм. В. А. Тюленева. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2004. 546 с.
60. Егоров А. Б. Юлий Цезарь Политическая биография. СПб. : Нестор-История, 2014. 548 с.
61. Ливий Тит История Рима от основания Города : в 3 т. / пер. с лат. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова. М. : Наука, 1993. Т. 3. 770 с.
62. Транквилл Гай Светоний Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М. : Художественная литература, 1990. 255 с.
63. Weinstock S. Pax and the «Ara Pacis» / The Journal of Roman Studies. 1960. Vol. 10. P. 44–58.

64. Роусон Э. Цезарь: гражданская война и диктатура // Кембриджская история древнего мира / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : НИЦ «Ладомир», 2020. Т. IX/1. 560 с.
65. Сенека Луций Анней Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / пер. с лат. С. Ошерова. М. : Издательство «Художественная литература», 1986. 543 с.
66. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения : в 2 ч. / пер. И. А. Алексеева. СПб. : Издательство Императорской Академии наук, 1772. Ч. 1. Кн. V–IX. 477 с.
67. Pliny. Natural History : in X vols. / transl. by H. Rackham. Cambridge : Harvard University Press ; London : William Heinemann LTD, 1938. Vol. III. 644 p.
- Ad Att.* – Письма Аттику
Ad Fam. – Письма близким
Brut. – «Брут, или о знаменитых ораторах»
Dom. – «Речь о своем доме»
Har. Resp. – «Речь об ответах гаруспиков»
Sest. – «Речь в защиту Публия Сестия»
Verr. – «Речь против Гая Верреса»
Dig. – Дигесты Юстиниана
Dio Cass. – Дион Кассий «Римская история»
Flor. – Флор «Эпитомы»
Joseph. – Иосиф Флавий:
ant. Iud. – Иудейские древности
bell. Iud. – Иудейская война
Liv. Per. – Тит Ливий Периохии книг «Римской истории»
Lucan – Лукан «Фарсалия»
Oros. – Орозий «История против язычников»
Plin. NH – Плиний Старший «Естественная история»
Plut. – Плутарх «Сравнительные жизнеописания»:
Caes. – «Жизнеописание Цезаря»
Cat. Min. – «Жизнеописание Катона Младшего»
Cic. – «Жизнеописание Цицерона»
Pomp. – «Жизнеописание Помпея»
Sen. Ep. Mor. – Сенека «Нравственные письма к Луцилию»
Schol. Bob. – Схолия Бобенсия
Suet. Iul. – Светоний «Жизнь двенадцати Цезарей». Книга 1. «Божественный Юлий»
Val. Max. – Валерий Максим «Достопамятные деяния и изречения»
Varr. RR. – Варрон «О сельском хозяйстве»
Vell. – Веллей Патеркул

Принятые обозначения и сокращения

Эпиграфика и нумизматика

CIL – Corpus inscriptionum latinarum. Berlin.
IGRR – Inscriptiones Graecae ad res romanas pertinentes. Paris.
RRC – Crawford. M. Roman Republican coinage. Cambridge : Cambridge University Press, 1974. 1022 p.

Античные литературные источники

App. BC. – Аппиан Александрийский
Ascon. – Асконий Педиан «Комментарии к речам Марка Туллия Цицерона»
V. Afr. – «Записки об Африканской войне»
Caes. BC. – Цезарь «Записки о гражданской войне»
Cic. – Цицерон:

Поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 27.10.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

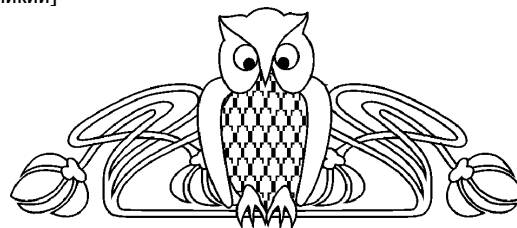

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 191–196
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 191–196
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-191-196>, EDN: LXSTQM

Научная статья

УДК 930(=19)|04/05|:94(395.5)|-02/-01|+929[Мовсес Хоренаци+Тигран II Великий]

Образ Тиграна II Великого в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци

Т. С. Хачатрян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Хачатрян Тагуй Самвеловна, аспирант кафедры истории древнего мира, taguikhachatryan18@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6934-5651>, AuthorID: 1238489

Аннотация. В статье рассматривается образ царя Великой Армении Тиграна II Великого в сочинении «отца армянской историографии» Мовсеса Хоренаци «История Армении». При написании глав, посвященных Тиграну II, Мовсес опирался прежде всего на сочинения Иосифа Флавия, а также две «Хроники» – Юлиа Африкана и Евсевия Кесарийского. При этом недостаток сведений он заполнял при помощи легендарного материала и вымышленных подробностей. В целом в образе Тиграна переплетаются черты нескольких деятелей – самого Тиграна, Арташеса I, а также сыновей – Тиграна и Артавазда. В свою очередь, многие деяния Тиграна II приписываются Тиграну I Ервандиду, жившему в VI веке до н. э. Именно его, а не Тиграна II Мовсес считает величайшим из армянских царей. Что касается Тиграна II, то он выступает главным противником римлян в тех случаях, когда речь идет о римско-парфянских военных столкновениях, причем Парфия вовсе не упоминается. На основе анализа нескольких глав «Истории Армении» делаются наблюдения, что некоторые сюжеты, описанные историком, значительно искажают реальные события, но вместе с тем Мовсес Хоренаци знакомит исследователей со взглядами, преобладавшими у образованного армянского населения на рубеже Античности и Средневековья.

Ключевые слова: Мовсес Хоренаци, Великая Армения, Тигран II Великий, Тигран I Ервандид, Арташесиды, Арташес I, Артавазд II, Рим, Парфия

Для цитирования: Хачатрян Т. С. Образ Тиграна II Великого в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 191–196. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-191-196>, EDN: LXSTQM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of Tigran II the Great in Movses Khorenatsi's "History of Armenia"

T. S. Khachatryan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tagui S. Khachatryan, taguikhachatryan18@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6934-5651>, AuthorID: 1238489

Abstract. The article examines the image of the king of Great Armenia Tigran II the Great in the work of the "Father of Armenian historiography" Movses Khorenatsi "History of Armenia". When writing the chapters dedicated to Tigran II, Movses relied primarily on the writings of Josephus, as well as two "Chronicles" – Julius Africanus and Eusebius of Caesarea. At the same time, he filled in the lack of information with the help of legendary material and fictitious details. In general, the image of Tigran intertwines the features of several figures – Tigran himself, Artashes I, as well as his sons – Tigran and Artavazd. In turn, many of the deeds of Tigranes II are attributed to Tigranes I Ervandid, who lived in the 6th century BC. It is him, and not Tigran II, that Movses considers the greatest of the Armenian kings. As for Tigranes II, he acts as the main opponent of the Romans in those cases when it comes to Roman-Parthian military clashes, and Parthia is not mentioned at all. On the basis of analysing several chapters of the "History of Armenia", observations are made that some stories described by the historian significantly distort real events, but at the same time Movses Khorenatsi acquaints researchers with the views prevailing among the educated Armenian population at the turn of Antiquity and the Middle Ages.

Keywords: Movses Khorenatsi, Great Armenia, Tigranes II the Great, Tigran I Ervandid, Artaxiades, Artashes I, Artavazd II, Rome, Parthia

For citation: Khachatryan T. S. The image of Tigran II the Great in Movses Khorenatsi's "History of Armenia". *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 191–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-191-196>, EDN: LXSTQM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мовсес Хоренаци (или Моисей Хоренский), за именем которого закрепилось почетное прозвище «Отца армянской истории», является виднейшим представителем армянской исторической мысли. Его труд «История Армении» [1], состоящий из трех книг, отличается ярким и исчерпывающим описанием событий армянской истории. Некоторые аспекты жизни армянского писателя и историка Мовсеса Хоренаци до сих пор оставляют лакуны в исследовании его биографии [2]. Так, большинство исследователей придерживаются традиционной и общепризнанной даты его рождения – около 410 г. [3, р. 38–51; 4, с. 22; 5, с. 139–143], другие относят его к VII в. [6, р. 37–38], VIII в. [7, р. 47] и даже к еще более поздней дате – IX в. [8]. Известно, что Мовсес в детстве получил блестящее образование от ученых мужей – святых Месропа Маштоца и Саака Партева (Movs. III. 62) [1, с. 204–205]. В дальнейшем он много путешествовал – побывал в Эдессе (Movs. II.10; III.61) [1, с. 69, 203–204], Александрии Египетской, Италии, Афинах и Константинополе (Movs. III. 62) [1, с. 204–205]. После этих странствий он возвращается на родину (Movs. III. 68) [1, с. 212–215]. «Историю Армении» Мовсес начал писать в преклонном возрасте и завершил ее ок. 490–492 гг. Эта дата является традиционной и общепринятой и соответствует содержанию труда самого автора.

Достаточно сложным является вопрос об источниках Мовсеса Хоренаци. Важнейшим источником для интересующей нас части его труда является сочинение иудейского историка Иосифа Флавия, некоторые сведения которого существенно отличаются от рассказов других античных авторов. Тем не менее Мовсес в значительной степени сохраняет последовательность событий, заимствованную у Иосифа, но зачастую придает этим событиям совершенно фантастический вид.

Кроме того, сам Мовсес называет «Хроники Секста Юлия Африкана (III в.) и Евсевия Кесарийского. Альфред фон Гутшмид в 70-е г. XIX в., рассмотрев в специальной статье источники Мовсеса, пришел к выводу, что историк не мог знать самого сочинения Африкана и пользовался им только через «Хронику» Евсевия Кесарийского [9, S. 26–27]. Однако вывод этот слишком категоричен. Сопоставлению материала двух источников – «Хроники» Африкана и «Истории Армении» Хоренаци показывает, что во II книге прослеживаются параллели с сохранившимися отрывками хронографа [10, р. 153–185].

Общий тон повествования армянского историка особенно разнится в части, посвященной истории династии Арташесидов (или Артаксиадов), ярким представителем которой являлся Тигран II Великий. История династии Арташесидов излагается Мовсесом во II книге, посвященной, по его словам, «средней истории нашего народа». Книга охватывает более 600 лет, от Александра

Великого до принятия Арменией христианства. Царствованию Тиграна II Великого отводятся десять глав, с 14 по 23, причем фигура великого монарха Передней Азии значительно отличается от образа, представленного в греко-римской традиции (App. Mithr. 84; Dio Cass. XXXVI, 2, 3; Liv. IX, 18, 6; Plut. Luc. 14; Strabo. XI, 14. 15) [11, с. 273; 12, р. 6; 13, с. 424; 14, с. 559; 15, с. 500–501], а иногда и прямо ей противоречит.

Так, автор лишь вскользь говорит о предшественнике Тиграна – его отце Тигране I. Дело в том, в армянских источниках информация была разной, и иногда Тигран II помещался сразу же после Арташеса I – основателя династии Арташесидов. Согласно же Мовсесу, сын Арташеса I, Артавазд I, был бездетным, и после его смерти царствовал его брат Тиран (имеется в виду Тигран I) (Movs. II. 61) [1, с. 110]. Таким образом, на основании этих данных хронология династии предстает так: Арташес I – его сын Артавазд I (160–121 гг. до н. э.) – его брат Тигран I (121–96 гг. до н. э.) – Тигран II (95–55 гг. до н. э.). Этот вариант происхождения Тиграна II известен и античным авторам – Аппиан именуется его «Тигран, сын Тиграна» (App. Syr. 48) [16, с. 309].

Однако история правления Тиграна II, при верном изложении его генеалогии, у автора дробится: он связывает его со многими событиями, произошедшими задолго до времени его жизни, и даже после его смерти. Уже в I книге он говорит о деятельности одноименного с Тиграном Великим Тиграна I Ервандяна из династии Ервандуни (ок. 560–535 г. до н. э.). Историчность этого царя находит подтверждение в «Киропедии» Ксенофонта, (Xen. Cyroped. II.4.12–III.3.3) [17, с. 37–80], где ряд существенных деталей его правления совпадает с рассказом Мовсеса [18, р. 132].

При этом целый ряд сюжетов повествования Мовсеса Хоренаци о Тигране Ервандяне должны быть отнесены к деятельности Тиграна II Великого. Так, он говорит, что Тигран Ервандян подчинил греков (Movs. I. 24) [1, с. 39–40], очевидным образом основываясь на деяниях Тиграна Великого, распространившего свою империю на земли Сирии. Характеристика времени правления Тиграна Ервандяна также навеяна временем Тиграна Великого: «...это самый могущественный и разумный из всех наших царей, превзошедший в храбрости не только их, но и всех остальных». И далее: «Он раздвинул пределы страны нашего обитания, доведя их до всех своих современников, а для нас, ныне живущих, его время и он сам – заветная мечта» (Movs. I. 24) [1, с. 39]. Но в реальности такой мечтой скорее могли быть времена Тиграна Великого, первые десятилетия правления которого ознаменовались социально-экономическим подъёмом, градостроительством и бурным развитием городской жизни. Среди топонимов есть ряд населённых пунктов, носящих имя Тиграна,

самым известным из которых является Тигранакерт – вторая, наряду с Арташатам, столица Великой Армении, расположенная на юго-западе государства. Строительство Тигранакерта Мовсес также приписывает Тиграну Ервандяну. Кроме того, вероятно, из истории правления Тиграна II в повествовании появляется сестра армянского царя – его дочь или сестра была замужем за царем Мидии Атропатены (Dio Cass. XXXVI.14.2) [12, р. 20], а одна из дочерей – за парфянским царем Митридатом II [19, р. 88–89.]. Объединение этих двух женщин в одну легендарную фигуру тем более вероятно, что упомянутого Дионом царя Мидии Атропатены тоже звали Митридат.

Деяния Тиграна II приписываются также Арташесу I, основателю династии Арташесидов, который «умножил население Армянской страны, приведя многие чужеземные народы и расселив их по горам, долинам и полям» (Movs. II. 56) [1, с. 107]. Однако мы знаем, что массовое переселение в Армению населения из завоеванных эллинистических городов происходило при Тигране II (Dio Cass. XXXVI.2; Plut. Luc. 29; Strabo XI.14.15) [12, р. 6; 14, с. 571–572; 15, с. 500–501].

Разительный контраст восторженному повествованию о Тигране Ервандяне и Арташесе являет рассказ о деяниях Тиграна II Великого, который, в изображении Мовсеса, «не заслуживает похвалы, уважения и тем более гордости» [20, с. 226]. Историк практически ничего не говорит о внутреннем положении Армении в правление Тиграна, однако он рассказывает о строительстве Тиграном храмов: «Первым делом он решил соорудить храмы. <...> Тигран установил статую Зевса Олимпийского в крепости Ани, Афины – в Тиле, другую статую Артемиды – в Ернзе, Гефеста же – в Багайариндже. Но статую Афродиты как возлюбленной Геракла он велел установить рядом со статуей самого Геракла в местах жертвоприношений» (Movs. II. 14) [1, с. 73].

Таким образом, по мнению Мовсеса, храмы были возведены именно в правление Тиграна. По меткому замечанию Г. А. Халатянца, они «как бы выросли из-под земли в один прекрасный день по одному лишь желанию Тиграна» [21, с. 61]. Однако эти храмы были сооружены в разное время и при разных исторических обстоятельствах. Что касается Тиграна, то в данном случае, скорее всего, речь должна идти не о строительстве храмов, а о помещении в старых культовых центрах изваяний греческих богов, которых отождествляли с почитаемыми в них армянскими богами.

Рассказ о внешнеполитических деяниях времени царствования Тиграна Мовсес начинает с того, что тот «собирает армянские войска, идет против греков, которые после смерти отца его

Арташеса, когда рассеялись войска, шли на страну нашу» (Movs. II. 14) [1, с. 73]. Этот рассказ, а именно завоевание Тиграном бывших владений Селевкидов, отражает историческую реальность, хотя и сильно искаженную. Известно, что некогда могущественная держава Селевкидов к этому времени ужалась до Сирии и Киликии. Однако никаких действий со стороны «греков» в отношении Армении после смерти Арташеса I не предпринималось, а рассказ о поражении, нанесенном Тиграном «грекам», на наш взгляд, является оправданием захватнической политики Тиграна в отношении Сирии в 83 г. до н. э. «Нападение» греков на Армению должно скрыть факт насильственного подчинения Тиграном Сирии, как оно описано у Иосифа Флавия (Jos. Flav. AI. XIII.16.4) [22, с. 168–169].

Далее, из этой же главы II книги мы узнаем, что Тигран направляется в Палестину, но затем он уходит, услышав, что «какой-то разбойник по имени Вайкун, укрепившись на неприступной горе, тревожит Армянскую страну. Эта гора и поныне по имени разбойника называется Вайкуник» (Movs. II. 14) [1, с. 74]. Из рассказа Мовсеса понятно, что армянский царь возвращается в свое царство и очищает гору от разбойников (Movs. II. 16) [1, с. 74–75], причем об этом рассказывается одной короткой фразой. Причина такой лаконичности понятна, если учесть, что под этим именем скрывается римский военачальник Л. Лукулл, ведущий к тому времени войну с тестем Тиграна II – Митридатом VI Евпатором. Это единственный римский военачальник, действовавший на Востоке в то время, которого Мовсес не называет по имени. Бесспорно, он намеренно избегает упоминания о Лукулле, поскольку ему пришлось бы при этом коснуться болезненных тем. Согласно Иосифу, Тигран повернул домой, узнав, что Лукулл «разграбив Армению, осаждал (Тигранакерт)» (Jos. Flav. AI. XIII.16.4) [22, с. 169]. Упоминание о том, что он «разграбил Армению» можно было трактовать как описание разбойничьих действий, однако происхождение имени Вайкун остается неясным. А. Ж. Арутюнян связывает его с названием одной из армянских провинций – Вайкуник [23, с. 81–86], однако более приемлемой выглядит точка зрения Я. А. Манандяна, считавшего, что имя «Вайкун» – это искаженное «Лукулл», сохранившееся в народных преданиях [24, с. 90]. Эта версия событий, является ли она плодом народного творчества или изобретением самого Мовсеса, абсолютно не соответствует реальности – в ней победа Тиграна над разбойником заменяет разгром его армии под Тигранакертом, захват города римлянами и бегство Тиграна во внутренние районы страны.

Затем на Восток прибывает Помпей, который «посылает своего военачальника Скавра в Сирию сражаться с Тиграном» (Movs. II. 15) [1,

с. 74]. Здесь вновь отличие от Иосифа, который впервые упоминает Помпея в связи с тем, что тот находится в Армении и воюет с Тиграном, откуда и посылает Скавра в Сирию (Jos. Flav. AI. XIV.2.3) [22, с. 173]. Мовсес не говорит о походе Помпея в Армению; Скавр в его рассказе направляется в Дамаск, откуда «изгоняет» Метелла и Лоллия (Movs. II. 15) [1, с. 74]. Очевидно, здесь он неправильно истолковал греческий текст: у Иосифа речь идет о том, что Скавр, прибывший в Сирию, сменил их, что вполне логично, поскольку Помпей поручил ему управление Сирией.

Мовсес ничего не говорит о походе Помпея в Армению и очень зрелищно обставленной капитуляции Тиграна (App. Mithr. 104; Dio Cass. XXXVI.52.2; Cic. Sest. 58; Eutrop. VI.13; Flor. I.40.27; Oros. VI.4.8; Plut. Pomp. 33; Vell. Pat. II.37.3) [11, с. 281; 12, р. 88; 25, с. 122–123; 26, с. 21; 27, с. 147; 28, с. 379; 29, с. 82–83; 30, с. 44]. Возможно, именно с этим исключением из рассказа Армении связано и упоминание одноименного с отцом сына Митридата, который по другим источникам неизвестен. Понтийский царевич здесь как бы замещает другого царевича, Тиграна Младшего, сына Тиграна Великого, который сперва перешел на сторону римлян, но затем, когда начал интриговать против Помпея, был заключен в оковы и доставлен в Рим для триумфа (App. Mithr. 105; Dio Cass. XXXVI.53.3–4; Plut. Pomp. 33) [11, с. 281; 12, р. 88–89; 29, с. 82–83].

Далее Мовсес приписывает Тиграну практически все события, связанные с римско-парфянским противостоянием, даже те из них, которые произошли при Артавазде, сыне и преемнике Тиграна. Он говорит о походе Тиграна в Сирию после отъезда Помпея в Рим и его борьбе с Габинием, военачальником Помпея (Movs. II. 16) [1, с. 74–75]. Здесь снова говорится о «Михрдате, сыне Михрдата», плененном, а затем отпущенном Помпеем. Если под этим именем скрывается Тигран Младший, то, возможно, рассказ содержит очень искаженное воспоминание о его судьбе. Дело в том, что последнее упоминание армянского царевича в источниках – это рассказ о его бегстве из Рима (Dio Cass. XXXVIII.30.1; Cic. Dom. 66; Plut. Pomp. 48) [12, р. 146; 25, с. 77; 29, с. 91–92]. О дальнейшем есть два предположения – либо он погиб в схватке с преследователями на Аппиевой дороге, либо ему все-таки удалось бежать и добраться до Армении, где он произвел какую-то смуту, но потерпел неудачу [31, с. 207–208]. В этом случае Мовсес, говоря о возвращении Тиграну племянника, мог опираться на какие-то смутные знания о прошлом, приводя их в порядок по собственному разумению. Собирательный образ сына Митридата VI Евпатора сочетает в себе воспоминания о родстве Тиграна и Митридата Евпатора с одной

стороны, о родстве Тиграна с царем Парфии, зятем которого был Тигран Младший, и отдельные сюжеты из биографии одноименного ему царя – брата парфянского царя Орода.

Дальнейшие события в реальности произошли после смерти Тиграна, но у Мовсеса он является главным действующим лицом: он разбил Красса (Movs. II. 17) [1, с. 75], но Кассий, которого римляне послали «с бесчисленным войском» помешал ему вторгнуться в Сирию и опустошить ее (Movs. II. 18) [1, с. 75].

Затем в повествовании Мовсеса наконец появляются парфяне, которых он именует персами. Заболевший Тигран, нуждающийся в военной помощи, добровольно уступает парфянам «первопрестольную власть», сохранив за собой второе место. Реальной основой этого, видимо, служила утрата Тиграном титула «царь царей», а в контексте описываемых событий эта деталь нужна, чтобы ввести в текст вымышленное участие армян в династической борьбе в Иудее. Поэтому упоминаемый Иосифом перс Барзаферн превращается у него в «Барзапрана, родовладыку Рштунийского нахарарства», которого Тигран назначает военачальником армянских и персидских войск, а в Иерусалиме, куда парфянский царевич Пакор отправил своего кравчего, носящего то же имя, чтобы захватить Гиркана и Ирода, действует «Гнел, кравчий армянского царя, из рода Гнуви» (Movs. II. 19) [1, с. 76].

После этих событий, говорит Мовсес, «жизнь Тиграна продлилась не более трех лет; он умер, процарствовав тридцать три года». Таким образом, смерть Тиграна приходится примерно на 37 г. до н. э., а его вступление на престол примерно на 70 г. Эта дата отстоит от реальной (ок. 95 г. до н. э.) на четверть века, но слова Мовсеса не стоит принимать всерьез: Тигран в его видении – фигура легендарная, и вполне возможно, что число лет правления, состоящее из двух троек, чисел сакральных, подчеркивает эту легендарность.

Таким образом, с точки зрения фактической истории сочинение Мовсеса Хоренаци не содержит ничего нового, более того, по мнению А. фон Гутшмида, оно написана «с произвольным прагматизмом и с помощью наглых фальсификаций и измышлений (willkürlichsten Pragmatismus und mit Hülfdreister Fälschungen und Erfindungen)» [9, S. 24]. Это слишком резкая оценка. Оценивать труд Мовсеса нужно в иной перспективе, как памятник, отражающий местный взгляд на прошлое Армении, где Тигран II Великий предстает далеко не столь мощным правителем, как в античной традиции, а расцвет государства отнесен в прошлое, за четыре с лишним столетия до его правления. Это неудивительно – со времени Тиграна Армения все больше утрачивает самостоятельное значение перед лицом двух супердержав – Парфии и Рима. Поэтому справедливой является оценка Н. Г. Адонца: «Если

отрицательная критика успела подорвать авторитет Хоренского, как историка, то она ничуть не поколебала значения труда его, как историко-литературного памятника, отражающего настроения и воззрения современного автору мира» [32, с. 488].

Список литературы

1. Мовсес Хоренаци. История Армении / пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. Ереван : Айастан, 1990. 291 с.
2. Conybeare F. C. The Date of Moses of Khoren // The Armenian Church. Heritage and Identity. New York : St Vartan Press, 2001. P. 867–879.
3. Conybeare F. C., Wardrop O. J. A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum. London : British museum, 1913. 410 p.
4. Литовченко С. Д. Римско-армянские отношения в I в. до н. э. начале I в. н. э. : дис. ... канд. ист. наук / Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков, 2003. 205 с.
5. Абемян М. Х. История древнеармянской литературы. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1975. 605 с.
6. Thomson R. W. History of the Armenians / transl. and comment. by R. Thomson. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1978. 420 p.
7. Carriere A. Nouvelles sources de Moïse de Khoren: Études critiques. Vienne : Imprimerie des Mechitharistes, 1893. 56 p.
8. Манандян Я. А. К разрешению проблемы Мовсеса Хоренаци. Ереван : Госиздат, 1934. 231 с.
9. Gutschmid A. Über die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren. Lpz. : Philologisch-Historische Klasse, 1876. 332 S.
10. Topchyan A. Julius Africanus' Chronicle and Movses Xorenac'i // Le Muséon. 2001. Т. 114/1. P. 153–185.
11. Аппиан. Митридатовы войны / пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4. С. 235–289.
12. Dio Cassius. Roman History, Vol. III. Books 36–40 / transl. by E. Cary, H. B. Foster. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1914. 520 p.
13. Тит Ливий. История Рима от основания города : в 3 т. / ред. пер. М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе. М. : Наука, 1989. Т. 1. 576 с.
14. Плутарх. Лукулл // Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / пер. С. С. Аверинцева. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 549–584.
15. Страбон. География в 17 книгах / пер. Г. А. Стратановского. М. : Наука, 1964. 944 с.
16. Аппиан. Сирийские дела / пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4. С. 289–317.
17. Ксенофонт. Киропедия / пер., ст. и ком. В. Г. Боровича, Э. Д. Фролова. М. : Наука, 1976. 335 с.
18. Mari F. Cyrus the Great in Movsēs Xorenac'i, Patmutiun Hayoc' : Telescoping the King // Greek Texts and Armenian Traditions. An Interdisciplinary Approach. Trends in Classics / ed. by F. Gazzano, L. Pahanian, G. Traina. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2016. P. 115–142.
19. Russell J. R. Zoroastrianism in Armenia. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1987. 578 p.
20. Вацьева И. Ю. Парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. : Изд-во УРСС, 2012. Вып. 40. С. 219–230.
21. Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского: опыт критики источников : в 2 ч. М. : Типография Варвары Гатсук, 1903. Ч. 1. 400 с.
22. Иосиф Флавий. Иудейские древности : в 2 ч. / пер. Г. Г. Генкель. М. : Юрайт, 2019. Ч. 1. 427 с.
23. Арутюнян А. Ж. К загадке тайны имени Лукулла-Вайкуна // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 81–86.
24. Манандян Я. А. Тигран II и Рим : в новом освещении по первоисточникам. Ереван : Изд-во Арм ФАН, 1943. 340 с.
25. Марк Туллий Цицерон. Речи : в 2 т. / пер. В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 2. 401 с.
26. Евтропий. Бrevиарий от основания Города / пер. с лат. Д. В. Кареева, Л. А. Самуткиной. СПб. : Алетейя, 2001. 305 с.
27. Анней Флор. Две книги Римских войн // Малые римские историки / пер. с лат. ; подгот. изд. А. И. Немировского. М. : Ладомир, 1995. С. 99–190.
28. Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. 544 с.
29. Плутарх. Помпей / пер. Г. А. Стратановского // Сравнительные жизнеописания : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 2. С. 62–115.
30. Веллей Патеркул. Римская история // Малые римские историки / пер. с лат. ; подгот. изд. А. И. Немировского. М. : Ладомир, 1995. С. 11–96.
31. Смыков Е. В. Сирийское наместничество Авла Габиния // Античный мир и археология. Саратов : Научная книга, 2006. Вып. 12. С. 198–213.
32. Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1908. 526 с.

Античные литературные источники

- App. – Аппиан:
 Mithr. – «Митридатовы войны»
 Syr. – «Сирийские древности»
 Dio Cass. – Дион Кассий Кокцеян «Римская история»
 Cic. – Цицерон:
 Dom. – «Речь о своем доме»
 Sest. – «Речи в защиту Публия Сестия»
 Eutrop. – Флавий Евтропий «Бrevиария от основания города»
 Flor. – Луций Анней Флор «Две книги эпитом римской истории обо всех войнах за семьсот лет»
 Jos. Flav. AJ – Иосиф Флавий «Иудейские древности»
 Liv. – Тит Ливий «Периохи книг 1–142»

Movs. – Мовсес Хоренаци «История Армении»
Oros. – Павел Орозий «История против язычников»
Plut. – Плутарх:
Luc. – «Лукулл»

Pomr. – «Помпей»
Strabo. – Страбон «География»
Vell. Pat. – Веллей Патеркул «Римская история»
Xen. Cyrop. – Ксенофонт «Киропедия»

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 25.11.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 197–207
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 197–207
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-197-207>, EDN: MATBIB

Научная статья
УДК [27-875.55(4/5):930.2(4-15)]12/13|

Сведения западноевропейских источников о несторианах государств Чингизидов во второй половине XIII – начале XIV века

С. Е. Костогрызова

Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, 420081, г. Казань, ул. Н. Ершова, д. 58

Костогрызова София Евгеньевна, магистр истории искусств тюрко-мусульманского мира, архивариус, kostogryzova91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7572-6621>, AuthorID: 1056253

Аннотация. В статье приводятся и анализируются сведения писем миссионеров Ордена францисканцев Гильома де Рубрука, Джованни Монтекорвино и монаха Иоганки, а также записок и трактатов миссионера из Ордена доминиканцев Рикольдо да Монтекроче, о несторианах в государствах Чингизидов. Автор приходит к выводу о ценности трудов указанных авторов как источников по истории несторианства, которые содержат данные о вероучении и религиозной практике последователей восточносирийского христианства и их отношениях с католическими миссионерами.

Ключевые слова: несториане, восточносирийское христианство, государства Чингизидов, миссионерская деятельность, доминиканцы, Ильханат, Империя Юань, Улус Джучи

Для цитирования: Костогрызова С. Е. Сведения западноевропейских источников о несторианах государств Чингизидов во второй половине XIII – начале XIV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 197–207. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-197-207>, EDN: MATBIB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Information from Western European sources about the Nestorians of the Genghisid states in the second half of the XIII – early XIV centuries

S. E. Kostogryzova

Kazan Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation, 58 N. Yershova St., Kazan 420081, Russia

Sofia E. Kostogryzova, kostogryzova91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7572-6621>, AuthorID: 1056253

Abstract. The article presents and analyzes information from letters of missionaries of the Franciscan Order Guillaume de Rubruk, Giovanni Montecorvino and Monk Johanka, as well as notes and treatises of a missionary from the Dominican Order Ricoldo da Montecroce, about Nestorians in the Genghisid states. The author comes to the conclusion about the value of the works of these authors as sources on the history of Nestorianism, which contain data on the doctrine and religious practice of the followers of East Syrian Christianity and their relations with Catholic missionaries.

Keywords: Nestorians, East Syriac Christianity, Genghisid states, missionary activity, Dominicans, Ilkhanate, Yuan Empire

For citation: Kostogryzova S. E. Information from Western European sources about the Nestorians of the Genghisid states in the second half of the XIII – early XIV centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 197–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-197-207>, EDN: MATBIB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Формирование Монгольской империи и государств, образовавшихся после ее распада, способствовало более тесным связям между различными регионами и культурами Евразийского континента. Политика религиозной толерантности, а также стремление ряда государств Чингизидов (Ильханата и Улуса Джучи) установить дипломатические и торговые связи с государствами Западной Европы привели к тому, что

представители католических орденов получили более широкие возможности для своей миссионерской деятельности. В первую очередь это францисканцы и доминиканцы. Наиболее благоприятной средой для проповедей миссионеров Римской церкви были представители различных течений восточного христианства, проживавшие в государствах Чингизидов.

Среди католических миссионеров, побывавших в чингизидских улусах после распада Монгольской империи (1269 г.), были члены Ордена доминиканцев Рикольдо да Монтекорче и Ордена францисканцев Джованни Монтекорвино, а также венгерский монах брат Иоганка. Первые два источника содержат наиболее подробные описания образа жизни несториан Империи Юань и Ильханата и их взаимоотношения с католиками, а последний – краткое упоминание о последователях восточносирийского христианства в Золотой Орде (Улусе Джучи).

Под «сирийским христианством» следует понимать течения, возникшие на территориях современных Сирии, Ирака, Ирана и использовавшие сирийские язык и письмо: несторианство (восточносирийское христианство, относящееся к диофизитству), яковитство (западносирийское христианство, относящееся к монофизитству), мелькитство и маронитство, использовавшие сирийские язык и письмо [1, с. 5]. За восточносирийским христианством в историографии закрепилось наименование «несторианство», однако официальное богословие Сирийской Церкви Востока, как и ряд историков церкви, не считают византийского религиозного деятеля Нестория основателем ее учения [2, с. 67]. Но данный вопрос требует отдельного исследования.

Христианские общины начали появляться в III в. в Империи Сасанидов [3, с. 16]. Благодаря Великому Шелковому пути восточносирийское христианство распространяется с Ближнего Востока в Центральной Азии и на Дальнем Востоке [4, с. 76–85]. Зарождение ислама и арабские завоевания привели к тому, что территории, где возникло сирийское христианство, вошли в состав Арабского халифата. Несмотря на возложенную на сирийских христиан обязанность выплаты джизьи и периодические ограничения в общественной жизни, сирийские христиане на Ближнем Востоке находились под защитой властей, имели свое духовенство, систему образования, интеллектуалов, богатую книжную культуру.

Крестовые походы и монгольское завоевание привели к тому, что территории распространения сирийского христианства как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии, вошли в состав единой Монгольской империи, а после Таласского курултая 1269 г. – государств Чингизидов, что дало возможность католическим миссионерам вступать в контакты с несторианами и яковитами. Например, на территории государств крестоносцев с яковитами, несторианами и григорианами поддерживал контакты французский богослов Яков де Витри (Жак де Витри) [5, с. 472–473].

Если крестоносцы могли быть заинтересованы в обращении в католицизм представителей других христианских течений, то Чингизиды (по крайней мере, до официального принятия

ислама в Ильханате и Улусе Джучи, а в Империи Юань – до самого ее падения) относились к вопросу смены конфессии частью подданных нейтрально, так как провозглашалась политика веротерпимости [6, с. 59]. Более того, в ряде случаев контакты восточных христиан с католиками поощрялись монгольскими властями: несториане, григориане и яковиты нередко привлекались к участию в дипломатических миссиях в Западную Европу, а также к встрече посланников королей и миссионеров Римской церкви, прибывавших в государства Чингизидов. Данные контакты сопровождались как мирным общением, так и конфликтами, что можно увидеть на примере взаимоотношений миссии Джованни Монтекорвино с несторианской общиной Империи Юань [7, с. 140].

Установлению контактов государств Чингизидов с Западной Европой способствовало не только само появление монголов на политической арене Евразии, но и наличие их общего с католической Европой противника – Мамлюкского Египта. В поисках союзников среди западноевропейских королей ильхан Абага отправляет свои посольства: в 1274 г. – в Лион, в 1277 г. – в Рим. В 1267 или 1279 г. он выдал грамоту посланнику католической церкви. Западные европейские правители также в свою очередь направляли послания ильханам: Эдуард I Английский – в 1274 г., папы Климент IV, Григорий X и Николай III – в 1267, 1274 и 1277 гг., но военный союз так и не был заключен.

Масштабную дипломатическую миссию в Рим и западноевропейские королевства в 1287–1288 гг. возглавил периодевт (церковное должностное лицо, наблюдавшее за приходом) Сирийской церкви Востока Раббан Саума, выходец из столицы Империи Юань Ханбалыка. Еще в период правления ильхана Абаги папе римскому было вручено письмо с просьбой направить в Персию миссионеров [7, с. 148].

Ранее, во время правления ильхана Абаги (1265–1282 гг.), в Рим было отправлено послание, благодаря которому был сделан вывод о принятии христианства ханом Хубилаем. Данное письмо также содержало просьбу направить миссионеров в Персию и Китай. Джованни Монтекорвино прибыл в Ханбалык из Тебриза. Хубилай оказал римскому посланнику почетный прием, но отсутствие со стороны хана желания принять христианство разочаровало Джованни: «Однако он уже закоснел в язычестве» [7, с. 151]. Таким образом, слухи о принятии христианства тем или иным правителем могли распространяться монгольскими дипломатами намеренно и служить дипломатическим приемом для привлечения политических и торговых союзников. Но не исключено, что в их основе могли лежать влияния христиан различных течений, особенно несториан при дворах Чингизидов в разные периоды истории монгольских государств.

Контакты несториан с католиками происходили не только во время монгольских дипломатических миссий в Западную Европу, но и, как в случае с Гильомом Рубруком, во время приезда посланников королей и пап в чингизидские государства. Джованни Монтекорвино были совершены две миссии в Азию в 1287–1289 гг. – в Государство Хулагуидов и Империю Юань.

Сохранились только два письма самого миссионера из Китая: от 8 января 1305 г. и 13 февраля 1306 г. О его миссионерской деятельности в последующие годы сообщают другие источники: письма Мененцилия из Сполето и Бартоломео де Санто Канкордио. По данным названных источников Джованни пробыл в Китае 11 лет [7, с. 151]. Среди помощников Джованни оказался только брат Арнольд из Кельна.

В течение этого времени Джованни Монтекорвино удалось добиться расположения монгольского хана. Вначале он обладал статусом полномочного посла папы Николая IV, посла «франков», как его воспринимали при дворе монгольского императора Тимур-хана, преемника хана Хубилая. Одновременно он занимал пост главы всех членов католического ордена святого Франциска в пределах Китая и Центральной Азии. В 1318 г. в подчинении Джованни оказались также все католические миссионеры, проповедовавшие на Ближнем Востоке и в Улусе Джучи.

В Ханбалыке католические миссионеры построили церковь. По словам Джованни, ему удалось крестить 6000 человек. Одним из способов расширения общины была покупка детей от 7 до 11 лет у малоимущих родителей, «не наставленных ни в какой религии» (вероятно, здесь подразумеваются последователи политеистических культов у монголов, тюрков и китайцев) [7, с. 139]. Он их крестил, обучил латыни и греческому языку, пению псалмов.

Джованни упоминает, что хор пел при дворе императора, что говорит о том, что отношение ханского двора к католикам не отличалось от отношения к представителям других конфессий: при дворе присутствовали и представители тибетско-буддийского духовенства, и мусульмане – персы и «таджики» (представители ираноязычной части населения Мавераннахра) [6, с. 62].

В отличие от несториан Ильханата, демонстрировавших лояльность к католикам во время миссии Раббан Саумы, несториане Империи Юань увидели в римских миссионерах угрозу для своей общины. По словам Джованни, они стали чинить различные препятствия католической миссии: наводили ложные обвинения (в чем конкретно, не указано), но Хубилай принял сторону посланников папы [7, с. 139].

Несмотря на противодействия со стороны несториан, Джованни Монтекорвино удалось обратить в католицизм не только политеистов, но и

некоторых несториан. Среди них знатный человек по имени Георгий (указано только его христианское имя). Он мог быть знатным кереитом, так как Джованни называет его потомком «пресвитера Иоанна» [7, с. 140]. Также мы можем предположить, что Георгий был знатным онгутом, который являлся «ваном» (наместником) китайской провинции под названием «Гаотан». «Царь онгутов» также носил имя «Георгий» [8, с. 27]. Джованни отмечает, что из-за перехода в католицизм у Георгия произошел конфликт с несторианами, что еще раз указывает на определенную конфронтацию несториан империи Юань с католическими миссионерами.

Также в данном источнике говорится о том, что упомянутый представитель знати способствовал обращению в католицизм многих представителей своего народа, то есть кереитов или онгутов, и построил большой костел в Датуне. Причем Джованни Монтекорвино пишет, что договорился с Георгием о переводе богослужебных книг [7, с. 141].

Таким образом, католическая миссия стала для местных несториан не только «конкурентом» в миссионерской деятельности, но и тем, что увеличило число прихожан за счет сокращения несторианской общины. После смерти этого ной-она его родственники и ближайшее окружение вернулись в несторианство: «После смерти царя Георгия его братья, неверные последователи несторианского лжеучения, снова переубедили всех, кого он привел в нашу церковь, и вернули к еретическому исповеданию» [7, с. 141]. Данный факт говорит о том, что, скорее всего, при жизни Георгия эти люди перешли из несторианства не на добровольной основе, а либо по принуждению, либо под влиянием авторитета и социального статуса, которым обладал Георгий [8, с. 26].

Несмотря на общий принцип веротерпимости, соблюдавшийся в монгольских улусах до принятия ислама в качестве государственной религии, а в Империи Юань – сохранявшийся вплоть до ее падения, имеются примеры, когда отдельные Чингизиды принуждали свое ближайшее окружение или население подвластной территории принимать ту или иную религию. Так, правитель области Тагут, бывшей территории государства Си Ся, внук Хубилай-хана Ананда обратил в ислам местных жителей (монголов, тангутов, уйгуров, тибетцев), из-за чего последовали жалобы и реакция хана – Ананда был арестован, но вскоре прощен, и исламизация данной территории продолжилась [6, с. 63].

Что касается территории Улуса Джучи, здесь поощрение миссионерской деятельности католических орденов (освобождение от выплат налогов и исполнения повинностей, предоставление права на беспрепятственное проповедование евангелия во всех территориях, подвластных

Джучидам) было вызвано экономическими интересами – желанием привлечь западноевропейских купцов [5, с. 8].

Представители орденов Римской церкви появляются на территории Улуса Джучи и вступают в контакты с его элитой и рядовым населением еще до распада Монгольской империи. Этот улус был первым из владений монгольского каана на пути в его ставку. Раньше всех западноевропейских путешественников ставку правителя Золотой Орды посетил Плано Карпини. У него появляются самые ранние сведения о присутствии христиан в Монгольской империи в целом и православных в частности, но отсутствуют сведения о несторианах [9, с. 79]. Впервые подробные сведения о несторианах Улуса Джучи появляются в записках Гильома де Рубрука. В них сообщения о несторианах встречаются несколько раз. С последователями восточносирийского христианства французский посол встретился уже по прибытии в ставку Сартака, сына правителя Улуса Джучи Бату, где его принял несторианин Койяк, согласно работе исследователя Л. Ф. Абзалова, управляющий двором царевича [10, с. 129].

Там же он встретил христиан других направлений – православных (алан и русских) и католиков-венгров. В общении с православными Рубрук не отмечает никаких препятствий – они просили его совета по поводу сложностей в соблюдении запрета на определенные продукты (некоторые виды мяса, кумыс): «Спрашивали также они и многие другие христиане, русские и венгры, могут ли они спастись, потому, что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных, или павших, или убитых сарацинами и другими неверными» [9, с. 105]. Можно сделать вывод, что в окружении представителей нехристианских конфессий («язычников», мусульман и буддистов) христиане разных направлений более тесно контактировали между собой.

Далее Рубрук описывает аудиенцию у Сартака. Следует обратить внимание на любопытство, с которым Сартак рассматривал Псалтырь и Библию, что в определенной степени отражает форму христианской религиозности кочевников, основанной не на книжности, или же говорит об отсутствии христианской религиозной принадлежности Сартака: «После Койяк поднес ему псалтырь, который тот усердно рассматривал, равно как и жена его, сидевшая рядом с ним. Затем Койяк принес Библию, и тот сам спросил, есть ли там Евангелие. Я сказал, что там есть даже все священное Писание» [9, с. 113]. Обращает на себя внимание наличие шести жен царевича, что противоречит христианским устоям [9, с. 111]. Но этот вопрос требует более подробного исследования: данный факт может говорить и о религиозном синкретизме при дворе Сартака. Кроме того, версии о христианском вероисповедании Сартака придерживаются как

христианские (армянские, сирийские), так и мусульманские (персидские) авторы [11, с. 110].

Однако, вне зависимости от религиозной принадлежности Сартака, он обладал знаниями о восточнохристианских конфессиях, представители которых находились в окружении сына Бату: «Он взял также себе в руку крест и спросил про изображение, Христа ли оно изображает. Я ответил утвердительно. Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа; поэтому, кажется, они плохо понимают о страстях или стыдятся их» [9, с. 112]. Рубрук также свидетельствует о присутствии восточных христиан при дворе Сартака: армян и сирийцев. Часто представителями чиновничьего аппарата Улуса Джучи, как и других государств Чингизидов, были уйгуры, среди которых несторианство получило широкое распространение [12, с. 161].

Из записей о дальнейшем пути автора мы наблюдаем особое отношение несториан Монгольской империи к католикам, более лояльное по сравнению с отношением к другим христианским конфессиям: «Тогда там было большое количество христиан: венгерцев, аланов, русских, георгианов и армян, которые все не выдали причастия с тех пор, как были взяты в плен, так как несториане сами не хотели допускать их к себе в церковь, если те не перекрестятся снова так, как они говорили. Нам, однако, они не делали никакого упоминания по этому поводу; мало того, они признавали, что Римская церковь – глава всех церквей, и что они сами должны были бы принимать патриарха от папы, если бы проезд к нему был свободен» [9, с. 161]. Существует вероятность того, что причина подобной лояльности кроется в ожидаемой от них монгольскими властями посреднической роли.

Критика религиозности несториан встречается в записях путешественника много раз. В отдельных случаях Рубрук мог принять за несториан представителей других конфессий, с которыми ранее не встречался. Исследователь В. П. Костюков полагает, что «кумирня» в городе Каялыке (Койлыке), куда зашел Рубрук, не являлась «несторианским» храмом: «В вышеупомянутом городе Каялыке они имели три кумирни; в две из них я заходил, чтобы увидеть эти безумия. В первой я нашел некоего человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил; отсюда я поверил, что он христианин, ибо на все, что я спрашивал у него, он отвечал как христианин. Поэтому я спросил у него: “Почему же вы не имеете здесь креста и изображения Иисуса Христа?”. Он ответил: “У нас это не в обычае”. Отсюда я поверил, что они христиане, но пренебрегают этим по недостатку образования. Все же я там видел за сундуком, служащим им вместо алтаря, на который они ставят светильники и жертвы (“oblationes”), какое-то изображение, имевшее крылья, как у святого Михаила, и другие изоб-

ражения вроде епископов, державших пальцы как бы для благословения» [13, с. 191].

Многими исследователями данный отрывок трактуется как описание несторианской церкви, но откровенно уничижительные определения увиденного Рубруком как «безумства», «кумирни» и «жрецы идольские», а также отсутствие в посещенных им кумирнях какого-либо изображения креста или Иисуса указывают на принадлежность данного храма к не христианской в целом и не несторианской в частности конфессии [13, с. 191].

В. П. Костюков обращает внимание, что несколькими страницами далее Рубрук сообщает, что он и его спутники в 3 лье, то есть менее чем в 15 км от Каялыка «нашли поселение совершенно несторианское». Рубрук пишет: «Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко “Радуйся, царица”, так как давно уже не видали церкви». Историк приходит к выводу, что Рубрук посетил буддийский храм, ошибочно приняв его за несторианский [13, с. 191].

Соглашаясь с утверждениями В. П. Костюкова, добавим, что в Сирийской церкви Востока не распространены практики почитания икон и изображений, а также скульптурных изображений святых. Изображением с крыльями может являться Гаруда (буддийский образ, заимствованный из индуизма). Также исследователи отмечают, что для храмов северного буддизма характерна планировка наподобие юрты [14, с. 182]. В юрте самая почетная сторона – север, где находился домашний алтарь, ранее – ящик с шаманскими принадлежностями, хранилище для онгонов. Вероятно, потому алтарь был назван Рубруком «сундуком» [9, с. 182].

При дворе хана Рубрук также встретил армянских священников, один из которых отнял у него священные книги и одежды. Заслуживает внимание встреча Рубрука с монахом Сергием, названным автором сначала «несторианским», а затем «армянским» [9, с. 142]. Исходя из советов, которые давал монах (обещание покровительства бога в деле покорения), он уже имел опыт взаимодействия с монголами и был вхож во двор кагана (был лекарем одной из представительниц правящей династии или родственниц ики-нойона), которую они посетила вместе с Рубруком.

Негативное отношение к несторианам прослеживается в записях Рубрука многократно. В итоге францисканский миссионер прямо обвинил их в намеренном распространении превеликих слухов о христианстве монголов, в корыстном стремлении выдать желаемое за действительное. Рассматривая вопрос конфессиональной принадлежности Сартака, стоит обратиться к работам историка А. Г. Юрченко, отмечавшего, что веротерпимая политика Чингизидов нередко вводила в заблуждение современников,

создавая впечатление принятия христианства или ислама тем или иным правителем [15, с. 8].

Исследователь религиозной политики Джучидов А. Г. Шереметьев также считает, что влияние той или иной конфессии при дворе Чингизидов было вызвано необходимостью решения политических задач [16, с. 4]. Сами монгольские правители, с точки зрения историка, не принимали какую-либо монотеистическую религию, придерживаясь культа Вечного Неба. Исследователь истории христианства в Золотой Орде А. Б. Мальшев считает Сартака христианином, объясняя его неосведомленность в догматах веры тем, что в среде кочевников было распространено «двоеверие» [17, с. 59].

Примечательно, что Рубрук был не только свидетелем религиозных диспутов при дворе хана Мунке, но и непосредственным участником по инициативе христиан, проживавших в Каракоруме. Христиане выступали в качестве одной стороны диспута, без различия течений [9, с. 179]. В ходе рассказа о диспуте францисканец отметил, что слышал от несториан о вере в переселение душ, что может говорить о значительном влиянии на них буддизма в результате длительного пребывания в инарелигиозной среде – буддистов и последователей шаманизма и общеалтайского культа Тенгри. Кроме того, Рубрук упоминает об участии христианских священников в обряде гадания на бараньих лопатках, что снова подтверждает наличие большего синкретизма в среде тюрко-монгольских несториан [9, с. 149].

Следует отметить, что к дипломатическим контактам с западноевропейскими правителями или посланниками могли привлекаться христиане любых направлений, проживавшие в Монгольской империи. Далее мы подробно рассмотрим сведения о несторианах Улуса Джучи из письма папы римского Сартаку. Николо да Кальви сообщает, что в качестве ханского посла к папе прибыл «некий армянский клирик» («quidem Armenus clericus, nuntius Regis Tartarorum»), который по пути следования в Рим «был задержан [королем] Конрадом в королевстве Апулии» («per Conradum in regno Apuliae fuit tentus») [18, с. 78].

Текст буллы сообщает, что Сартак принял христианство, но не католического толка [18, с. 75–76]. Наиболее вероятно, что сын Бату стал последователем несторианства (если это было именно принятие религии, а не покровительство ей). На данный момент у нас не имеется сведений о присутствии среди монгольской знати в государствах Чингизидов яковитов (последователей западносирийского христианства) и мелькитов (сторонников византийского христианства на Ближнем Востоке). Дипломатическую миссию в папскую область возглавил представитель Григорианской церкви: «quidem Armenus clericus, nuntius Regis Tartarorum» [18, с. 78].

Возникает вопрос, почему правителя-несторианина представлял армянский клирик. Вероятно, его назначение главой посольства Улуса Джучи связано с тем, что армянские государства имели длительную историю контактов с католической Европой. В частности, армяне принимали участие в крестовых походах, армянское население присутствовало в Эдессе. Все это требовало наличие людей, знающих латынь и умеющих вести переговоры с западноевропейскими правителями.

Восточные христиане, в том числе и несториане, привлекались к дипломатическим контактам с католиками с 30-х гг. XIII в. (что предполагало знание языков восточными христианами или западноевропейцами, на которых они с ними общались). Это было обусловлено их более ранним опытом контактов с западноевропейцами, а также общей с ними христианской принадлежностью.

Имеется свидетельство о переходе из несторианства в католицизм двоих судей (заргучи) – «Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, брату Михаилу из Чезены». Письмо было написано на территории проживания восточных мадьяр – «Баскардии» в 1320 г., то есть относится ко времени правления хана Узбека: «И там были тартары, судьи баскардов, которые, хоть и не были крещены, были, однако, исполнены ересью несториан. После того как мы проповедовали им нашу веру, они с радостью ее приняли. Но правителя всей Баскардии с большей частью его семейства мы нашли совершенно зараженными заблуждением сарацин» [5, с. 306].

Иоганка считает, что несториане более восприимчивы к принятию основ католической веры, чем представители нехристианских конфессий. На интерес католической церкви к золотоордынским несторианам косвенно указывает и другой документ – письмо папы римского Иннокентия IV сыну правителя Улуса Джучи Бату, где глава Римской церкви выражает одобрение принятия им христианства, вероятно, несторианского толка, и надежду на переход в католицизм [18, с. 74–81]. Католические миссионеры не были единственными проповедниками, занимавшимися прозелитизмом среди несториан Улуса Джучи. Византийский источник «Правила Константинопольского собора» 1276 г., переведенный на древнерусский язык, содержит сведения о том, что имели место случаи перехода жителей Улуса Джучи из несторианства и яковитства в православие. Несториане и яковиты упоминаются только в одном абзаце – вопросе о том, нужно ли проводить обряд крещения над желающими перейти из несторианства и яковитства в православие: «Вопрос. Приходящих от несториан и от яковит, како их подобает крестити? Ответ. Подобает ему прокляти свою веру и учителя свои,

помазавше и миромъ, тако причетъ и правоверней вере и благочестивои» [19, с. 83]. Однако миссионерская деятельность православной церкви на территории Улуса Джучи, по сравнению с католической, была менее активна, как это показано в работе исследователя Т. Р. Галимова [20, с. 158].

Таким образом, несмотря на то, что в записи Иоганки речь идет о территории проживания восточных мадьяр, судей-несториан он относит к «татарам», то есть представителям кочевого населения и правящего слоя Улуса Джучи. Ранее в записках Гильома де Рубрука несторианином также назван представитель тюрко-монгольской кочевой знати Койяк [10, с. 129].

Из-за ограниченности источниковой базы делать выводы об этническом и социальном составе несторианской общины Улуса Джучи преждевременно, однако все имеющиеся на сегодняшний день письменные источники говорят о присутствии последователей восточносирийского христианства среди кочевого населения владений Джучидов. В то же время отсутствуют какие-либо данные о распространении несторианства среди как оседлого, так и кочевого населения Восточной Европы домонгольского времени. Поэтому можно говорить о появлении несториан в Восточной Европе с переселившимися из Центральной Азии кочевыми группами и уйгурами.

Ценные сведения о вероучении, религиозной практике и отношениях сирийских христиан с католиками в монгольскую эпоху дают записки и трактаты миссионера-доминиканца Рикольдо да Монтекроче, известного в западной литературе и публицистике как последователя Фомы Аквинского в богословии и одного из основоположников христианско-мусульманского диалога.

Пять «Писем», были созданы миссионером после того, как он узнал о завоевании мусульманами государства крестоносцев Акры в мае 1291 г. [21, р. 1107]. Эти «Письма» – самая ранняя из дошедших до нас работ Рикольдо, и они содержатся в плохо сохранившейся рукописи XV в. в Библиотеке Ватикана [21, р. 1107]. «Письма» были созданы при сложных обстоятельствах, которые заставили Рикольдо бежать из Багдада, и представляют собой отчаянное обращение, адресованное Богу и группе святых, которых он называл «небесной курией» или «торжествующей церковью» [21, р. 1108].

Среди первых исследователей трудов Рикольдо да Монтекроче можно назвать доминиканского философа и историка конца XIX в. Пьера Мандонне [21, р. 1109], который считал, что Рикольдо сыграл важную роль в миссионерской деятельности XIII в. и в «апостольской битве» против ислама, которая, по мнению Мандонне, заменила военные крестовые походы и положила начало общению с мусульманами в духе диалога и открытости [21, р. 1110].

Философ второй половины XX в. Э. Панелла отмечал, что говорить о Рикольдо как о предтече исламско-христианского диалога преждевременно [22, р. 21]. Исследователь видит в «Письмах» отражение кризиса христианства на Востоке, свидетелем которого был Рикольдо. В 1986 г. в исследовании, посвященном «*Contra legem*», Дж. Меригу отметил, что данный труд был написан под влиянием размышлений во время его тяжелого пути домой [23, р. 8].

Большинство работ, посвященных биографии и трактатам Рикольдо да Монтекроче, выполнены зарубежными авторами. Среди работ отечественных исследователей, переведивших и анализировавших сведения Рикольдо об этнических и конфессиональных группах населения Ильханата, следует назвать сборник источников под редакцией Н. Н. Горелова [24] и статью российско-финского исследователя Р. Хауталы [5, с. 168–179].

Дата рождения Рикольдо неизвестна, но есть предположения, что он родился в 1243 г. во Флорентийском контадо (близлежащие к городу земли с крепостями, виллами, мелкими городками, подчиненными Флоренции). Прежде чем присоединиться к доминиканцам, Рикольдо, по его словам, провел несколько лет вдали от Флоренции, где изучал светские дисциплины, известные в средневековых европейских университетах как свободные искусства [22, р. 7]. Об этом периоде его жизни известно немного; из его биографии следует, что он посещал Рим [22, р. 35]. К тому моменту, как Рикольдо стал монахом-доминиканцем, скорее всего, он являлся высокообразованным человеком, как в светском, так и религиозном плане.

Позже он был назначен в Прато, а в 1288 г. был направлен в Санта-Мария-Новелла во Флоренцию. В том же году Рикольдо получил разрешение от папы римского Николая IV на ведение миссионерской деятельности на Востоке. Путешествие Рикольдо да Монтекроче на Восток являлось масштабным мероприятием. Оно включало в себя паломничество по святым местам, миссионерскую кампанию, знакомство с исламом и восточнохристианскими общинами, живущими под властью мусульман, а также сбор информации об иноземных народах и конфессиях.

Рикольдо высадился в порту Акку в Западной Галилее в конце 1288 г. [21, р. 1108]. После путешествия по Святой земле и паломничества в Иерусалим и другие святыне места Рикольдо возглавил миссию на Восток и направился в Багдад. Разносторонние задачи путешествия Рикольдо нашли отражение в его многочисленных трудах. После того, как Рикольдо вернулся в Санта-Мария-Новелла, он составил трактаты и записки, благодаря которым его имя получило известность: «*Pisma triumphantis ecclesie*» («*Epistolae ad ecclesiam triumphantem*»), русский

перевод названия – Р. Хауталы [5, с. 35], «Путешествие по Святой земле» (в переводе названия Н. С. Горелова) [24, с. 141], «Книжица к восточным народам» (в переводе названия Р. Хауталы) [5, с. 35–36], или «Книга против восточных народов» (перевод названия – Н. С. Горелова) [24, с. 141], «Против закона сарацин» («*Contra legem Saracenorum*»), «Опровержение Корана» [25].

Во время своего путешествия Рикольдо вступал в контакты с представителями христианских общин, а также с мусульманскими учеными и интеллектуалами. В 1295 г. Рикольдо был вынужден бежать из Багдада из-за гонений на христиан, осуществлявшихся в Ильханате, переодевшись мусульманином-погонщиком верблюдов. Затем он отправился в полный опасностей обратный путь в Италию, куда прибыл около 1300 г.

После своего возвращения Рикольдо прослужил 23 года помощником настоятеля и настоятелем церкви Санта-Мария-Новелла, бывшей в то время одним из крупнейших центров доминиканцев в Европе, и получил широкую известность как проповедник среди жителей Флоренции. Некоторые из проповедей и изречений Рикольдо сохранились в коллекции францисканских рукописей начала XIV в. в собрании «Примечательных примеров» во Францисканской библиотеке монастыря Ассизи [21, р. 1108].

После возвращения в Европу были завершены главные труды Рикольдо: «Путешествие по Святой земле», «Против закона сарацин» (также известные как «Опровержения Корана») и «Книжицу к восточным народам». Вопрос о времени написания одного из трудов более подробно будет рассмотрен ниже.

Целью написания «Писем торжествующей церкви» был призыв, обращенный к доминиканским проповедникам, не отчаиваться в отношении укрепившихся позиций ислама на Ближнем Востоке [5, с. 31]. Тон писем часто горький, агрессивный и скептический. Другой труд Рикольдо – «Опровержение Корана» – является попыткой католического миссионера использовать рациональные аргументы для того, чтобы убедить мусульман в «ошибочности» (с точки зрения последователя христианства) их верования.

Особого внимания в качестве исторического источника по изучению вероучения и обрядов несториан Ильханата, а также их отношений с католиками заслуживают два сочинения Рикольдо да Монтекроче: «Путешествие по Святой земле» и «Книжица к восточным народам». Рикольдо описывает вероучение, обряды и обычаи несториан в начале второй главы «Книжицы к восточным народам» и XX главы «Путешествия по Святой земле».

Данные описания являются ценными источниками по изучению догматики Сирийской Церкви Востока, однако следует учитывать, что

это понимание «чужого», или инокультурного, исходящее от человека средневекового религиозного мировоззрения, оказавшегося в ситуации, когда христианство на территории государств Чингизидов стало значительно уступать исламу в борьбе за приходы в среде тюрко-монгольских народов, а государства крестоносцев на Ближнем Востоке прекратили свое существование. Здесь может помочь религиозная имагология. Также обычное сравнение наблюдений Рикольдо с догмами Сирийской церкви может помочь выявить неточности в его описании. Преувеличения, искажения фактов при описании инокультурных обществ, как отмечает исследователь А. Г. Юрченко на примере сюжета о людоедстве монголов, являлись традицией западноевропейской литературы [12, с. 275–276].

Согласно точке зрения Э. Панеллы «Книжица» была написана в 1300 г. [22, р. 7]. Это подтверждается примечанием на полях, которое сделал Рикольдо, написав, что он ожидает решения папы по вопросу, являются ли яковиты и несториане еретиками. Данный трактат состоит из трех разделов, первый из которых содержит описание несториан и яковитов, второй – иудеев, а третий, самый короткий, дает представление о татарах и их верованиях.

Скорее всего, в качестве основного критерия деления населения Ближнего Востока на группы в данном трактате Рикольдо был выбран конфессиональный признак. Но, говоря о «татарах» в другом его труде «Путешествии по Святой земле», Рикольдо описывает не только религиозные верования, но и быт кочевников, а также черты монголоидной расы в ярких красках. Это дает повод считать данное определение обозначением этнокультурной группы. Однако, описывая несториан, Рикольдо не упоминает о «татарах» в их среде, хотя несторианство было распространено среди тюрко-монгольских кочевников еще Раннего Средневековья. Это позволяет предположить, что конфессиональный признак (возможно, вместе с этнокультурным) лежал в основе определения указанной группы.

Все три главы «Книжицы» начинаются с проповеди, а в качестве заключения или приложения добавлены пять «Общих правил» для миссионеров. Рикольдо во вступлении утверждает, что он также будет писать о мусульманах, но, когда речь заходит о них, он ссылается на другой свой труд – «*Contra legem saracenicum*» [26, р. 59–68].

Рикольдо проводит градацию между разными группами грешников в зависимости от того, насколько они далеки от «истинных христиан» (в его представлении), то есть католиков. Восточные христиане, согласно данному трактату, ближе всего к католикам, потому что они признают как Старый, так и Новый Завет. Евреи находятся немного дальше от них, так как у них

есть только Старый Завет. Еще дальше от «истинной веры» находятся «сарацины», потому что у них есть «только дьявольский и опасный закон», хотя в нем «есть кое-что полезное». Но самое большое расстояние отделяет католиков от кочевников-политеистов, у которых нет ни писаного закона, ни храма, ни «духовной жизни». Но когда дело доходит до католической проповеди, замечает Рикольдо, на самом деле все наоборот: «татары», как показывает практика, охотнее всех воспринимают ее, в то время как восточные христиане, по его мнению, самая сложная для проповеди публика. Его взгляд на возможность обращения в католицизм различных этнических и социальных групп населения государств Чингизидов разительно отличается от взгляда Иоганки, о котором сказано выше. Для Рикольдо легче вести проповедь среди последователей нехристианских политеистических религий, нежели представителей других течений христианства – «еретиков» [5, с. 174].

Пролог заканчивается обозначением цели данного труда – «дать возможность другим братьям, желающим отправиться на Восток, вернуть народы к истине». Описание каждого народа должно, по словам Рикольдо, оставить сведения для будущих миссионеров о том, в чем «заблуждается» каждая из названных им групп и как можно опровергнуть эти «заблуждения». Таким образом, данная работа была создана для апологетики вероучения католической церкви и стала своего рода «пособием» для будущих миссионеров Римской церкви [5, с. 174].

Вторая глава «Книжицы» описывает вероучение и религиозную практику несториан и яковитов в понимании католического миссионера. Большая часть из 103 параграфов посвящена обсуждению божественной природы Христа, где «разоблачаются» и опровергаются «ошибочные» (с точки зрения догматики западного христианства) взгляды сирийских христиан – несториан и яковитов.

В данной главе, по словам исследователя Курта В. Йенсена, перефразируются и даже цитируются строки «Суммы против язычников» Фомы Аквинского [22, р. 7]. Сам Рикольдо нигде не раскрывает этот факт. На описание главы «О евреях» также оказали влияние параграфы указанного сочинения Фомы Аквинского. «Книжица к восточным народам» могла быть создана, когда Рикольдо ждал решения папы о том, является ли его определение яковитов и несториан как еретиков верным [22, р. 7]. Поэтому он мог из осторожности просто повторить текст, содержание которого, касающееся «раскольников», не подлежит сомнению, а именно главы из «Суммы».

Текст данного трактата Рикольдо показывает различие в понимании вероучения Сирийской Церкви Востока католическим миссионером и самими ее последователями. Рикольдо признает,

что восточносирийские христиане не считают свое вероучение «несторианским», хотя и настаивает на ведущей роли Нестория и Феодора в его основании [22, р. 7]. Здесь содержится ценное сведение о самоназвании несториан Ильханата – «назарей». Учение восточносирийских христиан о двух кномах (природах) Иисуса трактуется Рикольдо как учение о двух личностях, в то время Сирийская церковь не отрицает Бога в двух породах, что отражено в формуле: «Во Христе две природы с их кномами в Одном Лице» [2, с. 169].

Интересующие нас данные о несторианах и взглядах на их учение католического духовенства также содержатся в «Путешествии по Святой земле», где отражены результаты наблюдений за мусульманами и восточными христианами во время пути из Триполи в Багдад.

Трактуя учение о двух кномах Иисуса и в «Книжице», и «Путешествии» как об «отрицании воплощения», Рикольдо пишет: «И в своем исповедании Христа они, если рассматривать оное тщательно, и вовсе отрицают таинство воплощения, а сам образ Христа понимают точно так же, как сарадины... И утверждают, что Христос был Словом Божиим, рожденным от Девы и Святого Духа» [24, с. 173].

Здесь мы видим, что представление Рикольдо является отчасти верным, но упрощенным, так как учение Сирийской церкви не отрицает единство божественной и человеческой природы в Иисусе. Об этом говорит и сравнение с представлениями об Иисусе (Пророке Исе) в исламе, где он не только не является сыном Бога, но и не имеет божественной ипостаси или кномы, как в различных течениях христианства.

Другой пример неточностей в понимании догм восточносирийского христианства – возможность развестись и вступить в брак после развода до трех раз, которая имелаась и у православных, была воспринята Рикольдо как «свобода от уз брака» [24, с. 177]. Здесь также прослеживается восприятие «чужого» последователем западного христианства, где возможность расторжения брака ограничена в большей степени, а на священнослужителей налагается целибат [24, с. 177].

Также можно выделить общие черты с византийскими христианами, упоминаемые Рикольдо как «заблуждения»: отсутствие характерного для римской церкви представления о чистилище, крещение «во имя Отца и Сына и Святого Духа», вера в очищение от грехов после крещения [24, с. 175].

Интересные наблюдения о «народной вере» мирян-несториан отражены в «Путешествии». Рикольдо пишет об обычаях изображать кресты на лицах, употреблять в пищу свинину, что делало их быт отличным от быта окружающего мусульманского населения. Соблюдение строгого сорокадневного поста в Четырехдесятницу

представляет собой сходство с византийскими христианами [24, с. 178].

Также, по словам Рикольдо, представители духовенства придерживаются строгого поста постоянно, не употребляя мясную пищу: «их священники, епископы, архиепископы и патриархи вообще не употребляют мяса и мясных приправ и придерживаются этого, даже если им угрожает голодная смерть», предпочитают скромность и воздержание от роскоши в быту. Здесь Рикольдо пишет, что такой образ жизни достоин уважения, несмотря на последовательные обвинения восточносирийских христиан в «ереси».

Любопытная запись сделана миссионером о практике женского обрезания среди восточносирийских христиан. Как и все остальные, она требует проверки путем сравнения со сведениями других современников о несторианах данного региона. Здесь следует учитывать, что речь идет об описании «другого», и рассматривать данное сообщение с определенной долей сомнения. Однако в нем прослеживается удивление путешественника и эмоциональное неприятие с его стороны, поэтому данная ситуация вряд ли могла быть вымышленной: «Как и во всех восточных странах, они тоже совершают обрезание, но – а сие является и вовсе ужасным – нам удалось увидеть в некоем городе под названием Харбэ, что они обрезают не только мальчиков, но и женщин. И хотя мы так и не смогли понять, что же они там отрезают, однако нам доподлинно удалось выяснить, что они абсолютно точно совершают обряд обрезания и над девочками» [24, с. 176]. Следует учитывать, что речь шла, скорее всего, об оседлом арамеоязычном населении Ильханата, поэтому вряд ли практика подобных операций могла встречаться среди представителей тюркских и монгольских народов Центральной Азии, для последователей любых религий в Центральной Азии она никогда не была характерна, в отличие от Ближнего Востока и Африки.

Различия в описаниях религиозной практики несториан Рикольдо да Монтекроче и в описаниях Гильома Рубрука состоит не только в большей подробности, но и в том, что в первом случае речь идет об оседло-земледельческом населении Ильханата, территории, где зародилось данное христианское течение, а во втором – о представителях кочевой знати Улуса Джучи, прибывшей в Восточную Европу из Центральной Азии. Рикольдо относит «татар», ведущих кочевой образ жизни, и «несториан» к разным группам.

Сведения Рикольдо отражают более высокую степень религиозности оседлого населения Ильханата, чем кочевников Восточной Европы и Центральной Азии. Она заключалась в большем знании религиозных догм, более строгом соблюдении обрядов, практике отшельничества, характерной для сирийского христианства. Отсюда можно сделать вывод о более выраженном

религиозном синкретизме среди несториан – представителей тюрко-монгольских народов.

Кроме различий есть общие черты, которые отмечаются обоими путешественниками, – например, обычай нанесения на тело изображения креста [9, с. 127; 24, с. 177]. Существование одного и того же обычая среди несторианского населения разных территорий, этнических и социальных групп говорит о том, что это не региональная, ближневосточная или центральноазиатская практика, а общая для последователей восточносирийского христианства в Средние века. Еще одной общей практикой несториан из среды кочевого и оседлого населения являлось соблюдение постов. Рубрук также упоминает о кратковременном посте в честь Святого Саркиса у тюрко-монгольских несториан [9, с. 149]. О более или менее строгом соблюдении поста кочевниками в монгольскую эпоху говорить сложно, так как Гильом де Рубрук и Рикольдо да Монтекорче описывали разные посты с разной длительностью.

Сообщение в «Путешествии по Святой земле» о конфликте католической миссии Рикольдо с несторианской общиной Багдада во время пребывания доминиканца в этом городе наглядно иллюстрирует ситуацию, когда восточносирийские христиане видели в католических миссионерах «конкурентов» и препятствовали их деятельности в государствах Чингизидов. Когда Рикольдо и участники его миссии было разрешено провести службу в несторианском храме в Багдаде, он стал в присутствии прихожан критиковать вероучение Сирийской церкви. Тогда миссионеры были изгнаны из храма, вероятно, с применением силы.

Этот конфликт похож на столкновение Джованни Монтекорвино с несторианской общиной Империи Юань, о котором было сказано выше [8, с. 26]. Однако в истории несторианско-католических отношений есть и противоположные примеры: во время дипломатической миссии в Ватикан и Париж Раббан Саумы послы ильхана ставили акцент на христианском единстве и избегали диспутов со стороны кардиналов папы [9, с. 29].

В случае изгнания Рикольдо из церкви несториане также продемонстрировали большую готовность к диалогу, чем католические миссионеры. Когда он обратился к местному архиепископу с жалобой, последний предложил дом и церковь при условии, что доминиканцы перестанут вести проповеди против учения восточных христиан. Однако католики отказались. Тогда в ситуацию вмешался католикос Сирийской церкви, приняв доминиканцев в своей резиденции. В то время им являлся Мар Ябалаха (ранее носил имя Маркос), сподвижник Раббан Саумы. Изложенная ситуация наглядно демонстрирует, что в несторианско-католическом диалоге первые проявляли большую гибкость.

Возникает вопрос: чем было вызвано частое стремление несториан идти на уступки католикам, о чем говорят и предложение архиепископа в Багдаде и посещение резиденции католикоса? Вероятно, представителям христианских церквей во владениях Хулагуидов была отведена посредническая роль в контактах Ильханата с западноевропейскими королями и папами по аналогии с ролью православной Сарайской епископии в Улусе Джучи [20, с. 139].

Трактаты и письма католических миссионеров представляют ценность для изучения истории восточносирийского христианства, или несторианства, в *Rex Mongolica*. Несмотря на то, что авторов в большей степени интересовали аспекты жизни несториан, связанные с отношениями с католиками и возможностью обращения их в католицизм, указанные источники содержат и сведения о присутствии последователей восточносирийского христианства в Улусах Джучи и Чагатай, Империи Юань, Ильханате во второй половине XIII – начале XIV в., их вероучении и религиозной практике. Данные свидетельства позволяют сделать первые выводы о различии религиозной практики несториан, проживавших в разных частях *Rex Mongolica*. Однако этот вопрос требует отдельного исследования.

Также сведения западноевропейских источников показывают взгляды католических миссионеров на религиозные догмы и обряды представителей другого течения христианства. Кроме того, они говорят о стремлении представителей орденов Римской церкви обратить последователей несторианства, проживавших на территории государств Чингизидов, в католицизм путем проповеди и определенном католическом влиянии на восточных христиан в монгольскую эпоху.

Список литературы

1. Заболотный Е. А. Сирийское христианство между Византией и Ираном. СПб. : Наука, 2020. 406 с.
2. Селезнев Н. Н. Христология Ассирийской Церкви Востока: Анализ основных материалов в контексте истории формирования вероучения / отв. ред. М. Т. Работяга. М. : Euroasiatica, 2002. 198 с.
3. Селезнев Н. Н. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М. : Ассирийская Церковь Востока, 2001. 105 с.
4. Кычанов Е. И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1978. Вып. 26. С. 76–85.
5. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage» / под ред. И. М. Миргалеева. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.
6. Кадырбаев А. Ш. Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство

- в Китае: XXXIX научная конференция / под ред. А. И. Кобзева, С. И. Блюмхена. М. : Институт востоковедения РАН, 2013. Вып. 1. С. 56–75.
7. Хеннинг Р. Неведомые земли : в 4 т. / пер. с нем. Л. Ф. Вольсон, Р. З. Персиц ; отв. ред. А. Б. Дитмар. М. : Изд-во иностранной литературы. 1963. Т. 3. 469 с.
8. Костогрызова С. Е. Миссия Джованни Монтекорвини и несториане Империи Юань: встреча западного и восточного христианства // Исследования молодых ученых : материалы LXXVII Международной научной конференции / под ред. И. Г. Ахметова. Казань : Молодой ученый, 2024. С. 24–29.
9. Плано Карпини Джованни, Рубрук Гильом. История монгалов. Путешествие в Восточные страны / ред., вступ. статья, примеч. Н. П. Шастиной. М. : Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.
10. Абзалов Л. Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды / отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань : Издательство «ЯЗ», 2011. 252 с.
11. Костогрызова С. Е. Сведения о сирийском христианстве в Улусе Джучи. К постановке проблемы // Молодой ученый. 2023. № 28. С. 109–112.
12. Юрченко А. Г. Империя и космос (реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года). СПб. : Евразия, 2002. 432 с.
13. Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник / под ред. С. Г. Кляшторного. М. : Восточная литература РАН, 2007–2008. С. 189–237.
14. Асалханова Е. В. Система расположения росписей и икон–танка в храмах северного буддизма // Баландинские чтения : сборник статей VIII научных чтений памяти С. Н. Баландина / сост. Д. Д. Бушма. Новосибирск : Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, Музей истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, 2014. С. 181–192.
15. Юрченко А. Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. Книга-конспект / под ред. А. Г. Юрченко, В. П. Лосева. СПб. : Евразия, 2012. 368 с.
16. Шереметьев А. Г. Религиозный фактор во внешней политике Золотой Орды при хане Берке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 3–8. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2013-13-3-3-8>
17. Мальшев А. Б. Христианство в истории Золотой Орды : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. 281 с.
18. Майоров А. В. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку // *Mongolica-X* / под ред. И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумовой, Н. С. Яхонтовой. СПб. : Петербургское востоковедение, 2013. С. 74–81.
19. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. // Русская историческая библиотека : в 39 т. / подгот. А. С. Павлов. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1880. Т. 6. 754 с.
20. Галимов Т. Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях / под ред. К. А. Костромина. СПб. : Издательство СПбДА, 2015. Вып. 4. С. 138–158.
21. Shagrir I. The Fall of Acre as a Spiritual Crisis: The Letters of Riccoldo of Monte Croce // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 2012. Vol. 4. P. 1107–1120.
22. Panella E. Ricerche su Riccoldo da Monte di Croce // *Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1988. Vol. 58. P. 5–85.
23. Riccoldo da Monte di Croce's *Libellus ad nationes orientales* / ed. by K. V. Jensen. Odense : University of Southern Denmark, 1998. 24 p.
24. Книга странствий / пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и ком. Н. С. Горелова. СПб. : Азбука-классика, 2006. 320 с.
25. *Riccoldo of Monte Croce*. Refutation of the Koran / transl. by Londini Ensis. Columbia : CreateSpace, 2010. 106 p.
26. Giuseppe R. Contra legel Saracenorum di Riccoldo di Montecroce: Dipendenza ed originalità nei confronti di san Tommaso // *Teologia*. 1984. Vol. 9. P. 59–68.

Поступила в редакцию 24.10.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 24.10.2024; approved after reviewing 20.12.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 208–217

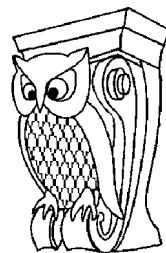
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 208–217

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217>, EDN: MKLBGM

Научная статья

УДК 94-054.6(410.1)|13|

Иностранцы в экономике и социуме Лондона XIV в.: взаимодействие и конфликты

Д. В. Лештаев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лештаев Дмитрий Валерьевич, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, d-LeshtaeV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, AuthorID: 1179146

Аннотация. В статье рассматривается место иностранцев в экономике и обществе Лондона XIV в. Основываясь на данных широкого круга источников и исследовательской литературы, автор выделяет основные группы иностранных торговых партнёров английской столицы и отношение к ним со стороны муниципального социума, прослеживает историю борьбы города за сохранение своих привилегий в отношениях с иноземцами в XIV в., даёт характеристику изменениям экономической ситуации на фоне развивавшегося противостояния. Приводятся примеры встраивания иностранцев в лондонское общество XIV в., высвечивающие ряд осваиваемых ими ниш, в т. ч. в области противоправных действий. Делается вывод о важности иностранного присутствия в Лондоне для развития внешнеэкономических связей Англии и сопровождающем его изменении отношения общества к иноземным купцам в сторону более негативного, призывов к стимулированию развития национальной торговли.

Ключевые слова: иностранцы, иностранные торговцы, натурализовавшиеся, розничная торговля, Лондон, XIV век, Англия, средневековый город, королевские хартии, повседневная жизнь, взаимодействие, конфликты

Для цитирования: Лештаев Д. В. Иностранцы в экономике и социуме Лондона XIV в.: взаимодействие и конфликты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 208–217. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217>, EDN: MKLBGM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The aliens in the economy and society of London in the 14th century: Interaction and conflicts

D. V. LeshtaeV

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. LeshtaeV, d-LeshtaeV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4435-4102>, AuthorID: 1179146

Abstract. The article examines the place of aliens in the economy and society of 14th-century London. Based on a wide range of sources and research literature, the author identifies the main groups of foreign trading partners of the English capital and the attitude of municipal society towards them, traces the history of the City's struggle to maintain its privileges in relations with aliens in the 14th century, and characterizes the changes in the economic situation against the backdrop of the developing confrontation. Examples of the integration of aliens into 14th-century London society are given, highlighting a number of niches they were mastering, including the area of illegal activities. A conclusion is made about the importance of the merchant strangers' presence in London for the development of England's foreign economic relations and the accompanying change in society's attitude towards foreign merchants, which became more negative, with calls for stimulating the development of national trade.

Keywords: aliens, merchant strangers, denizens, retail, London, 14th century, England, medieval city, royal charters, everyday life, interaction, conflicts

For citation: LeshtaeV D. V. The aliens in the economy and society of London in the 14th century: Interaction and conflicts. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 208–217 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-208-217>, EDN: MKLBGM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Среди благородных и прославленных городов мира, город Лондон, столица королевства англов, особенно возвеличен молвой, более других обладает богатством и товарами и выше

других вздымает голову... В этом городе купцы (institores) всех народов, живущих под небесами и плавающих по морям, рады вести торговлю... Золото шлют арабы, специи и ладан сабеи, /

оружие – скифы, пальмовое масло из богатых лесов – / Тучная земля Вавилона, Нил – драгоценные камни, / Китай – пурпурные ткани, галлы – свои вина, / норвеги, руссы – беличьи меха, соболей», – так восторженно описывал место Лондона в международной торговле конца XII в. английский клирик Уильям Фиц-Стефен (ум. ок. 1191), предвзято своё «Житие» архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета (1119/20–1170) [1, с. 147, 151]. А вот что писал по этому поводу анонимный автор первой половины XV в.: «Одна лишь забота английской политики, / Она очевидна – в покое и мире хранить королевство / Англией всей, оспорить такого не может никто. / Нельзя не сказать, что для любого, / Кто плавает к северу, к югу, на восток и на запад, / Это одна из насущных забот, / Лелеять купцов, думать о них постоянно / И пролива хозяином мы станем тогда»; «Где наши суда, во что превратились наши мечи? / Наши враги не прочь корабли в овец превратить. / Увы, наше правление хромо, оно и бессильно. / Кто отважен сказать, что власть сможет хранить, / (Об этом и хочу я сказать, хотя сердце моё слезами омыто в этом свершеньи) / Если мы хотим процветать, / С великим позором отступившись от моря?» [2, с. 39, 40].

О чём свидетельствуют два приведённых отрывка? Налицо резкая смена оценки важности иностранного присутствия в английской торговле: если для автора конца XII в. привлекательность столицы для заморских товаров является свидетельством её благосостояния и статуса, то для анонима начала XV в. на первый план выходит необходимость заботы о том, чтобы большая их часть доставлялась не иноземцами, а самими англичанами. Автор вопрошает: «Смогут ли правитель любой, если желает сбросить имя своё, / Имеющий ноблей значительно больше, нежели мы, / Быть хозяином моря и фламандцы, вопреки нашей славе, / Нас остановят, помешают нам и завянут цветы / Государства английского и чести нашей устои?» [2, с. 40]. Негодование вызывают также дороговизна и бесполезность многого из доставляемой продукции: «Большие галеры из Венеции и Флоренции / Грузёные доверху товарами для развлечений и наслаждений, <...> / Вещи, которым и в мыслях нет нужды. / Большинство из этих товаров нам не нужны, они и вредны; / Полезнее от них отказаться, уж слишком они дороги... Поскольку эти галеры со столь утончённым товаром / И со сластями увозят от нас лучшее наше, / Олово, сукна и шерсть, то есть то, чем мы богаты, / Каждой стране столь необходимо и большая нужда / В нашей названной тройке товаров. / А за них мы получаем товары и вещи, / Которыми легко пренебречь» [2, с. 50, 51].

Закономерно возникает вопрос: где тот водораздел, который отделяет благосклонность

к иностранцам XII–XIII вв. и неприязнь, обвинения в намеренном развращении и ограблении Англии XV в.? В. И. Золотов связывает его с переосмыслением английским обществом целей и смысла Столетней войны и переживаемым им во второй половине столетия «кризисом исторической памяти, наступающем при столкновении исторического сознания с опытом» [3, с. 54–58; 4, с. 50–51]. Нам кажется, что ответ следует искать в XIV столетии, когда в повестке дня впервые обозначилась необходимость поощрения местной промышленности и развития английского присутствия в международной торговле.

Применительно к «веку Чосера», как называл его Дж. М. Тревельян, ещё трудно говорить о целенаправленной протекционистской политике, поскольку многие из ограничительных мер того времени диктовались не столько государственными, сколько личными потребностями нуждавшихся во вспомоществовании королей, и по той же причине не имели постоянного характера, нередко приобретая дискриминационные в отношении островных производителей и коммерсантов черты. Тем не менее, именно в XIV в. английское торговое сословие достигает своего расцвета, свидетельством чего становятся и внимание власти к обеспечению безопасности внешней торговли и соблюдению прав купечества за рубежом, и её же попытки использовать новый ресурс в качестве дополнительного источника доходов, в т. ч. внепарламентским путём [5, с. 107–132]. Однако вместе с благосостоянием растёт и политическая значимость английских негоциантов, всё чаще позволявших себе высказывать несогласие с решениями правительства и объявлять ему бойкот [5, с. 128–129], а к рубежу XIV и XV столетий – в полной мере вмешиваться в события политической жизни королевства, отстаивая собственные привилегии и последовательно добиваясь выдавливания иностранцев из коммерческой деятельности [6, р. 523–525]. Важнейшая роль в этих процессах принадлежала лондонским купцам.

История взаимоотношений иностранцев и «торгового класса» английской столицы была долгой и насыщенной. Удачное географическое положение, превратившее город в «естественный центр национальной торговли» [7, с. 45, 51], и его статус способствовали довольно раннему появлению иноземцев в Лондоне. Тем не менее общая ориентированность донормандской Англии на приоритетное взаимодействие со скандинавским регионом приводила к тому, что и первые появившиеся здесь иностранные торговцы были преимущественно выходцами из северной и северо-западной Европы. Среди них особое место занимали датские и норвежские купцы, обладавшие исключительным правом проживания в Лондоне в течение года, немецкие, плотно обосновавшиеся здесь уже к концу

IX в., и т. н. «французы», в основном выходцы из Нормандии и, возможно, Фландрии, вероятно, также владевшие широким набором привилегий [8, с. 75–84, 160–161, 166; 9, р. 198, 235; 10, с. 203].

Нормандское завоевание 1066 г. сместило акценты внешнего взаимодействия, что сказалось и на характере иностранного присутствия в Лондоне: к концу XIII в. скандинавское влияние в городе сократилось настолько, что торговля с Норвегией почти полностью сконцентрировалась в менее крупных портовых центрах (на востоке – Гримсби, на западе – Гулль, Бостон и Линн), а датское направление было практически заброшено [8, с. 359; 9, р. 625, 486; 11, р. 87]. Заметно сократился и торговый оборот с Нормандией, чему способствовали утрата герцогства в 1204 г. и общее снижение во внешнеторговом взаимодействии доли Руана, некогда служившего одним из главных каналов сообщения Англии с внутренними европейскими рынками [8, с. 168–169; 12, с. 5].

Вместо этого активно развивались контакты с итальянскими, фландрскими и гасконскими негоциантами, не прерывавшиеся и с началом Столетней войны [13, с. 331–335]. Апеннинская община Лондона начала формироваться в 1220-х гг., когда в столице впервые фиксируются выходцы из Флоренции, Лукки, Сиены, Пьяченцы, Пистойи и Генуи. В начале XIV в. их ряды пополнили торговцы из Милана, Падуи и Асти, а в 1319 г. – из Венеции [11, р. 88].

Фландрское присутствие обеспечивалось в большей степени ремесленниками, активно переселявшимися на остров вслед за Вильгельмом Завоевателем и приносившими с собой технологию выделки шерсти [8, с. 159–165; 12, с. 34–35], хотя, вероятно, не менее заметным было и купеческое представительство: с 1240-х гг. в столице фиксируется наличие т. н. Ганзы Сент-Омера, объединявшей указанный город и несколько сопредельных с ним муниципалитетов, специализировавшихся на торговле шерстью, около 1268 г. появились здесь и агенты Лондонской Ганзы Брюгге [11, р. 92; 14, с. 121]. При этом вопрос, составляли ли фландрские торговцы некое самостоятельное объединение внутри города (т. н. Фламандская Ганза), остаётся дискуссионным. Помимо них в Лондоне также проживало некоторое количество гасконцев, чьей прерогативой оставался импорт вина, и постепенно вытеснявших их из этой сферы деятельности испанцев [15, р. 131].

Сохранялось и германское представительство, важность которого во все времена объяснялась обеспечением притока европейского серебра и ролью в поддержании торговых отношений с североевропейскими рынками [9, р. 198; 16, с. 61]. Однако и оно претерпевает ряд важных структурных перемен: на смену доминировавшим кельнцам, выражением статуса которых

стало полученное ещё в 1155 г. собственное здание для собраний на Темза-стрит, аналогичное Гилдхоллу, с 1170-х гг. приходят нарастившие своё присутствие на Балтике любекцы, перехватившие инициативу в сельдяном промысле и возглавляющие объединение импортёров стерлингового серебра (*Esterlings*). Их положение было закреплено привилегиями Генриха III от 1237 г. [9, р. 198; 11, р. 85; 17, с. 123]. В 1268 г. вокруг Любека складывается собственная Ганза, что вызывает противодействие кельнских купцов, однако тянувшаяся до конца XIII в. череда тяжб привела к тому, что в 1281 г. после очередной серии разбирательств была учреждена общая для немецких торговцев компания (*Hanse of Almaine*) и разделены сферы влияния (Лондон оставался за кельнцами) [11, р. 86; 14, с. 121; 16, с. 53]. На базе её имущества и возник Стальной двор (*Steelyard*), фактория в Доугейте и Винтри, ставшая символом ганзейского присутствия в английской экономике¹.

Как и в целом по стране, в Лондоне проживало сравнительно небольшое число иноземцев, тем не менее контролировавших заметную часть его экономики: согласно М. Ковалески, город обеспечивал 65% коммерческой деятельности иностранцев, при том что само их присутствие ограничивалось 37%, а в общей сложности вместе с Бостоном на столицу приходился 71% всех совершаемых ими торговых операций [9, р. 481, 484]. Т. А. Медведева показала, что из 1740 иностранцев, принесших клятву верности короне в 1436 г., в Лондоне осели только 307 человек [18, с. 66], а А. Г. Праздников, ссылаясь на С. Л. Трапп, пишет о 3 тыс. в 1501–1502 гг. [19, с. 29, 70], при том что всё его население к 1520–1530-м гг. могло составлять 50–60 тыс. человек [7, с. 49; 20, с. 246]. Вместе с тем необходимо учитывать их этническую разнородность, что также сказывается на величине показателей для отдельных групп. Так, на территории ганзейской фактории в Доугейте одновременно проживали не более 20 человек, а общее число осевших в городе к концу XV в. итальянцев не превышало 50 мужчин и нескольких женщин [9, р. 401; 11, р. 113]. Несмотря на это, уже в конце XIII в. на долю апеннинцев приходилось около 20% столичного экспорта шерсти (столько же обеспечивали вместе немецкие и нидерландские купцы), а общее присутствие выходцев из Средиземноморья в экономике города, согласно данным об уплате талей 1304 г., достигало 60% [9, р. 199]. Доля занятых в Лондоне фламандцев до 1270-х гг.кратно превышала число собственно столичных жителей [9, р. 199] и начала сокращаться только в XIV в. на фоне растущей эскалации англо-французского противостояния.

Заметным было и гасконское присутствие. Как показали расчёты, выполненные на основе данных В. Р. Чайдс, на купцов из Юго-

Западной Франции (внутренние районы Гаскони, Монтобан, Тулуза, Монпелье) приходилось 48% всех долговых обязательств, зарегистрированных между 1276 и 1284 гг. [11, р. 85; 15, р. 16]. Ему лишь немногим уступали испанцы (31%), число которых также оставалось невелико и варьировалось в зависимости от состояния англо-кастильских отношений. По оценке К. М. Бэррон, если в начале правления Эдуарда I (1272–1307) в Лондоне насчитывалось около 30 пиренейцев, то к 1320-м гг. их число могло сократиться [11, р. 86; 15, р. 16]. Несмотря на это, в 1331 г. Эдуард III (1327–1377) освободил испанцев от уплаты поборов на ремонт стен (*murage*), дорог (*pavage*) и моста (*pontage*), что, вероятно, свидетельствует о сохранявшейся значимости их присутствия в столице.

Средневековая международная торговля носила преимущественно городской характер, что объясняет ограничительные мероприятия муниципалитетов, действовавшие не только в отношении иностранцев, но и всех «чужеземцев», включая представителей других английских городов [17, с. 121]. Показателен в этом отношении ответ столичного магистрата на запрос Эдуарда I от 29 августа 1300 г. о правах бордосских вино-торговцев, в котором тот поспешил напомнить, что не только они, но и все иностранцы (*or any other foreign merchants*) не имеют права использовать складские помещения в качестве жилых, обязаны селиться у англичан, а срок их пребывания в городе ограничен 40 днями [21, р. 80]. Этот случай тем более примечателен, если вспомнить, что гасконские купцы обладали широчайшим спектром привилегий, дарованных им серией монарших хартий 1275, 1280 и 1285 гг. и включавших в себя право розничной торговли и свободного сбыта вина на всей территории страны, бессрочного проживания в столице и пользования правами лондонских фрименов [8, с. 168; 11, р. 85]. Ордонанс 1302 г., подтвердивший старые привилегии и содержащий ряд новых, включая отмену королевской призы, лишь способствовал укреплению их позиций, а Купеческая хартия 1303 г. и вовсе спровоцировала демарш муниципальных властей, отказавшихся назначить сборщиков «новой пошлыны» [6, р. 520; 22, с. 242, 246–247].

В следующий раз Лондон выступил против королевских привилегий иностранцам в 1310-е гг., воспользовавшись разразившимся в стране политическим кризисом. Ещё в 1310 г. Эдуард II (1307–1327) отменил «новую пошлыну», чем не преминуло воспользоваться столичное купечество, заявившее, что её снятие автоматически ликвидирует и сопряжённые с ней права и свободы (это дало У. Каннингему повод утверждать, что инициаторами отмены побора были сами лондонцы) [8, с. 249]. Следующим шагом стало обращение к статьям, принятых

под нажимом феодальной оппозиции Ордонансов 1311 г., среди прочего отменявших прежние «старинные права и обычаи», регулировавшие отношения с иноземцами [6, р. 520–521]. Несмотря на то, что впоследствии Эдуард II отказался соблюдать положения Ордонансов, пользуясь его отсутствием, магистрат в 1312 г. восстановил для иностранцев (*merchant strangers*) 40-дневный срок разрешённого пребывания [23, р. 282–283], а затем, вероятно, и прочие ограничения, о чём свидетельствует случай 1315 г.: ссылаясь на нарушение привилегий города и апеллируя к запрету на ведение коммерческой деятельности между иноземцами, власти конфисковали боченок вина у гасконца Джерарда Доргойла (*Gerard Dorgoil*), продавшего его занимавшемуся розничной торговлей земляку Уильяму де Элтему (*William de Eltham*) [24, р. 45–46].

Однако успех оказался временным: уже в 1319 г. Эдуард II подтвердил право иностранных купцов проживать в Лондоне без обязательного расселения у англичан [25, р. 49], в 1322 г., добившись отмены Ордонансов, вернул им оставшиеся привилегии (ответом на этот шаг стал погром Барди в Лондоне) [17, с. 120], а в 1323 г. восстановил «новую пошлыну» [6, р. 521]. В 1326 г. чаша весов вновь склонилась в пользу города: пленённый после неудачной попытки побега, король был вынужден пойти на очередные уступки, запретив иностранцам вывоз шерсти и материалов, используемых при её обработке, а также лишив их допуска к правам фримена, в т. ч. и тех, кто обладал ими на момент выхода грамоты (декабрь 1326 г.), сделав исключение лишь для Амьена, Корби и Неля – городов т. н. Пикардийской Ганзы [26, р. 149–151].

Не менее напряжённо складывались отношения между городом и Эдуардом III. Обстоятельства прихода к власти, очевидно, вынуждали молодого правителя и окружавшую его придворную фракцию искать поддержки у столичного бюргерства, результатом чего стала первая хартия Лондону от 6 марта 1327 г., в очередной раз восстанавливавшая 40-дневный срок реализации товаров, обязательность постоя у англичан и запрещавшая иноземцам содержать собственные хозяйства или проживать совместно (*without any households or societies by them to be kept*) [25, р. 55]. Тем не менее в 1335 г. парламент вновь отменил все ограничения для иностранцев, вернув им, в частности, право свободной торговли продовольственными товарами, что вызвало сопротивление столичных купцов [5, с. 114; 6, р. 522; 8, с. 256]. Добившись включения в документ положения о сохранении за Лондоном всех его «старинных свобод и вольных обычаев», гарантированных ещё Великой хартией, город способствовал возникновению ситуации неопределённости, при которой одновременно охранялись и права иностранных неогоциантов,

и прямо противоречащие им привилегии муниципалитета [25, р. 61–62; 27, р. 14–15]. Это привело к неоднократным требованиям их подтверждения, первые из которых появились уже в 1337 г.: изданная 26 марта третья хартия Эдуарда III, получившая статус патентной грамоты, вновь признавала «целость и неприкосновенность» (*unhurt and whole*) лондонских свобод, хотя по-прежнему содержала аналогичные гарантии иностранцам [25, р. 62].

Динамика иноземного присутствия в английской экономике XIV в. была тесно связана со становлением стапельной системы. Стапель, т. е. учреждённый в том или ином городе склад, выступающий местом концентрации и реализации определённых товаров, и сопряжённая с ним государственная монополия, передаваемая на откуп третьим лицам, мог создаваться как внутри страны, так и за её пределами, в зависимости от политической ситуации выступая то ограничителем, то, напротив, средством развития иноземного участия во внешнеторговом взаимодействии. Целью стапельной политики становилась централизация поступления королевских доходов с наиболее прибыльных статей вывоза, важнейшей из которых в рассматриваемое время стала шерсть. Этому же намерению служила практика установления на неё фиксированной цены [8, с. 267–270].

Возникновение системы стапелей было обусловлено и ростом финансовой состоятельности английского купечества в первой половине XIV в., однако она же стала одной из причин его скорого заката к середине столетия, будучи не в состоянии компенсировать затраты на спонсирование военных мероприятий короля и при необходимости превращаясь в инструмент злоупотреблений и дискриминации коммерсантов.

Лишившийся в 1351 г. своих английских кредиторов и вынужденный согласиться на парламентское обложение шерсти без попыток апелляции к мнению купеческих конференций, Эдуард III в очередной раз ликвидирует стапельную монополию и допускает на внутренний рынок иностранцев, получая от общин налог в 40 ш. с каждого мешка шерсти и подтверждение статута 1335 г. [5, с. 122, 131–132]. Всё вместе это привело к ухудшению экономической ситуации в Лондоне: в том же году мэрия шлёт обращения в парламент (заседал с 9 февраля по 5 марта) [27, р. 229], а в 1353 и 1355/56 гг. – на имя короля [28, р. 14–15, 52]², в которых в очередной раз просит подтвердить свои права³. О глубине постигшего английскую столицу кризиса можно судить исходя из содержания петиции, поданной «во вторник перед Днём Св. Георгия [23 апреля]» 1357 г.: в ней власти города жалуются, что многие из «добрых людей» (*good folk*) покидают его в поисках лучших мест для ведения торговли, а привилегия иностранцев судиться

по купеческому праву, т. е. при паритетном представительстве своей стороны, привела к тому, что теперь никто не желает занимать должности в муниципальной администрации, включая пост мэра [28, р. 86]. Те же меры способствовали росту цен на завозимые иноземцами товары, из-за чего их стоимость увеличилась на 50% и более. И хотя в том же году англичане получили право участвовать в экспорте шерсти на тех же правах, что и иностранцы [5, с. 123], эта мера, вероятно, не возымела искомого действия, как и её подтверждения 1361 и 1362 гг., о чём косвенно свидетельствует позднейшая недатированная петиция в парламент (вероятно, март 1364/65 г.), показывающая, что купцы по-прежнему покидали пределы лондонской юрисдикции, переселяясь в Вестминстер или либерти Сент-Мартин-Ле-Гранд [28, р. 185]⁴.

Видимо, последнее обращение достигло цели, поскольку в феврале (?) того же года Эдуард III жалует столице очередные гарантии привилегий, правда, прося не забывать, что в своё время они были отняты у города «без возражений» (*without gainsaying*) с его стороны [28, р. 187]⁵. Вновь учреждая 40-дневный срок реализации товаров и запрет на ведение розничной торговли для иностранцев, королевские статьи даровали лондонцам право свободной торговли с континентом (включая свободу ассортимента товаров) и освобождали их от ответственности за неправомерные деяния, совершённые иноземцами, либо возложенной на них в результате дознаний, проведённых с участием «других людей, не включающих [в себя] людей города» (*other folk, save the folk of the City*) [28, р. 187]. Вместе с тем, подобно иностранцам, столичным купцам запрещалось вести розничную торговлю.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что проблема борьбы за сохранение Лондоном своих привилегий оставалась актуальной на протяжении всего правления Эдуарда III. Примечательно, что, как и во времена его отца, город временами саботировал высочайшие распоряжения: об этом, например, свидетельствует неисполнение одним из столичных шерифов Уильямом Дайкменом (*William Dykeman*) королевского распоряжения об оглашении очередного подтверждения статута 1351 г., принятого в 1368 г. [28, р. 230].

Расположение верховной власти к иностранцам заметно уязвляло самолюбие лондонцев, иногда приводя к эксцессам. Так, в 1371 г. к наказанию позорным столбом и точильным камнем был приговорён некто Николас Моллере (*Nicholas Mollere*), слуга (*servant*) члена гильдии кузнецов Джона Топпесфельда (*John Toppesfeld*), распространявший слухи, будто иностранцам вновь позволено торговать наравне с фрименами [28, р. 283]⁶. Примечательно, что в начале 1370-х гг. власть в городе ещё находилась в руках т. н. «старого» патрициата,

представленного в основном торговцами продуктами питания (виктуаллерами) и экспортёрами шерсти [29, с. 50], а потому, надо полагать, болезненно относившегося к подобным заявлениям.

Противостояние «старого» и «нового», олицетворявшего новые отрасли экономики, в частности сукноделие, патрициатов во многом определяло характер борьбы Лондона за свои привилегии в конце XIV в. Последняя за время правления Эдуарда III попытка столицы взять реванш имела место на «Добром парламенте» 1376 г. В историографии приводятся различные мнения относительно того, на чьей стороне выступил «старый» патрициат. В частности, Р. Хилтон и Г. Фаган сообщали, что виктуаллеры поддержали противников Джона Гонта, якобы разделявшего идею «нового» патрициата о необходимости снятия торговых ограничений [30, с. 47]⁷. Подобную точку зрения следует признать ошибочной, поскольку именно близкое к власти «старое» лондонское купечество оказалось под огнём критики Палаты общин: ряд его представителей был обвинён в коррупции и измене, осуждён, и лишь личное вмешательство герцога спасло некоторых из них от смертной казни [5, с. 124; 29, с. 51]. Несомненно, что ни одна из рассматриваемых категорий не могла быть едина в своей поддержке той или иной стороны, однако если бы «старый» патрициат действительно выступил вместе с депутатами, то едва бы добился тех привилегий, которые были дарованы городу последней, шестой, хартией Эдуарда III от 4 ноября 1376 г. (напомним, что «Добрый парламент» был распущен в июле, а его решения — отменены).

Составленная на основании петиции хартия вновь лишала иностранцев возможности свободного расселения, накладывала ограничения на взаимодействие с брокерами (теперь выступать посредником могло лишь лицо, прошедшее процедуру отбора профильной гильдии и утверждённое решением мэра и олдерменов), а также запрещала для них розничную торговлю [25, р. 67]. Примечательно, что, оправдывая необходимость возвращения «протекционистских» мер, столичное купечество апеллировало уже не только к собственным издержкам, но и необходимости укрепления безопасности государства: иноземцы прямо обвинялись в шпионаже, а их широкое присутствие в экономике страны называлось главной причиной упадка английского флота [25, р. 68]. Ровно через месяц (4 декабря) эти положения получили повторное подтверждение, единственным их отличием стал отказ от распространения ограничительных мер на купцов Немецкой Ганзы [31, р. 53].

По мнению О. В. Яблонской, возвращение ограничений стало важной победой «старого» патрициата, позиции которого заметно пошатнулись после обвинений, выдвинутых на «Добром

парламенте»: таким образом виктуаллерам удалось обеспечить экономическое преимущество в борьбе с «новыми» элитами, лидирующее положение среди которых занимали поощрявшие иностранное присутствие суконщики (мэром Лондона в 1376 г. был торговец тканями Адам Стэбл) [32, с. 9]. Фактически поддержка герцога позволила им пережить проводившиеся в августе и ноябре того же года реформы городского самоуправления, направленные на расширение цехового представительства и внесение существенных корректив в порядок избрания и отправления полномочий олдерменов, а затем и вернуть власть в 1377 г. [32, с. 8–9].

Сказанное заметно актуализирует проблему сосуществования англичан и иностранцев в Лондоне. Ранее уже было замечено, что малочисленность иноземных коммерсантов и налагаемые на них ограничения отнюдь не способствовали взаимопониманию в отношениях с местным сообществом. Однако практика обращений к английским посредникам, столь беспокоившая муниципальные власти, и натурализация отдельных иностранцев свидетельствуют об их довольно скорой адаптации к новым условиям и позволяют утверждать, что намеренное обособление было характерно лишь для некоторой их части и мало затрагивало экономическую деятельность: по данным С. Л. Трапп, $\frac{1}{6}$ проживавших в столице в начале XVI в. иноземцев по своему достатку принадлежала к средним слоям населения [19, с. 70]. Это заметно уже на материалах XIV в., содержащих сведения о предоставлении иностранцам прав лондонских фрименов: например, в письме мэра Ричарда Кислингбери «народу и общине Флоренции» от 1350 г. упоминается некто Грегорио Бонакурси (*Gregorio Bonacursi*), «*de laterino*», горожанин Лондона (*citizen of London*), а к 1368 г. относятся известия о владевшем городскими свободами ломбардце Томасе Сэрланде, занимавшемся посреднической торговлей между столицей и Фландрией [33, р. 3; 19, с. 46–47].

Столь же красноречивы сведения о занятии иностранцами и их потомками высоких административных должностей. Так, в 1309 г. мэром был избран торговец пряностями Томас Ромейн (*Thomas Romeyn / Romaun*), фамилия которого свидетельствует о наличии итальянских корней («Римлянин»). Среди служивших с ним в одно время олдерменов можно обнаружить выходцев из Кагора и Бержерака Гильома Серва (*Guillaume Servat*) и Гильома Трента (*Guillaume Trent*), отправлявших полномочия в 1309–1319 и 1309–1316 гг. соответственно, а убитый в 1303 г. фламандец Томас атте Велле (*Thomas atte Welle*) занимал при одном из столичных шерифов должность сержанта [34, р. 8–10].

Отмечались случаи создания смешанных семей: например, на англичанках были женаты горожанин Слэйса Оливье Феринг (*Oliver*

Feryng) [33, р. 41–42], флорентиец Камбин Фулберти (*Cambin Fulberti*), чья старшая дочь Джоанна (*Johane*) также вышла замуж за англичанина – торговца рыбой Роберта Фрешфиша (*Robert Freshfish*), и выходец из Тулузы Ричард Элви (*Richard Alwy*), имевший в браке с некой Элис (*Alis*) двух сыновей и трёх дочерей, наречённых английскими именами. Ему не уступал другой флорентиец, Камбин Фантини (*Cambin Fantini*), отец семерых рождённых в Лондоне детей [34, р. 9, 11].

Как видно из приведённых примеров, в рассматриваемое время уже имели место случаи взаимной открытости англичан и иностранцев, приводившие к более активному вовлечению последних в жизнь муниципального социума. И всё же в основе своей сообщества иноземцев оставались закрытыми и малодоступными для налаживания каких бы то ни было контактов помимо деловых. Ярким примером этого послужит Немецкая Ганза, напоминавшая, по выражению У. Дж. Эшли, «торговую гильдию, заключённую внутри крепостных стен»: территория фактории была обнесена каменной стеной, все члены компании обязывались иметь при себе оружие, а общение с внешним миром обеспечивалось через старшину (олдермена) Ганзы, одновременно возглавлявшего суд и ведавшего финансовыми вопросами [11, р. 87; 17, с. 124]. Столь же необщительны были итальянцы, компактно проживавшие на северо-востоке Лондона в районе Лэнгборн и Брод-стрит, посещавшие местный августинский приход, в котором служил говоривший на их языке (на каком именно – неизвестно) священник [9, р. 401; 11, р. 113]. К подобным замкнутым объединениям можно отнести и «гильдию» нидерландских ткачей, оберегавшую себя от конкуренции не только со стороны лондонских, но и новоприбывших мастеров [26, р. 307].

Нередко такая закрытость могла сочетаться с пренебрежительным отношением к английскому окружению и нарочитой внешней демонстрацией благополучия. В этом случае показательны занимавшиеся импортом предметов роскоши венецианцы, по оценке К. М. Бэррон, тратившие на жизнь больше, чем прочие итальянские коммерсанты, и особенно молодёжь, воспринимавшая обучение в местных филиалах торговых и банковских домов как «ссылку» [11, р. 113–114].

Последнее во многом осложняло взаимоотношения столичных жителей и иностранцев. Так, ещё в 1300 г. один из горожан подал в суд на итальянцев, назвавших его «английской собакой» [22, с. 236]. Тем не менее, куда чаще причиной конфликтов становились более прагматические причины, например, изъятие большей части иноземцев из муниципальной юрисдикции: в частности, права нидерландских ткачей, активно переселявшихся в Англию с 1330-х гг.

и составлявших в Лондоне практически сложившийся ремесленный цех, или ганзейских купцов, на которых возлагалась ответственность за поддержание сохранности Епископских ворот, охранявшиеся королевскими грамотами, делали их неподсудными столичным властям, при том, что последние обязывались гарантировать их соблюдение [6, р. 465–468; 8, с. 166; 17, с. 469–471].

С привилегированным положением иноземцев были связаны и конфликты в сфере профессиональных отношений. Так, в октябре 1333 г. трое торговцев шёлковыми тканями Генри Форрестер, Томас де Мелдоун и Джон Мелевард, подстрекаемые товарищем по гильдии Ричардом Фелипом, совершили вооружённое нападение на ломбардских купцов Франциско Боучело (*Francisco Bochel*) и Рэймунда Флэми (*Reymund Flamy*), проживавших в Старом Еврейском квартале (*Old Jewry*), и нанесли им большой ущерб, в т. ч. здоровью, серьёзно ранив Франциско [26, р. 302–303; 35, с. 224]. По той же причине в дни Крестьянского восстания 1381 г. в Лондоне погибло немало фламандцев, чьё переселение поощрялось сукоңчиками и негативно сказывалось на состоянии гильдии ткачей, поставленной ими в зависимое положение [30, с. 48; 36, р. 73; 37, с. 62–69]. Помимо открытого насилия в рамках борьбы с конкурентами использовались и формальные предлоги, например, в 1353 г., когда поводом для закрытия таверны, державшейся генуэзцами Франциско (*Francisco of Genoe*) и Панино Гильельми (*Panino Guillelmi*), послужило нарушение ими запрета на одновременный отпуск красного и белого и сладких вин: их смешение при употреблении считалось вредным для здоровья, и тем не менее решение муниципалитета было оспорено итальянцами перед Эдуардом III [26, р. 270].

Нередко иностранцы и сами оказывались в числе нарушителей общественного спокойствия. Решения магистрата по обращениям нидерландских ткачей свидетельствуют, что наиболее распространённым у них способом выяснения отношений были достигавшие значительных масштабов драки с участием мастеров и их слуг [26, р. 332, 346]. Иностранцы занимались подлогом, причём их сообщниками зачастую выступали англичане. Например, в 1313 г. было вскрыто предприятие неких Чукконе Ломбардца (*Chuccone the Lombard*), Уильяма Рейнера (*William Reynere*) и вступившего с ними в сговор Джона де Бледелоу (*John de Bledelou*), выпекавших и пускавших в продажу т. н. «французский хлеб» (*French bread*), весивший меньше принятого стандарта: его вес был определён в 29 ш. 2 п. (1 ш. = $\frac{3}{5}$ унции), что на 12 ш. 10 п. легче установленной нормы [26, р. 108]. Их дальнейшая судьба осталась неизвестной, в отличие от уличённого в 1376 г. в изготовлении поддельного векселя на 60 ш. ломбардца Бетта Босана (*Bette*

Bosan), действовавшего в союзе с торговцем рыбой Джоном Бурвеллем (*John Burwelle*): он был приговорён к выплате штрафа в размере 10 ш. пострадавшему от их аферы Джону Стоу из Ковентри и позорному столбу (примечательно, что его английский подельник избежал заслуженной кары) [26, р. 404].

Заметно иноземное присутствие и в более тяжких преступлениях, в частности, убийствах и кражах. Так, в октябре 1323 г. коронером было зафиксировано убийство некоего Джона де Шартра де Монтлери (*John de Chartres de Monte Leheri*), чьё почти сгоревшее тело было обнаружено в кухонной печи гостиницы в приходе Св. Милдрит близ Бредстритских ворот (её хозяином был другой иностранец – мастер Пандульф из Лукки (*Master Pandulph de Luca*) [38, р. 73]. Опрошенные свидетели показали, что в ночь убийства Джон и двое подельников, Уильям де Уодефорд (*William de Wodeford*) и его жена Джоанна де Кругестере (*Johanna de Crougestere*), проникли на постоянный двор с целью грабежа. Тем не менее в процессе преступления Джон якобы «осознал» (*perceiving*) всю неправоту своих деяний, после чего Уильям велел ему пойти на кухню и развести огонь. Собираясь разжечь пламя, Джон опустился на колени, после чего Уильям нанёс ему смертельный удар топором, раскроив череп, а затем попытался избавиться от трупа, уложив его в разожжённую печь. Тело было обнаружено Томасом ле Кью (*Thomas le Keu*), вероятно, также французом по происхождению, который и «поднял крик, чтобы созвать народ» (*raised the cry so that the country came*). Двое иностранцев присутствовали и среди заверителей (*neighbours*) – это выходцы из Нидерландов Адам Брабансон (*Adam Brabanson*) и Роджер де Эвере де Бредстрит (*Roger de Evere de Bredstret*) [38, р. 74]. Поскольку следствие располагало сведениями, что убийцы владеют домом на Милк-стрит, коронер дал шерифам предписание немедленно арестовать их, как только они появятся в пределах своего бейлирика.

Другой показательный случай произошёл в 1340 г. и был связан со смертью некоего Уолтера Уолдешея (*Walter Waldeshej*), скончавшегося на следующий день после нападения двух брабантских купцов Годекина и Генри де Хаундсберга, приходившихся друг другу родственниками (*Godekin de Houndesbergh of Brabant and Henry <...> his kinsman*) [38, р. 271]. Иноземцы атаковали его на Хай-стрит в районе Ломбард-стрит напротив церкви Св. короля Эдмунда и нанесли несколько ударов мечами, бросив умирать. Несмотря на то, что инцидент имел место 28 августа, обстоятельства смерти потерпевшего были установлены только в «понедельник, следующий за Праздником Рождества Пресвятой Богородицы», т. е. 9 сентября. В качестве наказания за содеянное коронер постановил конфисковать

имущество Годекина, оценённое в 27 ш. 3 п., и передать его в ведение Роджера де Форшема, одного из лондонских шерифов [38, р. 271]. Не менее примечательна запись о смерти в июне того же года оружейника Генри Оверстолта (*Henry Overestolte*), утонувшего во время купания в Темзе: среди присяжных по его делу присутствуют красильщик Джон ле Фрейнш (*John le Freynsshe, "dyeghere"*), вероятно, выходец из французских земель, и трое нидерландцев: Уильям атте Марш (*William atte Marche*), Уильям атте Верик (*William atte Vercy*) и Томас атте Солер (*Thomas atte Soler*), а в числе заверителей – Герман ле Скиппер (*Herman le Skypere*), возможно, немец, Томас де Испания (*Thomas de Ispania*) и Томас Айришмен (*Thomas Irysshman*) [38, р. 257].

Таким образом, иностранцы занимали одно из центральных мест в экономическом и социальном пространстве Лондона XIV в. Обеспечивая свыше половины всего внешнеторгового оборота города, иноземные купцы способствовали укреплению контактов английской столицы с материковой Европой, делая её частью формирующегося единого экономического пространства. Вместе с тем, их привилегированный статус нередко подвергался пересмотру со стороны королевской власти, находившейся под давлением местных негоциантов, что особенно ярко демонстрировала политика в области стапельной торговли. Те же меры способствовали постепенному возвышению английского купечества, долгое время находившегося в тени европейских конкурентов.

Борясь за расширение своего присутствия, охраняя традиционные сферы деятельности (розничная торговля и т. д.) и будучи частью городского сословия, «торговый класс» Лондона использовал доступные ему механизмы муниципального регулирования. Стремясь по мере возможности оградиться от активного проникновения в местный социум элементов, изъятых из его юрисдикции и обложения, представителей чуждых культур, город способствовал их постепенной натурализации, а затем ассимиляции, свидетельством чего становились смешанные браки и принятие первыми поколениями их потомков английских имён. Те же процессы приводили ко всё большей вовлечённости иностранцев в дела городского самоуправления, политической и повседневной жизни магистратов, что делало их участниками или невольными жертвами конфликтов интересов муниципальных элит. Сохранение культурной самобытности, закрытый образ жизни практиковались лишь наиболее обеспеченными группами иноземцев, характерным выражением чего становилось соответствующее отношение к окружавшим их реалиям и людям. Экономическая конкуренция и предвзятость мнений способствовали развитию представлений о вреде широкого иностранного присутствия

в Англии и необходимости стимулирования собственной торговли, отчётливо проявившихся уже в XV в.

Примечания

- ¹ Известна под этим названием с 1382 г. В Винтри располагалось здание ганзейского Гилдхолла, в Доугейте – жилые и складские помещения.
- ² В 1353 г. был издан ордонанс, а в 1354 г. – парламентское решение об установлении системы из 15 внутренних стапелей, предполагавшей значительные привилегии для иностранцев. Размер пошлины для них был увеличен до 10 ш. с 1 мешка шерсти.
- ³ Иной сценарий развития событий демонстрировал Бристоль, где в ответ на королевское решение были подтверждены все прежние ограничения для иностранцев.
- ⁴ Либерти (англ. *liberty*) – в Англии – единица административного деления, на которой отправление правосудия передано королём в руки местного феодала. Земля вокруг расположенной здесь коллегияльной церкви Св. Мартина Турского принадлежала светским каноникам, т. е. сохранявшим право владения частной собственностью и получения рент. Церковь была закрыта и снесена в 1548 г., а её территория поглощена Вестминстерским аббатством. Вплоть до 1830-х гг. сохраняла формально независимый от Сити статус, в административном отношении считаясь частью графства Миддлсекс, а в политическом – Вестминстерского избирательного округа.
- ⁵ В 1364 г. Эдуард III подтвердил положения статута 1354 г., отменив стапельную монополию Кале, введённую в 1363 г.
- ⁶ В начале 1371 г. англичане получили возможность вывозить шерсть без её предварительного взвешивания и оценки стоимости на внутренних стапелях.
- ⁷ В октябре 1378 г. Джон Гонт действительно вернул иностранцам их привилегии, однако это решение, носившее характер ситуационной уступки «новому» патрициату, могло быть продиктовано как участием мэра Лондона бакалейщика Джона Филпота (ум. 1384) в аресте сподвижника герцога Ланкастерского сэра Ральфа Феррерса, обвинявшегося в измене, так и позицией более крупных потребителей иностранных товаров из числа феодальной знати.

Список литературы

1. Фиц-Стефен У. Описание благороднейшего города Лондона / пер. и коммент. Н. А. Богодаровой // Городская жизнь в средневековой Европе / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : [Б. и.], 1987. С. 147–156.
2. The Libelle of Englyshe Polycue. Маленькая книжечка об английской политике / пер. со среднеангл., ст. и примеч. В. И. Золотова. Брянск : Курсив, 2012. 88 с.
3. Золотов В. И. Английское общество после Столетней войны // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. / гл. ред. А. В. Чудинов. М. : Издательство ЛКИ, 2008. С. 47–58.
4. Золотов В. И. Переходный период позднесредневековой Англии в общественной мысли страны XV века // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 2. С. 49–52.
5. Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века / отв. ред. Е. В. Гутнова. М. : Наука, 1979. 221 с.
6. Lipson E. The Economic History of England : in 3 vols. Vol. I. The Middle Ages. 7th ed., revised and enlarged. London : Adam and Charles Black, 1937. 674 p.
7. Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века / отв. ред. А. Д. Люблинская. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1957. 159 с.
8. Кёнингэм У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века / пер. Н. В. Теплова. М. : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1904. 591 с.
9. The Cambridge Urban History of Britain : in 3 vols. / gen. ed. P. Clark. Vol. I. 600–1540. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 787 p.
10. Репина Л. П. Население городов: городская иммиграция и этнические группы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. С. 198–207.
11. Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People, 1200–1500. Oxford : Oxford University Press, 2004. 472 p.
12. Гиббинс Г. Промышленная история Англии / пер. А. Каменского. 2-е доп. изд. с примеч. и прилож. СПб. : Склад изданий О. Н. Поповой, 1898. 238 с.
13. Чернова Л. Н. Лондон и города континентальной Европы в первый период Столетней войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-327-337>, EDN: YBLJEM
14. Дживелегов А. К. Торговля на Западе в средние века. СПб. : Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1904. 223 с.
15. Childs W. R. Anglo-Castilian trade in the later Middle Ages. Manchester : Manchester University Press, 1978. 264 p.
16. Сергеева Л. П. Ганзейская торговля и политика Англии в XIV веке // Средневековый город: межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. Вып. 7. Экономическое развитие и социальная борьба в городах Англии, Франции, Италии, Германии XII–XVII веков. С. 51–63.
17. Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / пер. Н. Муравьева ; под ред. Д. Петрушевского. М. : Типография А. Г. Кольчугина, 1897. 814 с.
18. Медведева Т. А. Иностранные ремесленники в английских городах XV в. // Англия XV–XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма : межвуз. сб. / отв. ред. Е. В. Кузнецов.

- Горький : Издание Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 1981. С. 65–68.
19. Праздников А. Г. Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров : Издательство ВятГУ, 2007. 204 с.
 20. Евсеев В. А. «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
 21. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book C. Circa A. D. 1291–1309. London : John Edward Francis, 1901. 290 p.
 22. Купеческие хартии в Англии начала XIV в. и их предыстория / пер. и вступ. ст. Ю. В. Баранова // Средние века. М. : Наука, 1992. Вып. 55. С. 234–247.
 23. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book D. Circa A. D. 1309–1314. London : John Edward Francis, 1902. 367 p.
 24. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book E. Circa A. D. 1314–1337. London : John Edward Francis, 1903. 369 p.
 25. The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / intr. and notes by an antiquary. London : Whiting & Co., Limited, 1884. 338 p.
 26. Memorials of London and London Life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political from the Early Archives of the City of London, A. D. 1276–1419 / sel., transl., and ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 706 p.
 27. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book F. Circa A. D. 1337–1352. London : John Edward Francis, 1904. 384 p.
 28. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book G. Circa A. D. 1352–1374. London : John Edward Francis, 1905. 392 p.
 29. Яблонская О. В. Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 50–57.
 30. Хилтон Р., Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. / пер. с англ. Ф. А. Коган-Бернштейн ; под ред. и с предисл. Е. А. Косминского. М. : Издательство иностранной литературы, 1952. 194 с.
 31. Calendar of Letter-Books preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. Letter-Book H. Circa A. D. 1375–1399. London : John Edward Francis, 1907. 527 p.
 32. Яблонская О. В. Конфликты и компромиссы политической элиты Лондона в 1370–1380-х годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 2. С. 4–15.
 33. Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London, A. D. 1350–1370, Enrolled and Preserved Among the Archives of the Corporation at the Guildhall / ed. by R. R. Sharpe. London : John C. Francis, 1885. 223 p.
 34. Warner K. London, A Fourteenth-Century City and Its People. [S. l.] : Pen & Sword Books Ltd, 2022. 209 p.
 35. Документы по истории Лондона XIV – начала XV вв. // Средневековый город. Приложение к ежегоднику «Средние века» / пер. и примеч. А. Н. Леонова ; сост. Е. Е. Бергер ; общ. ред. А. А. Сванидзе. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2005. Вып. 1. С. 211–230.
 36. A Chronicle of London, from 1089 to 1483; written in the fifteenth century, and for the first time printed from MSS. in the British Museum: to which are added Numerous Contemporary Illustrations, consisting of royal letters, poems, and other articles descriptive of public events, or of the manners and customs of the metropolis. London : Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 274 p.
 37. Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе: Лондон XIV – начала XVI века / под ред. С. М. Стама. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. 230 с.
 38. Calendar of Coroners Rolls of the City of London. A. D. 1300–1378 / ed. by R. R. Sharpe. London : Richard Clay and Sons, Limited, 1913. 324 p.

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

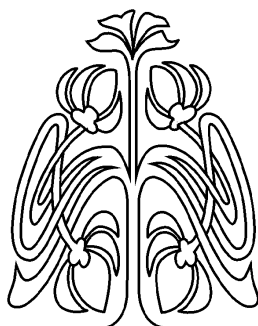
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 218–227

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 218–227

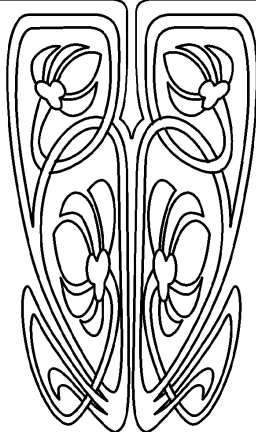
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-218-227>, EDN: MRFNOK

Научная статья

УДК 327(467.2+494.9+449.49+454.4)|19|

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Основные характеристики внешней политики карликовых государств Европы в XX веке

М. Б. Алимова-Нефёдова

¹Министерство иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119200, г. Москва, пл. Смоленская-Сенная, д. 32/34

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Алимова-Нефёдова Мария Борисовна, ¹дипломатический работник, третий секретарь, руководитель группы протокола Посольства России в Азербайджане; ²соискатель кафедры международных отношений и внешней политики России, nefedova-mary2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2150-2195>, AuthorID: 998846

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных характеристик внешней политики четырёх сохранивших себя к началу XX века в качестве самостоятельных политико-территориальных образований европейских карликовых государств: Княжества Андорры, Княжества Лихтенштейн, Княжества Монако и Светлейшей Республики Сан-Марино. Показано, что эти характеристики, в силу одинаковых основных признаков этих государств и единых исторических условий их существования, в целом не только совпадают между собой, но и на протяжении исследуемого периода имеют общую динамику своих изменений. Сделан вывод о том, что, хотя основные характеристики внешней политики карликовых государств Европы и малых стран частично совпадают, внешнеполитические концепции, инструменты внешней политики, и прежде всего – внешнеполитические стратегии указанных карликовых государств обладают своей собственной спецификой.

Ключевые слова: карликовые государства, внешняя политика, основные характеристики внешней политики, внешнеполитические стратегии, внешнеполитические концепции, инструменты внешней политики

Для цитирования: Алимова-Нефёдова М. Б. Основные характеристики внешней политики карликовых государств Европы в XX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 218–227. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-218-227>, EDN: MRFNOK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main foreign policy characteristics of European dwarf states in the 20th century

M. B. Alimova-Nefedova

¹Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq., Moscow 119200, Russia

²Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russia

Mariia B. Alimova-Nefedova, nefedova-mary2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2150-2195>, AuthorID: 998846

Abstract. This article explores the key features of the foreign policy of four European dwarf states that managed to retain their status as independent political and territorial entities by the start of the 20th century: the Principality of Andorra, the Principality of Liechtenstein, the Principality of Monaco, and the Most Serene Republic of San Marino. The study highlights how, due to their similarities in size and historical circumstances, these states' foreign policies not only share common traits, but have also evolved in similar ways over time. The article concludes that while there are some parallels between the foreign policies of these dwarf states and other small countries, their strategies, concepts, and instruments are distinct and tailored to their specific contexts.

Keywords: dwarf states, foreign policy, key foreign policy characteristics, foreign policy strategies, foreign policy concepts, foreign policy instruments

For citation: Alimova-Nefedova M. B. Main foreign policy characteristics of European dwarf states in the 20th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 218–227 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-218-227>, EDN: MRFNOK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Прежде всего, необходимо разобраться с терминологией. Начнём с того, что единого названия, обозначающего самый маленький тип европейских государств, ни в науке, ни в дипломатической практике до настоящего времени не сложилось. Кроме термина «карликовое государство» для их обозначения используются и такие формулировки, как минигосударства, микросоударства, самые маленькие государства, реликтовые государства, государства-лилипуты и др. Следовательно, в силу существующего релятивизма, любое из таких определений может вызвать возражения. Поэтому сразу оговоримся, что мы всецело поддерживаем точку зрения тех авторов, которые применяют в соответствующих случаях термин «карликовое государство» [1; 2, р. 8; 3, р. 74–81], тем более что в отечественной литературе он уже настолько прочно вошёл в научный и политический лексикон [4; 5; 6; 7], что на сегодняшний день его использование в научных целях предполагается свободным от каких-либо негативных коннотаций.

Нет единства мнений и в вопросе о том, какие именно небольшие европейские страны следует относить к карликовым государствам [8; 9, р. 74–75; 10, р. 67–80]. По нашему мнению, к ним целесообразно причислить те политико-территориальные образования этого региона, которые отвечают всем основным признакам государств как таковых [11, с. 343–347] и которые по размерам своей территории и численности населения уступают малым государствам. Причём здесь мы присоединяемся к тем известным и авторитетным авторам, которые рассматривают в качестве верхнего предела этих показателей размеры территории и количество населения Великого Герцогства Люксембург (соответственно 2 586 км² и (на 2023 г.) 668 606 человек) [12, р. 244; 13, р. 569; 14]. Конечно же, эти конкретные цифры достаточно условны и не имеют к себе жёсткой привязки вплоть до квадратного километра по площади или до каждого человека по количеству населения (тем более что численность населения постоянно меняется), но они уже способны послужить основой для достаточно конкретизированных ориентиров определения

карликовых государств: у них менее 2,5 тысячи квадратных километров территории и не более 600 тысяч населения.

В Европе ещё в XVII–XIX вв., в силу существования феодальной раздробленности, количество таких государств исчислялось сотнями [15, р. 127], однако на начало XX в. их оставалось всего четыре: Княжество Андорра, Княжество Лихтенштейн, Княжество Монако и Светлейшая Республика Сан-Марино¹.

Наконец, в научной и образовательной литературе также содержатся различные определения понятия «внешняя политика». Но, несмотря на существование в них неизбежных для теоретических исследований отличий, в целом, в большинстве случаев она определяется как совокупность действий государства и его институтов за пределами своей суверенной территории, осуществляемая в целях реализации национальных интересов [16, с. 142; 17, р. 543]. Среди характеристик внешнеполитической деятельности государств различают, во-первых, формализованные (или неформализованные) внешнеполитические концепции, в рамках которых речь идёт о концентрированном определении основополагающих принципов, целей, задач и приоритетных направлений их внешней политики [18; 19, с. 7; 20; 21], во-вторых, стратегии, используемые для достижения целей и задач внешнеполитических концепций [22, с. 223–224, 233–237; 23, с. 410–413; 24; 25, р. 124–128], в-третьих, инструменты внешней политики, под которыми следует понимать методы и средства, с помощью которых государства реализуют свои стратегии [26, с. 154–155; 27; 28].

Внешннеполитические концепции, стратегии и инструменты карликовых государств Европы

Безусловно, каждое из карликовых государств Европы (как и любая страна) индивидуальное, но в силу своих основных признаков (ограниченности территории и небольшой численности населения) они обладают схожими достоинствами и недостатками. К первым допустимо отнести их быструю приспособляемость к изменениям в мировой экономике и региональных интеграционных процессах [29], отсутствие

необходимости в разветвлённом бюрократическом аппарате и др. Ко вторым – отсутствие реальной военной силы, узость внутреннего рынка, нехватку человеческих, природных и финансовых ресурсов, дефицит квалифицированных (в том числе управленческих) кадров, наличие, как правило, невысокого качества политических элит. К числу общих недостатков этих государств следует добавить и значительную ограниченность свободы действий во внешнеполитической сфере [30, с. 18], сосредоточение основных приоритетов внешней политики (в отличие от великих держав) не в сфере международной безопасности, а в области решения внешнеэкономических проблем [31, р. 29], преимущественно региональную направленность внешнеполитической (и как её части – внешнеэкономической) деятельности [32, р. 54], проблемы со сбором и обработкой большого объёма информации [33, р. 42], предпочтительность в международной обстановке (в мире и регионе) стабильного баланса сил [32, р. 58] и т. д. Все это не могло не сказаться на формировании у европейских карликовых государств на всём протяжении исследуемого периода многих совпадающих характеристик их внешнеполитической деятельности.

Что касается закрепления национальных внешнеполитических концепций в виде отдельных специальных документов (аналогичных, скажем, Концепции внешней политики России), в которых были бы в концентрированном виде представлены система взглядов этих государств на национальные интересы во внешнеполитической сфере, соответствующие базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики и т. п., то у карликовых государств Европы их никогда формально не существовало. Тем не менее полагаем, что, исходя из фактических обстоятельств, допустимо выделить следующие общие для них основные задачи и цели национальной внешнеполитической деятельности, в той или иной мере появлявшиеся перед ними на различных этапах исследуемого периода: решение вопроса обеспечения безопасности от внешних угроз и сохранение себя в качестве самостоятельных политико-территориальных образований; максимальное сокращение с помощью международных договорённостей своих государственных расходов; налаживание отношений добрососедства с сопредельными государствами (прежде всего с государствами-покровителями). Начиная с принятия в начале 90-х гг. прошлого века этих стран в ООН и многочисленные международные межправительственные организации, одной из их внешнеполитических концепций становится формирование справедливого и устойчивого мироустройства.

Инструменты внешней политики государств допустимо (хотя и достаточно условно) подразделить на негативные (рестрикции, эмбарго,

блокада) и позитивные (различные стимулы в виде предоставления льготных кредитов, оказания безвозмездной финансовой помощи и т. п.), однако главным универсальным таким инструментом, позволяющим любому государству встроиться в систему международных отношений, является дипломатия [34; 35 р. 1–8]. Между дипломатией и другими мирными инструментами внешней политики существует принципиальное отличие: дипломатия есть постоянно действующий институт.

Само понятие дипломатии многогранно. Здесь достаточно указать на то, что сегодня только в рамках её форм допустимо говорить о публичной дипломатии, культурной дипломатии, персональной дипломатии политических лидеров, челночной дипломатии, многосторонней и конференционной дипломатии и др. Пониманию понимается и содержание этого термина. Отсюда в современной доктрине существуют и многочисленные определения дипломатии, каждое из которых не может являться общепризнанным [36, с. 419–420]. В любом случае она представляет собой совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов, применяемых государствами с учётом конкретных условий и характера решаемых задач.

Применительно же к карликовым государствам, в силу отсутствия у них собственной серьёзной военной и экономической мощи, больше подходит понятие дипломатии в её традиционном понимании, т. е. как «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата» [37, с. 1]. При этом нельзя отрицать того, что длительный период в их истории этот инструмент (вплоть до 60-х гг. XX в.) по сфере своего распространения мало выходил за рамки отношений с государствами-покровителями (см. ниже) как в силу самоограничения в международных отношениях (Андорра, Лихтенштейн и Сан-Марино), доходящего до передачи государствам-покровителям полномочий своего внешнеполитического представительства, так и в результате существовавшего внешнего фактора в виде снисходительно-пренебрежительного отношения к ним со стороны других государств (примером которого может служить отказ от удовлетворения заявок карликовых государств Европы на вступление в Лигу Наций). В то же время особенностью их современной дипломатической практики, особенно ярко начавшей проявляться с середины 90-х гг. прошлого века, выступает активное стремление повышать свою значимость за счёт коллективного участия в деятельности международных организаций и форумов, широкое использование средств публичной дипломатии, всемерная поддержка выдвигаемых инициатив по созданию эффективных систем коллективной безопасности и др.

[38; 39; 40]. Кроме того, в целях формирования собственного позитивного международного имиджа добросовестных и полноправных участников международных отношений они стали активно содействовать продвижению многих, в том числе глобальных, международных инициатив, стремиться к неуклонному соблюдению фундаментальных норм и принципов международного права, а также приняты на себя международных обязательств [41; 42].

Особое место среди характеристик внешней политики европейских карликовых государств занимают внешнеполитические стратегии. Конечно, на выбор тех или иных стратегий и инструментов может оказывать влияние огромное количество факторов: географические и геополитические условия, внутренние реалии, уровень экономического развития и др., но следует согласиться и с тем, что, как бы то ни было, объективно существующие обстоятельства мировой действительности всё равно в той или иной мере ориентируют карликовые государства «на политику, характеристиками которой являются прагматизм, гибкость, лавирование, уход от обременительных внешних обязательств, стремление привлечь помощь более богатых стран» [23, с. 413].

Некоторые внешнеполитические стратегии этих государств особой оригинальностью не отличаются, поскольку являются характерными не только для них, но и для других типов государств (малых и даже некоторых средних), поэтому мы назовём их *общими*. Так, на примере обеспечения подобными государствами собственной безопасности от внешних угроз обычно выделяют два вида таких общих стратегий: политику балансирования между более крупными державами² и политику примыкания к курсу доминирующей державы [43; 44, с. 89; 25, с. 124–128]. В то же время следует признать, что именно карликовые государства особенно часто сочетают эти стратегии, тем более что в их комбинировании «как раз и скрывается секрет сохранения их независимости на протяжении столь длительного времени» [45, с. 36].

Помимо вышеупомянутых общих стратегий, государства довольно часто используют в указанных целях политику нейтралитета [45, с. 34], а в отдельных случаях применяют внешнеполитическую стратегию, получившую в научной литературе название стратегического хеджирования (*hedging strategies*), которое определяется как «поведение страны, стремящейся нивелировать риски путём выбора многосторонней политики с намерением добиться взаимных ответных эффектов» [46, р. 24]. Эта стратегия направлена на то, чтобы избежать какой-либо одной конкретной политики – балансирования, сдерживания или нейтралитета – и снизить потенциальный риск в отношении держав регионального уровня, не поддерживая их и не вступая в конфронтацию ни с одной из них [47, р. 11].

Но карликовые европейские государства применяют и иные внешнеполитические стратегии, которые обычно оказываются недоступными или неприемлемыми для малых, а тем более средних или крупных держав мира, которые мы назовём их специальными стратегиями.

Специальные внешнеполитические стратегии карликовых государств Европы

Одной из особенностей европейских карликовых государств является длительное существование у них «особых отношений» с одной (или даже двумя) более сильной в военном и экономическом плане державой, которой они передают (вместе с затратами) часть своих государственных функций. Такие отношения существуют между Лихтенштейном и Швейцарией, Монако и Францией, Сан-Марино и Италией, а Андорра долгий период своей истории представляла собой неформальный кондоминиум – с 1278 г. и до принятия Андоррой своей Конституции в 1993 г. ею фактически управляли (как соправители) сразу два государства – Франция и Испания. В 1993 г. они официально признали независимость Андорры, но её «особые отношения» с ними сохранились.

Соглашения об установлении карликовыми государствами Европы «особых отношений» предусматривают передачу ими части своих суверенных прав государствам-покровителям, и поэтому вплоть до начала 90-х гг. прошлого века они рассматривались как протектораты. Однако, в отличие от колониальных договоров об установлении протектората, эти соглашения были заключены с государствами общей цивилизационной платформы, одной религии (а зачастую и общего языка), населённых людьми, с которыми они веками жили рядом, а временами даже в рамках одного государства. Само заключение таких соглашений происходило не под влиянием силового давления или военных угроз со стороны государств-покровителей, а инициировалось самими карликовыми государствами, ищущими в таких соглашениях собственную выгоду. Мало того, сами защита и помощь предлагались государствами-покровителями либо фактически безвозмездно, либо в обмен на довольно мягкие условия, которые зачастую (прежде всего в финансовом плане) были даже более выгодны покровительствуемому, чем самому покровителю. Немаловажен и тот факт, что эти соглашения в любое время могли быть расторгнуты по инициативе любой из сторон³.

И ещё одна ключевая для понимания специальных стратегий карликовых государств Европы деталь: в начале XX в. экономику этих государств характеризовало крайне тяжёлое финансовое положение, сопровождавшееся низким уровнем жизни населения (вплоть до необходимости решения вопросов их выживания)

и непрерывным ростом государственных долгов⁴. Поэтому государственные расходы сокращались, где только было возможно, и все специальные стратегии этих государств были направлены именно на это. В то же время, после того как с середины 60-х гг. XX в. экономическая ситуация в этих странах стала принципиально меняться, указанные стратегии (в силу привычки, экономии или здравого смысла) тем не менее продолжили своё существование.

Разновидности специальных внешнеполитических стратегий европейских карликовых государств

Так называемый международный аутсорсинг⁵

Все рассматриваемые нами карликовые государства, заключая международные соглашения со своими «покровителями», передают по ним часть собственных государственных функций, осуществление которых требует от них немалых расходов. Чтобы всесторонне прояснить эту стратегию, приведём несколько примеров.

Так, для карликовых государств крайне обременительными являются расходы на оборону, тем более что они хорошо осознают бессмысленность содержания своих крохотных армий, которые в любом случае не смогут противостоять армиям своих соседей. Поэтому, например, Лихтенштейн просто отказался от армии как таковой, нет армии и у Андорры. У Сан-Марино и Монако есть крайне немногочисленные армии, которые в основном предназначены для участия в протокольных мероприятиях и на серьёзные военные действия не способны. Поэтому, чтобы обезопасить себя от каких-либо внешних угроз и при этом сэкономить на бюджетных расходах, карликовые государства этого региона⁶ пошли по пути прямой передачи (по официальным международным соглашениям) исполнения функций собственной обороны тем государствам, с которыми у них установились эти самые «особые отношения». Так, Княжество Монако (ещё в 1918 г.) заключило Договор о дружбе и защите с Францией [48], взявшей на себя обязательство гарантировать его независимость, суверенитет и территориальную целостность. Андорра передала осуществление функции своей безопасности Испании и Франции, что в очередной раз было закреплено трёхсторонним Соглашением о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 1993 г. [49], а Республика Сан-Марино – Италии по Договору о дружбе и добрососедстве от 30 сентября 1939 г. [50].

Передача этой функции другому государству имеет и ещё один важный нюанс для характеристики внешней политики таких государств: то, что является приоритетным для абсолютно большинства других стран, – обеспечение собственной безопасности от внешнего нападения – уходит для карликовых государств Европы

на второй план. Мало того, они доверяют эту важнейшую собственную функцию именно тем странам, которые в первую очередь и могли на них покуситься, и ведь не ошиблись: ни одно из указанных государств-покровителей так и не пожелало предстать перед остальным миром в качестве вероломного монстра⁷.

Или возьмём, к примеру, заключение европейскими карликовыми государствами со своими «покровителями» таможенных союзов. Нет, в самом факте их заключения не было и нет ничего особенного: такие союзы появились ещё в XVII в. [51, р. 42], в середине XIX в. они уже получают довольно широкое применение, а в XX в. вообще стали распространённым явлением. Но таможенные союзы, заключённые европейскими карликовыми государствами, имели ряд характерных отличительных особенностей (сохранившихся до настоящего времени). Рассмотрим их на примере Договора от 29 марта 1923 г. между Швейцарией и Лихтенштейном о присоединении Княжества Лихтенштейн к таможенной территории Швейцарии [52].

В ст. 4 этого Договора говорится, что для урегулирования соответствующих таможенных отношений «в Княжестве Лихтенштейн применяется так же, как и в Швейцарии... таможенное законодательство Швейцарии». Иными словами, Лихтенштейн передал контрагенту по договору свои права по регулированию таможенных отношений на своей территории вместе со всеми затратами на соответствующую нормотворческую деятельность. Но этим дело не ограничилось. На основании Договора «таможенная охрана границы между Лихтенштейном и Австрией находится в ведении швейцарской таможенной администрации» (ст. 11), и при этом «таможенные должностные лица и служащие в Княжестве Лихтенштейн назначаются, получают оплату за свой труд и увольняются швейцарскими властями», но они и «подчиняются исключительно швейцарским властям во всех официальных вопросах» (ст. 19). Иными словами, Лихтенштейн передал Швейцарии (вместе с соответствующими затратами) свои государственные функции по охране собственных границ с Австрией и осуществлению в этих границах таможенных правил (в том числе таможенного досмотра), но при этом он сохранил свои права на получение дохода от таможенных платежей в виде соответствующей материальной компенсации, причём без каких-либо вычетов на содержание швейцарского контингента. И среди европейских карликовых государств это – распространённая практика.

Приведём ещё один пример. Одной из малоизвестных форм экономии карликовыми государствами Европы своих бюджетных расходов является передача ими по международному договору другому государству (обычно своему нынешнему или бывшему государству-покровителю) практически всех лиц, включая собственных

граждан, осуждённых их судами к лишению свободы на более-менее длительные сроки (обычно – более 1 года) для отбывания ими наказания в пенитенциарной системе государства-контрагента. Изучим этот вопрос на примере Договора на размещение заключённых, подписанный Княжеством Лихтенштейн и Австрийской Республикой 4 июня 1982 г. [53].

Начнём с того, что по этому Договору передаются любые осуждённые в Лихтенштейне лица, которыми могут быть не только граждане Австрии и каких-либо третьих государств, но и (как уже отмечалось) подданные самого Лихтенштейна. Причём последнее обстоятельство не рассматривается в качестве нарушения принципа «собственные граждане не выдаются», поскольку передача таких лиц по своим целям не является экстрадицией. Австрия не только содержит переданных ей по этому Договору лиц в рамках своей пенитенциарной системы, но и получает за это деньги, покрывающие её расходы (ст. 10). Подлежащие уплате за это конкретные суммы в Договоре не указываются, но в нём говорится, что они «каждый раз определяются компетентными органами по взаимному согласию».

Вместе с тем указанный Договор не предусматривает каких-либо зеркальных положений, т. е. передачу в Лихтенштейн для отбывания наказания лиц, осуждённых к лишению свободы в Австрии, или арестованных этим государством. Не предусматривает он и выраженного в какой бы то ни было форме согласия на такую передачу самого осуждённого. У него нет и права выбора страны, где он мог бы отбывать установленный срок⁸.

Правда, такая передача может осуществляться не всегда. В соответствии со ст. 2 и 3 Договора Австрия не предоставляет соответствующие услуги в тех случаях, когда это нарушило бы её «общественный порядок или иные существенные интересы», вступило бы в противоречие с «другими международно-правовыми обязательствами Австрийской Республики», когда истёк срок давности судебного преследования, а также когда деяния осуждённых «являются политическими в соответствии с австрийским законодательством» или «заключаются исключительно в нарушении налоговых, монопольных или таможенных правил, правил обращения с товарами или внешней торговли» и в некоторых других схожих ситуациях.

Поясним, при чём здесь сокращение расходов государственного бюджета. Дело в том, что в силу небольшого (для государства) населения количество заключённых неизбежно оказывается малочисленным и, как следствие, расходы на строительство и содержание мест лишения свободы – неадекватно высокими, ведь туда включены затраты на соблюдение режимных

требований (исполнение функций охраны, конвоирования, перевозки специальным автотранспортом и т. д.), обеспечение заключённых одеждой, питанием, медицинскими услугами, коммунальными условиями, оплату услуг прачечной и др. Сюда же входит стоимость строительства тюремных помещений и их амортизации. Полученный совокупный результат затрат делится на число заключённых, и если таковых мало, то и суммы на содержание каждого из них оказываются внушительными⁹.

Как бы то ни было, ситуация с передачей заключённых для отбывания наказания, связанного с лишением свободы, в другие государства сложилась среди карликовых государств Европы исторически, и в том или ином виде существует уже более столетия.

С другой стороны, практика заключения таких договоров служит одним из оснований общего разграничения карликовых и малых государств Европы, поскольку международные договоры малых и тем более средних европейских государств не предусматривают делегирования ими другому государству таких своих функций, как оборона страны (за одним исключением¹⁰), внешнеполитическое представительство, охрана государственных границ, а также передача осуждённых своими судами лиц, включая собственных граждан и граждан третьих стран, для отбывания тюремного наказания в государстве-контрагенте и т. п.

Использование результатов нормотворческой деятельности государства-покровителя

Эта стратегия находит своё внешнее выражение не только в рецепции (т. е. в прямом заимствовании) формулировок чужого законодательства, не только в предоставлении государству-покровителю права в одностороннем порядке регулировать на своей территории те или иные общественные отношения (как в нашем примере с таможенными правилами на территории Лихтенштейна), но и в непосредственном использовании в одностороннем порядке правовых актов государств-покровителей в рамках собственной правовой системы. Как правило, речь идёт о судопроизводстве, страховании, телекоммуникации, оказании услуг связи и др. [54].

Привлечение в качестве собственных государственных должностных лиц граждан государства-покровителя.

В то время как многие государства (в том числе Россия) вообще запрещают иностранцам находиться на государственной или муниципальной службе, карликовые государства отошли от этого правила, в одних случаях непосредственно руководствуясь договором с государством-покровителем (например, работа французских

судей в Монако основана на двустороннем соглашении между Францией и Монако о правовой помощи от 21 сентября 1949 г.) [55], в других – по собственной инициативе. Законодательство Сан-Марино требует, чтобы судьи судов низшей инстанции страны были именно негражданами, и в этом качестве на контрактной основе привлекают граждан Италии [56].

Некоторые общие внешнеполитические стратегии карликовых государств Европы действуют не на всём протяжении XX в. Так, с середины 1960-х гг. у всех таких государств в качестве новой внешнеполитической стратегии появляется *оказание офшорных услуг иностранным хозяйствующим субъектам*.

Следует признать, что эта стратегия коренным образом изменила экономическое положение рассматриваемых стран и резко подняла уровень жизни их населения. В них стали создавать современную промышленность, проводить строительство многочисленных общественных зданий, дворцов, прокладывать коммуникации, улучшать социальную защищённость граждан и т. д. При этом взыскиваемые с населения налоги снизились до минимума, хроническая безработица фактически перестала существовать, а государственный бюджет неизменно был профицитным. В условиях решения внутренних экономических проблем эти государства начинают уделять повышенное внимание внешнеполитической деятельности. Именно с учётом изменений в их экономическом положении и при поддержке со стороны карликовых и малых стран иных регионов, возникших на месте бывших колоний, карликовые государства Европы становятся полноправными членами ООН, а также ряда других международных межправительственных организаций¹¹.

Финансовая независимость и отсутствие внешних угроз привели к тому, что география международных контактов европейских карликовых государств начинает всё больше меняться, их интересы начинают выходить за пределы ближайшего географического района. Вследствие этого, в рамках неформализованных национальных внешнеполитических концепций европейских карликовых государств появились в качестве их самостоятельных составляющих «формирование справедливого и устойчивого мироустройства» и «создание благоприятных внешних условий для своего развития», а ещё одной из их *внешнеполитических стратегий* постепенно становится так называемая «*секторальная специализация*» этих государств, осуществляемая в виде дополнительного акцента на тех или иных направлениях своей внутренней и внешней политики. В качестве таких примеров можно привести оказание банковских услуг (Лихтенштейн), туризм (80% ВВП Андорры даёт именно туристическая отрасль), игровой бизнес, спортивные и культурные мероприятия (Монако),

морская логистика (Мальта), филателия и нумизматика (Сан-Марино), выдача европейских «золотых паспортов» (Андорра, Мальта, Сан-Марино), а также продвижение на международном уровне урегулирования вопросов определённой сферы (климатических, исследования Мирового океана, прав человека и др.).

Заключение

В силу своих общих признаков (ограниченности территории, небольшого числа населения, наличия «особых отношений» с одной (у Андорры – двумя) более сильной в военном и экономическом отношении державой), схожих достоинств и недостатков и будучи в одинаковых исторических условиях, европейские карликовые государства в XX столетии с неизбежностью прошли некие единые для них этапы своего развития, в рамках которых нашли своё проявление и схожие характеристики их внешней политики. В исследуемый исторический период таких этапов было два: с начала XX в. и до середины его 60-х гг., а затем с середины 1960-х гг. до конца XX в.

Среди характеристик внешнеполитической деятельности государств принято различать, во-первых, формализованные или неформализованные внешнеполитические концепции, определяющие в концентрированном виде цели, задачи и приоритетные направления их внешней политики, во-вторых – стратегии, используемые для достижения целей и задач внешнеполитических концепций, в-третьих – инструменты внешней политики, под которыми следует понимать методы и средства, с помощью которых государства реализуют свои стратегии.

В рамках неформализованных национальных внешнеполитических концепций европейских карликовых государств, существовавших до 60-х гг. XX в., можно выделить обеспечение безопасности от внешних угроз, максимальное сокращение с помощью международных договорённостей с государствами-покровителями своих государственных расходов и налаживание отношений добрососедства с сопредельными государствами. Основным инструментом их внешней политики в течение исследуемого периода следует рассматривать дипломатию (в её традиционном понимании).

Внешнеполитические стратегии карликовых государств Европы во многом совпадают со стратегиями внешней политики малых государств этого региона (балансирование между более крупными державами, политика примыкания к доминирующей державе, политика нейтралитета и др.), т. е. являются для них общими. Но указанные карликовые государства применяют и иные внешнеполитические стратегии, которые обычно оказываются недоступными или неприемлемыми для малых, а тем более для

средних и крупных держав мира. В исследуемом периоде к таким стратегиям следует отнести передачу по международным договорам своему государству-покровителю таких собственных государственных функций, как оборона страны, охрана государственных границ, осуществление полномочий собственных таможенных органов, отправление своих осуждённых (включая собственных граждан и граждан третьих стран) для отбывания тюремного наказания в государстве-контрагенте, использование результатов нормотворческой деятельности государства-покровителя, привлечение в качестве собственных государственных должностных лиц иностранных граждан (прежде всего – граждан государства-покровителя) и др.

С середины 1960-х гг. и до конца XX в. у всех карликовых государств Европы в качестве новой внешнеполитической стратегии появилось оказание офшорных услуг иностранным хозяйствующим субъектам (которую, впрочем, можно расценивать как общую стратегию с рядом малых и средних государств). Её применение коренным образом изменило экономическое положение рассматриваемых стран, что внесло существенные коррективы в отношении к ним других государств. В результате указанные карликовые государства становятся полноправными членами ООН и ряда международных межправительственных организаций, начинают уделять повышенное внимание внешнеполитической деятельности. Вследствие этого, в рамках их неформализованных внешнеполитических концепций появились в качестве самостоятельных составляющих «формирование справедливого и устойчивого мироустройства» и «создание благоприятных внешних условий для своего развития», а одной из внешнеполитических стратегий постепенно становится их международная «секторальная специализация».

Примечания

- ¹ В 1964 г. из бывшей колонии Великобритании возникло ещё одно карликовое государство Европы – Республика Мальта. В силу ряда причин многие характеристики его внешней политики имеют свои особенности, поэтому, а также в силу ограниченности размеров статьи, они здесь не рассматриваются.
- ² Неслучайно выживание Андорры на протяжении многих веков связано именно с формированием condominiuma в её управлении между Францией и Испанией.
- ³ В качестве соответствующего примера можно привести расторжение Лихтенштейном в 1919 г. подобного соглашения с Австрией и заключение им в 1921 и в 1923 гг. соглашений об установлении «особых отношений» со Швейцарией.
- ⁴ Некоторое исключение составляло разве что Княжество Монако, где на рубеже XIX и XX в. начали активно развивать игорный бизнес (запрещённый в то время

в большинстве развитых государств), который приносил в казну неплохие доходы.

- ⁵ Эта специальная стратегия (как и некоторые другие) используется карликовыми государствами не только Европы. Так, обязанность по защите от внешнего нападения на Федеративные Штаты Микронезии (по договору) возложили на себя США.
- ⁶ Эта специальная стратегия (как и некоторые другие) используется карликовыми государствами не только Европы. Так, обязанность по защите от внешнего нападения на Федеративные Штаты Микронезии (по договору) возложили на себя США.
- ⁷ Любопытно, что этим же государствам карликовые государства Европы часто передают и свои «внешнепредставительские» функции.
- ⁸ Некоторое преимущество есть у лиц, осуждённых к лишению свободы в Андорре: исторически им принадлежит право выбора между тюрьмами Франции и Испании.
- ⁹ Если средняя стоимость содержания одного заключённого в государствах Евросоюза обходится их бюджету в 186,7 евро в день, то, например, в Монако в 2018 г. эти расходы составляли 248,3 евро в день, в Сан-Марино в 2011 г. они вообще равнялись 750 евро в день, а в 2022 г. – (когда остался один арестованный) достигли 2030,99 евро в сутки.
- ¹⁰ Несмотря на то, что Исландия является членом НАТО, по Соглашению между нею и Соединёнными Штатами от 5 мая 1951 г. США обязались защищать её от вторжения извне.
- ¹¹ Под влиянием развернувшейся в мире под руководством Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Глобального форума борьбы с оказанием офшорных услуг зарубежным хозяйствующим субъектам карликовые государства Европы были вынуждены отказаться от этой стратегии, но это произошло уже в XXI в.

Список литературы

1. Arnold B. B. Pseudo-States and Sovereign Citizens // Global Encyclopedia of Territorial Rights. Berlin : Springer, 2023. P. 1–9.
2. Osóbka P. Systemy konstytucyjne Andory, Liechtensteinu, Monako, San Marino, Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2008. 145 p.
3. Sikorska B. Sytuacja prawnomiędzynarodowa europejskich państw karłowatych. Warszawa : Sprawy Międzynarodowe, 1971. 259 p.
4. Воронина А. М. Роль ряда малых юрисдикций в мировом офшорном бизнесе // Финансы и кредит. 2006. № 18. С. 71–80.
5. Саунова К. Д. История зарождения карликовых государств на политической карте мира // Вестник развития науки и образования. 2015. № 1. С. 4–6.
6. Серебряник И., Дружина А. Карликовые государства Океании: проблемы и пути их решения // Theoretical and Applied Science. 2015. № 4. С. 71–73. <https://doi.org/10.15863/TAS.2015.04.24.12>

7. Штокало В. А., Штокало С. В. Развитие сотрудничества с карликовыми государствами: неисчерпаемый потенциал // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11–7. С. 134–137.
8. Crowards T. Defining the category of small states // Journal of International Development. 2002. № 14 (2). P. 143–179.
9. Lukaszewski M. Research on European Microstates in Social Science, Selected Methodological and Definitional Problems // Alta Journal of Interdisciplinary Research. 2011. Vol. 1, № 2. P. 74–77.
10. Simpson A. W. A Theory of Disfunctionality: The European Micro-states as Disfunctional States in the International System (Politics). Delaware : Vernon Press, 2021. 280 p.
11. Нефедова М. Б., Нефедов Б. И. Государства и образования, часто объявляемые государствами. Часть 1. Отличительные признаки государства и особенности карликовых государств // Евразийский юридический журнал. 2018. № 4 (119). С. 342–349.
12. Ipsen K., Epping V., Menzel E. Völkerrecht. Juristische Kurz-Lehrbücher. München : C. H. Beck, 2004. 1314 p.
13. Jakubowski W., Słomka T., Wojcicki J. System polityczne państw Europe niebędących członkami Unii Europejskiej // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. Warszawa : Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2007. P. 567–571.
14. Luxembourg // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/country/luxembourg> (дата обращения: 07.08.2024).
15. Cussans T., Almond M. The Times, Atlas of European History. 3000 Years of History in Maps. New York : Harper Collins Publishers, 1994. 208 p.
16. Политология : учебник / под ред. В. И. Буренко. 2-е изд., М. : КНОРУС, 2013. 392 с.
17. Smith S., Hadfield A., Dunne T. Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. Oxford : Oxford University Press, 2016. 264 p.
18. Кондратов А. И. Эффективность внешнеполитической деятельности государства как объект теоретического анализа // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 4–18.
19. Цыганков П. А. Внешняя политика государства: особенности, процесс и факторы, влияющие на принятие решений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 7–30.
20. Глухарев Л. И. Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов : монография. М. : Изд-во Крафт, 2006. 352 с.
21. Rosenau J. N. Moral Fervor, Systematic Analysis and Scientific Consciousness in Foreign Policy Research // Political Science and Public Policy / ed. by A. Ranney. Chicago : Markham, 1968. P. 197–236.
22. Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, вып. 3. С. 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
23. Богатуров А. Д. Международные отношения и внешняя политика России. М. : Аспект Пресс, 2017. 479 с.
24. Wivel A., Oest K. J. N. Security, profit or shadow of the past? Explaining the security strategies of microstates // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, № 3. P. 429–453.
25. Waltz K. N. Theory of international Politics. Mass. : Addison-Wesley, 1979. 251 p.
26. Лутвишко О. М. Политические механизмы обеспечения национальных интересов современного государства // Фундаментальные исследования. Политические науки, 2015. № 20 (3). С. 417–426.
27. Мухаметов Р. С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // Ars Administrandi, 2010. № 2. С. 40–51.
28. Братерский М. Невоенные рычаги внешней политики России. Региональные и глобальные механизмы. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 282 с.
29. Read R. The implications of increasing globalization and regionalism for the economic growth of small island states // World development. 2004. Vol. 32, № 2. P. 365–378.
30. Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 448 с.
31. Rothstein R. I. Alliances and Small Powers. New York : Columbia University Press, 1968. X, 331 p.
32. Zibrandt von D-L. S. Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ. Zürich : Verlag Rüegger, 1993. 471 p.
33. Handel M. Weak States in the International System. London : Frank Cass, 1981. VIII, 318 p.
34. James A. Diplomacy and International Society // International Relations. 1990. Vol. 6, № 6. P. 936–937.
35. Barston R. P. Modern Diplomacy. Second edition. London ; New York : Longman, 1997. 308 p.
36. Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия : Политология. 2018. Т. 20, № 3. С. 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-417-426>
37. Никольсон Г. Дипломатия / пер. с англ. М. : ОГИЗ, 1941. 153 с.
38. Зонова Т. В. Публичная дипломатия в рамках европейского интеграционного процесса // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров : в 2 ч. / отв. ред. Е. А. Маслова, О. Ю. Потемкина. М. : Ин-т Европы РАН, 2017. Ч. I. С. 21–29.
39. Thorhallsson B., Steinsson S. Small State Foreign Policy. Oxford : Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2017. 242 p.
40. Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 2008. Vol. 616, № 1. P. 10–30.
41. Bodansky D. The United Nations Framework Convention on Climate Change: A Commentary // Yale Journal of International Law. 1993. Vol. 18 (2). P. 478–491.

42. Lakatos I. The Potential Role of Small States and their "Niche Diplomacy" at the UN and in the Field of Human Rights, with Special Attention to Montenegro // *Pécs Journal of International and European Law*. 2017. № 1. P. 58–68.
43. Vaicekauskaitė Z. M. Security Strategies of Small States in a Changing World // *Journal on Baltic Security*. 2017. № 3 (2). P. 7–15.
44. Скриба А. С. Балансирование малых и средних государств // *Международные процессы*. 2014. Т. 12, № 4. С. 88–100.
45. Ковалев А. А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // *Вопросы безопасности*. 2021. № 2. С. 28–40. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2021.2.34906>
46. Lee J. Y. Hedging Strategies of the Middle Powers in East Asian Security: The Cases of South Korea and Malaysia // *East Asia*. 2017. Vol. 34. P. 23–37.
47. Thorhallsson B., Steinsson S. Security Strategies of Small States in a Changing World // *Journal on Baltic Security*. 2017. Vol. 3 (2). P. 7–15.
48. Traité du 17 juillet 1918 fixant les rapports de la Principauté avec la France // Legimonaco. URL: <https://legimonaco.mc/tai/traite/1918/07-17-tai1l000010/> (дата обращения: 29.06.2024).
49. Décret no 95–136 du 3 février 1995 portant publication du traité de bon voisinage, d'amitié et de coopération entre la République française, le Royaume d'Espagne et la Principauté d'Andorre, signé à Paris le 1er juin 1993, à Madrid le 1er juin 1993 et à Andorre le 3 juin 1993 // *Légifrance*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT0000000370180> (дата обращения: 25.06.2024).
50. Convenzione di amicizia e di buon vicinato fra l'Italia e la Repubblica di San Marino, 31 marzo 1939 // World Intellectual Property Organization. URL: https://wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/it/it-sm1/trt_it_sm1.pdf (дата обращения: 25.06.2024).
51. Mahant E. Regional Economic Integration – Bringing Values Back // *Globalization and the Political Economy of Trade Policy*. Toronto : The APF Press, 2000. P. 1–78.
52. Vertrag vom 29. März 1923 zwischen der Schweiz und Liechtenstein über den Anschluss des Fürstentums Liechtenstein an das schweizerische Zollgebiet // *Liechtensteinische Landesverwaltung*. URL: <https://www.gesetze.li/konso/1923024000> (дата обращения: 29.06.2024).
53. Vertrag zwischen dem Fürstentum Liechtenstein und der Republik Österreich über die Unterbringung von Häftlingen // *Liechtensteinische Landesverwaltung*. URL: <https://www.gesetze.li/konso/pdf/1983039000?version=1> (дата обращения: 25.06.2024).
54. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник // *Наyka. Искусство. Величие*. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-systems-of-countries/index.htm?ysc-lid=m0k-sk2jh-2c139523784> (дата обращения: 25.08.2024).
55. Convention du 21 septembre 1949 relative à l'aide mutuelle judiciaire entre la France et la Principauté de Monaco // Legimonaco. URL: <https://legimonaco.mc/tai/convention/1949/09-21-tai1l000230/> (дата обращения: 10.08.2024).
56. San Marino. Country Reports on Human Rights Practices // United States Department of State (archive). URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2001/eur/8334.htm> (дата обращения: 07.08.2024).

Поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 18.09.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.09.2024; approved after reviewing 18.09.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 228–236

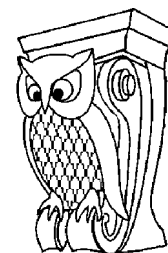
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 228–236

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-228-236>, EDN: QUYPHY

Научная статья

УДК 332.135(4/5)|19/20|

Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции

М. С. Семенова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Семенова Мария Сергеевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, semenovamaria60@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0563-3080>, AuthorID: 1263299

Аннотация. В статье рассматривается эволюция евразийской интеграции, в которой автор предлагает выделить пять этапов. Подчеркивается сложность взаимодействия геополитических и экономических интересов, которые сформировали курс евразийской интеграции за последние три десятилетия, а также значимость Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как платформы для дальнейшей интеграции в рамках Евразии и создания идеи Большого Евразийского партнерства (БЕП) как новой концепции, направленной на формирование широкого интеграционного контура.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, СНГ, ЕАЭС, ЕвразЭС, постсоветское пространство, Большое Евразийское партнерство, региональная интеграция

Для цитирования: Семенова М. С. Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 228–236. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-228-236>, EDN: QUYPHY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Eurasian economic integration: Stages of evolution

M. S. Semenova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria S. Semenova, semenovamaria60@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0563-3080>, AuthorID: 1263299

Abstract. The article examines the evolution of Eurasian integration. The author proposes a five-stage periodization of Eurasian integration. It emphasizes the complexity of the interaction between geopolitical and economic interests that have shaped the course of Eurasian integration over the past three decades, as well as the significance of the EAEU as a platform for further integration within Eurasia and the creation of the idea of the Greater Eurasian Partnership (BEP) as a new concept aimed at forming a broad integration framework.

Keywords: Eurasian integration, CIS, EAEU, EurAsEC, post-Soviet space, Greater Eurasian Partnership, regional integration

For citation: Semenova M. S. Eurasian economic integration: Stages of evolution. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 228–236 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-228-236>, EDN: QUYPHY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопросы сохранения в том или ином виде связей между новыми государствами, образовавшимися вследствие распада СССР, возникли практически в момент юридического размежевания союзных республик. Сразу же после прекращения существования СССР лидерами России, Белоруссии и Украины было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), призванное смягчить последствия разрушения единого союзного государства путем формирования новых механизмов взаимодействия его государств-членов. И этом смысле правомерно говорить о нача-

ле интеграционных процессов на постсоветском пространстве¹ уже в 1991 г.

В научном сообществе существует множество подходов к разделению этапов развития Евразийской интеграции с 1991 г., что связано с отсутствием согласованного видения этого процесса как среди политиков, так и среди ученых. В литературе часто выделяют этапы, такие как СНГ, ЕвразЭС, Таможенный союз, ЕЭП и ЕАЭС, которые стали признанными и широко используемыми в изучении Евразийской интеграции.

Однако некоторые исследователи не относят СНГ к интеграционным объединениям, предпочитая начинать периодизацию с создания Зоны свободной торговли (ЗСТ) в 1994 г. [1, с. 74]. Они утверждают, что СНГ изначально не планировалось как интеграционная структура, а формировалось преимущественно для обсуждения геополитических вопросов на постсоветском пространстве, не акцентируя внимания на экономическом сотрудничестве. Лишь после заключения соглашения о зоне свободной торговли СНГ начало приобретать черты интеграционного объединения. Существует также академический аргумент, что попытка создания Таможенного союза в 1995 г., хотя и неудачная, все же должна считаться отдельным этапом в продвижении идеи евразийской интеграции [2, с. 15].

Напротив, существует противоположная академическая точка зрения, которая рассматривает СНГ как основу для зарождения экономической интеграции. Сторонники этой точки зрения утверждают, что первые межправительственные соглашения с преференциальными условиями были подписаны именно в рамках СНГ, заложив основу для дальнейшего экономического сотрудничества. Середина 1990-х гг. в этом контексте рассматривается как начало субрегиональных интеграционных тенденций [3, с. 114].

Некоторые исследователи выделяют отдельные этапы, связанные с подписанием соглашения о формировании единой таможенной территории и созданием Таможенного союза, а также с одновременным учреждением Суда ЕврАзЭС и Единого экономического пространства. [4, с. 125].

Наконец, введение в действие Кодекса Таможенного союза в 2010 г. рассматривается некоторыми исследователями как поворотный момент в правовой эволюции евразийской интеграции, что стало важной вехой в процессе интеграции на постсоветском пространстве [2].

Наличие различных взглядов на определение этапов в интеграционных процессах на Евразийском пространстве, побудило автора обосновать в данной статье следующую периодизацию их изучения:

1. Создание Содружества Независимых государств (1991–1994);
2. Период «разноскоростной» интеграции (1994–2000);
3. Основные интеграционные процессы в рамках ЕврАзЭС до создания ЕАЭС (2000–2014);
4. Интеграции в рамках ЕАЭС (2015–2024);
5. Появление масштабных интеграционных идей и начало их реализации (2016–2024).

Выделенные периоды отражают ключевые этапы развития интеграционных процессов на Евразийском пространстве и основаны на объективных политических и экономических событиях, определявших характер взаимодей-

ствия государств. Далее автором подробно рассматривается каждый этап:

1. В СНГ вошли одиннадцать бывших советских республик (кроме Грузии, которая присоединилась к СНГ в декабре 1993 г., и прибалтийских государств). Целью СНГ стало содействие экономической интеграции и развитие других форм взаимодействия от обороны до спорта на постсоветском пространстве [5]. С 1991 по 1994 гг. в период формирования СНГ, страны-участницы столкнулись с резким экономическим спадом, вызванным дезинтеграцией хозяйственных связей, переходом к рыночной экономике и внутривнутриполитической нестабильностью. Совокупный товарооборот между странами СНГ к 1995 г. сократился почти в пять раз по сравнению с 1991 г. [6] В первые годы после распада СССР экономики большинства стран СНГ переживали экономический кризис. Для России, крупнейшей экономики региона, темпы спада ВВП в первые годы независимости были значительными: в 1992 г. ВВП уменьшился на 14,5%, в 1993 г. – на 8,7%, а в 1994 г. – на 12,7% [7]. Аналогичные кризисные тенденции наблюдались и в других странах СНГ [8]. Основной причиной стало разрушение традиционных экономических связей между предприятиями, которые ранее функционировали в рамках единого народно-хозяйственного комплекса. Попытки стабилизации через создание соглашений о Зоне свободной торговли и координацию макроэкономической политики в рамках СНГ лишь частично компенсировали экономический спад.

В контексте сложной экономической ситуации и пока ещё преобладании дезинтеграционных процессов идеи о Таможенном союзе и едином рублевом пространстве в рамках СНГ не получили поддержки. Затем на протяжении 1993 г. главы государств обсуждали идею создания Экономического союза СНГ и подписали декларацию о намерении его учредить [9]. Предполагалась поэтапная интеграция: от Зоны свободной торговли, до Общего рынка и Валютного союза. Так зарождалась интеграция на постсоветском пространстве.

В том же 1993 г., вдохновленные появлением Европейского союза, страны СНГ подписали соглашение о создании Евразийской межгосударственной ассоциации угля и металла. Данная инициатива была ориентирована на продвижение взаимовыгодного и равноправного партнерства в угольной и металлургической отраслях, поддержку рационального и технологически прогрессивного развития производства, а также на обеспечение прибыльной торговли, стабильности занятости и общего роста уровня жизни населения.

Однако несмотря на амбициозные планы, изложенные в соглашении, инициатива не достигла своих целей. Тем не менее стоит отметить,

что уже сама попытка создания подобной организации отражала появление стремления к региональному сотрудничеству и экономическому восстановлению. Эта попытка также подчеркнула сложность гармонизации национальных интересов в рамках радикально фрагментированного еще недавно единого государства.

Практически во всех странах СНГ безоговорочно доминировали национальные интересы, приведшие к существенному ослаблению связей на постсоветском пространстве [10]. Именно в этот сложный период впервые была озвучена идея развития собственно «евразийской интеграции» и создания Евразийского союза Независимых Государств. В марте 1994 г. инициатором его создания выступил президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, но поддержки в тот период от других участников СНГ его идея не получила [11].

Данный этап отражал ранние усилия по созданию рамок для региональной интеграции и сотрудничества, был наполнен как дезинтеграционными процессами, так и интеграционными, в связи с этим его можно охарактеризовать как один из самых сложных периодов в истории Евразийской интеграции. В эти годы бывшие советские республики были в большей степени заняты решением проблем, порожденных распадом союзного государства, нежели созданием новых форм единства. Их усилия в большей степени были направлены на урегулирование споров и потенциальных конфликтов, возникших после распада Советского Союза. Основными трудностями, кроме этого, стал глубокий экономический кризис. Страны СНГ испытывали сложности в согласовании национальных интересов и создании правовых основ для сотрудничества. Идеи о Таможенном союзе и едином рублевом пространстве не получили поддержки из-за нестабильности и доминирования национальных интересов. Попытки интеграции, такие как создание Евразийской межгосударственной ассоциации угля и металла, столкнулись с отсутствием практической реализации. В результате интеграционные инициативы носили скорее декларативный характер. В период 1992–1993 гг. ключевые усилия по взаимодействию осуществлялись в рамках СНГ. Большинство соглашений, подписанных в это время, касались создания правовых основ для сотрудничества новых независимых государств. Партнерство в рамках этой организации было прежде всего направлено на смягчение серьезных последствий распада СССР, сопровождавшегося глубоким экономическим кризисом. Другие инициативы, возникавшие в данный период, не получили поддержки или не могли быть реализованы в силу общей сложности указанного периода для всех участников процесса интеграции.

2. И тем не менее в рамках СНГ продолжалось развитие интеграционных процессов, было

подписано Соглашение о создании Зоны свободной торговли в апреле 1994 г. [12], но процесс реализации затянулся, вскрылись более серьезные проблемы во взаимоотношениях участников СНГ. С этого момента в истории Евразийской интеграции можно выделить другой этап, так называемой «разноскоростной» интеграции с появлением других группировок, в которые входили другие участники СНГ (например, Организация за демократию и экономическое развитие) [13, с. 32]. В свою очередь, страны «интеграционного ядра» или «локомотивы интеграции» – Россия, Казахстан и Беларусь пришли к пониманию, что сформировать эффективно работающее интеграционное объединение со всеми членами СНГ не получится, поэтому начали предпринимать попытки создания более узкого формата взаимодействия. Так, в 1995 г. этими странами был подписан договор о Таможенном союзе (ТС) [12].

В сложившейся трудной экономической ситуации начали наблюдаться положительные тенденции во взаимной торговле. Так, в 1995 г. объем взаимных экспортных операций стран СНГ увеличился на 9,3% по сравнению с 1994 г. и продолжал расти в 1996 г. [6]. Данная тенденция продолжилась, и в среднем по странам СНГ валовый внутренний продукт увеличивался, также наблюдался рост общего объема взаимной торговли стран СНГ к концу 90-х гг. [14].

Однако несмотря на амбициозное начало, полностью на практике соглашение не было реализовано на текущем этапе, поэтому этот эпизод в истории Евразийской интеграции порой называют «фальстарт». Центробежные процессы 1990-х гг. оказались слишком сильными, к тому же интеграционные усилия подверглись воздействию финансового кризиса 1998 г., однако полностью не прекратились. В 1999 г. к Таможенному союзу присоединились Кыргызстан и Таджикистан, и уже пять стран СНГ подписали соглашение о создании Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП) [15]. Эти документы стали основой для создания в 2000 г. другого объединения. Президентом России В. В. Путиным была предложена идея создания организации с более эффективным экономическим уровнем, а президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым выдвинуто предложение сделать данную организацию «Евразийской» [12]. Так было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), что стало новым этапом в развитии Евразийской интеграции.

Ключевым отличием ЕврАзЭС от СНГ был отказ от избирательного участия в соглашениях. В СНГ государства-члены могли выбирать соглашения на основе собственных предпочтений, тогда как в ЕврАзЭС от стран ожидалось единое соблюдение всех соглашений. Этот

сдвиг отражал более структурированный и сплоченный подход к экономической интеграции.

Другим заметным отличием стало введение в ЕврАзЭС взвешенного большинства в голосовании, в отличие от СНГ, полагающегося на принятие решений на основе полного консенсуса. Однако на практике ЕврАзЭС также часто отдавало предпочтение решениям на основе консенсуса, отражавшим политические реалии и чувствительность государств-членов. Несмотря на формальный переход к взвешенному голосованию, этот метод редко применялся, поскольку члены по-прежнему предпочитали поддерживать единство посредством взаимного согласия, а не правила большинства.

Этот подход продемонстрировал намерение ЕврАзЭС двигаться в сторону более глубокой интеграции, стремление к более эффективному и унифицированному процессу принятия решений, при этом признавая важность поддержания духа сотрудничества среди различных государств-членов. Он заложил основу для будущих региональных структур, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), где схожие принципы продолжают формировать динамику интеграционных усилий. Проблематичным на данном этапе стало также то, что процесс реализации Соглашения о создании Зоны свободной торговли затянулся, а между странами-участниками вскрылись серьезные проблемы взаимодействия. На фоне экономических и политических разногласий интеграция пошла по пути «разноскоростного» развития. Страны «интеграционного ядра» (Россия, Казахстан и Беларусь) пришли к выводу, что невозможно создать эффективно работающее объединение со всеми членами СНГ, что подтолкнуло к формированию Таможенного союза в формате тройки. Однако финансовый кризис 1998 г. и центробежные процессы значительно ослабили интеграционные усилия, что привело к их временному торможению.

3. ЕврАзЭС стал предшественником для Евразийского экономического союза. Целью созданного объединения стало развитие взаимодействия в сфере экономики и торговли, формировании единого ТС и интеграции в мировую экономику и международную торговую систему. В 2007 г. был создан ТС России, Казахстана и Белоруссии в рамках развития ТС ЕврАзЭС с общим наднациональным органом – комиссией Таможенного союза.

Одновременно с данными преобразованиями также наблюдались позитивные тенденции в экономике стран-членов ЕврАзЭС. С 2000 г. по 2008 г. наблюдался неуклонный рост ВВП. Для Казахстана и Армении он составил более 100% [15]. Также благодаря разработанному в Сообществе режиму свободной торговли наблюдался рост товарооборота, который за 2000–2004 гг. возрос на 88%. Положительная динамика сохранилась также вплоть до кризиса 2008 г. [16].

Страны начали углублять интеграционное взаимодействие: приняли решение продолжить переговорный процесс по вступлению в ВТО в качестве единого ТС, приняли единый таможенный тариф, Таможенный кодекс и подписали в 2010 г. Декларацию о формировании ЕЭП на пространстве Таможенного союза трех стран [17]. Важно подчеркнуть, что в этом документе уже указывалось: «Развивая Таможенный союз и ЕЭП, ЕврАзЭС идет к новой форме интеграции – Евразийскому экономическому союзу». В 2011 г. на границах было полностью отменено таможенное декларирование, и Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси начал работать в полном объеме. В том же году был принят ряд основополагающих документов, благодаря которым был создан постоянно действующий наднациональный орган, который стал регулировать деятельность ТС и ЕЭП – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) [18]. Начал функционировать Суд ЕврАзЭС, который решал вопросы нарушения правил конкуренции. На этом этапе наблюдался заметный рост экономического прагматизма, обусловленного общими экономическими интересами.

Благодаря созданию ТС и ЕЭП, были получены новые импульсы и возможности для увеличения взаимной торговли товарами. С 2010 г. по 2014 г. объем взаимной торговли товарами государств увеличился с 47,1 до 57,4 млрд долларов США [19]. После кризиса 2008 г. наблюдался спад в динамике ВВП стран, что в целом связано с мировым экономическим и финансовым кризисом 2008–2009 гг., который привел к сокращению экономики на 14,2% [15]. Затем произошло восстановление роста ВВП в странах-членах ЕврАзЭС.

С 2012 до 2015 г. начался этап реализации соглашений по проведению общей согласованной политики стран в различных областях экономики, подготовка, унификация и кодификация необходимых документов и соглашений с целью преобразования ЕврАзЭС в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В этот период были проведены работы по присоединению к Сообществу новых участников – Республики Армения и Кыргызской Республики. Была заложена правовая и функциональная база для развития эффективной экономической интеграции.

Таким образом, после распада СССР на Евразийском пространстве интеграция прошла несколько ступеней: 1. Собственно СНГ; 2. Зона свободной торговли; 3. Евразийское экономическое сообщество; 4. Таможенный союз; 5. Единое экономическое пространство. Новой вехой в развитии Евразийской интеграции стало подписание 29 мая 2014 г. Договора о ЕАЭС [20].

Период с 2000 по 2014 г. стал временем растущих возможностей евразийской интеграции, отмеченным значительными институциональными изменениями. Преобразования в указанные

годы определили траекторию евразийской интеграции, сформировали политический и экономический ландшафт и подготовили почву для более глубокой интеграции в последующие годы. Экономические интересы во многом обусловили прогресс, а лежавшая в основе экономической взаимозависимости укрепила потребность в более прочных институциональных рамках, сделав этот этап периодом значительного экономического выравнивания. Сложность данного этапа заключалась в необходимости создания эффективных механизмов интеграции. ЕврАзЭС отказалось от принципа избирательного участия, что потребовало от стран унификации подходов и соблюдения всех соглашений. Это часто вызывало сопротивление и замедляло процесс. Несмотря на формальное введение взвешенного голосования, на практике решения принимались на основе консенсуса, что ограничивало эффективность работы организации. Тем не менее удалось создать Таможенный союз и Единое экономическое пространство, что заложило основу для формирования Евразийского экономического союза. Главной особенностью этого времени был тонкий баланс между углублением интеграции и сохранением национального суверенитета, что в целом является характерной чертой Евразийской интеграции в отличие, например, от Европейской. Данный этап завершился на фоне геополитической напряженности между Россией и Западом, что подтолкнуло евразийскую интеграцию к дальнейшему стратегическому сплочению.

4. ЕАЭС, получив международную правосубъектность, должен был согласно договору обеспечить «четыре свободы» (свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы). В рамках договора о Союзе стороны согласовали широкий спектр сфер взаимодействия, договорились о построении сотрудничества в различных сферах интеграционного взаимодействия, о проведении согласованной валютно-финансовой политики, транспортной политики, скоординированной агропромышленной политики, о развитии сотрудничества в макроэкономической и промышленной политиках [20].

В ЕАЭС формируется единое цифровое пространство, государства-участники создают общие рынки: лекарственных средств (образован в 2016 г.) и медицинских изделий (начал функционировать в 2017 г., окончательный переход отложили до 1 января 2026 г.), общий электроэнергетический рынок (должен начать работу с 2025 г.), финансовый рынок (запуск общего финансового рынка запланирован на 2025 г.), рынки газа, нефти и нефтепродуктов (планируется запустить в 2025 г.), общий рынок органической сельскохозяйственной продукции [21; 22; 17; 23; 24].

Постоянно совершенствуются механизмы, нормативно-правовая база Союза. В 2020 г. был

утвержден документ под названием «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», который стал ключевым документом Союза, направленным на экономический рост государств-членов и на увеличение способности ЕАЭС функционировать независимо как участника глобальной экономики [25]. В 2022 г. члены Евразийского экономического союза утвердили план по продвижению использования национальных валют государств-участников в процессе внутрисоюзной торговли [26]. В рамках Союза проводится единая политика внешнеторговых отношений, что зафиксировано в нормативных документах. В них говорится, что ЕАЭС может осуществлять международную деятельность (Статья 7) и имеет общий установленный порядок ее проведения [21].

Период с момента создания ЕАЭС отмечается значительным экономическим ростом. За 10 лет функционирования Союза совокупный ВВП государств-членов увеличился с \$1,6 трлн до \$2,5 трлн [27]. Страны ЕАЭС два раза переживали санкционное давление. Так, в 2015 г. объем взаимной торговли ЕАЭС сократился на 33,4% к 2013 г. и восстановился до прежнего уровня лишь в 2017–2018 гг. [28]. Однако, в 2022–2023 гг. санкции не привели к снижению товарооборота ЕАЭС, как это было после введения антироссийских санкций в 2014 г., что свидетельствует об укреплении деятельности и роли Союза. С 2014 по 2024 г. взаимная торговля стран-участниц выросла почти в 2 раза – с 3,9 до 7,4 трлн руб. [29].

Основные трудности данного этапа связаны с необходимостью обеспечения «четырех свобод» и созданием общих рынков. Несмотря на прогресс, реализация некоторых инициатив, таких как общий финансовый и электроэнергетический рынки, откладывалась. Геополитическая напряженность между Россией и Западом также усложнила процесс интеграции, потребовав адаптации к санкционному давлению и изменения стратегических ориентиров. Вместе с тем, ЕАЭС стремится к увеличению роли национальных валют и независимости от внешних факторов.

5. После создания ЕАЭС евразийская интеграция получила новый импульс развития. Стоит отметить, что «Поворот на Восток» после кризисных событий 2014 г. стал толчком для новых интеграционных инициатив. Так возникла идея «Большой Евразии», которая впервые была высказана в 2016 г. президентом Российской Федерации В. В. Путиным на Санкт-Петербургском экономическом форуме [30]. С момента появления в международном аналитическом дискурсе этой идеи можно выделить новый, еще более масштабный период в формировании евразийской интеграции.

Выделение данного этапа, проходящего параллельно и фактически одновременно с предыдущим (4. Интеграции в рамках ЕАЭС), обусловлено необходимостью отделить два разных по содержанию и направлению интеграции процесса: углубление и расширение. В рамках ЕАЭС основные усилия в основном направлены на углубление интеграции между государствами-членами, а диалог о вступлении новых пока не ведется. В рамках Большого Евразийского партнерства (БЕП) процесс расширения интеграции представляется относительно более простым, так как не требует взятия обязательств, вытекающих при вступлении в интеграционное объединение. Взаимодействие ЕАЭС с другими странами и интеграционными объединениями в рамках основных форм международного сотрудничества укладывается в пределы реализации концепции Большой Евразии.

Данное предложение стало фигурировать и в аналитических докладах, и в речах глав государств [31]. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в 2015 г. подчеркивал, что пора сплотиться вокруг идеи «Большой Евразии», которая объединит в единый интеграционный проект XXI в. ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути (ЭППШ) и ЕС» [32]. В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. отметил серьезный интерес к «многоуровневой интеграционной модели в Евразии – Большого Евразийского партнерства» [33]. Иными словами, в тот период замысел Большой Евразии рассматривался как максимальный по территориальному охвату уровень интеграции – в виде построения общекаонтинентального интеграционного контура.

Так постепенно евразийская интеграция начинает приобретать все больший масштаб и не ограничивается лишь развитием собственно ЕАЭС, поскольку на пространстве Евразии существует разнообразие концепций, структур и механизмов, все они являются ее частью, но ни один из них не представляет ее во всей полноте [34]. Связи с этим под термином «евразийская интеграция» в широком смысле стоит понимать совокупность всех происходящих процессов и идей на пространстве Евразийского континента.

В 2019 г. концепция Большой Евразии была преобразована в более конкретный проект, названный «Большое Евразийское партнерство» (БЕП), который основан на идее «интеграции интеграций», то есть на тесном взаимодействии различных двусторонних и многосторонних интеграционных процессов, происходящих в Евразии [35].

С февраля 2022 г. проблематика Большой Евразии наполняется новым смыслом [36; 37]. Существенное изменение отношений России и Запада в контексте начавшейся специальной военной операции (СВО) повлекло за собой

невиданное санкционное давление на Российскую Федерацию со стороны недружественных государств. Это, в свою очередь, способствовало усилению акцента на концепции Большого Евразийского партнерства в сотрудничестве с восточными партнерами. Большая Евразия часто рассматривается как геополитический шаг, принятый после событий февраля 2022 г. Тем не менее, как уже было отмечено, идея БЕП была выдвинута ранее [31]. После февраля она лишь была скорректирована.

В ходе пленарной сессии I Евразийского экономического форума в мае 2022 г. президент России В. В. Путин подчеркнул необходимость разработки комплексной стратегии для развития Большого Евразийского партнерства [38]. Идея Большой Евразии начинает принимать четкие формы, отражающие ключевые международные вызовы, определяющие перспективные цели, а также включающие инструменты и механизмы для их реализации. Большое Евразийское партнерство привлекает особое внимание в условиях разрушения традиционных торгово-экономических связей и логистических цепочек, поскольку оно нацелено на изменение политической и экономической архитектуры и призвано стать гарантией стабильности в Евразии.

В. В. Путин выделил некоторые параметры БЕП [39]. Это создание особых институтов, направленных на общеевразийское развитие, а также уделение особого внимания бизнес-диалогам. Предполагаемый территориальный охват БЕП включает страны, входящие в ЕАЭС, ШОС, АСЕАН [38]. Необходимо заметить, что география проекта может при определенных обстоятельствах выйти за рамки Евразии, включив в себя и страны БРИКС+.

На основании публичных заявлений глав государств и членов ЕЭК, основных документов, эксперты дали возможное определение БЕП: Большое Евразийское партнерство представляет собой систему институтов и торгово-экономических соглашений различной степени глубины между ЕАЭС и внешними партнерами, а также интеграционными блоками, способствующую увеличению выгод для участников от внешнеэкономической деятельности. [39].

Стоит подчеркнуть, что в основополагающих документах ЕАЭС теперь фигурирует идея БЕП. Так, в 2021 г. был опубликован стратегический документ, который раскрывает направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. В нем упомянута идея развития Большого Евразийского партнерства [27]. Также в декабре 2023 г. ВЭС утвердил «Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2024 г.», где официально подтверждается развитие идеи «интеграции интеграций» и Большого Евразийского партнерства [40].

На данном этапе трудности связаны с расширением интеграционных процессов и адаптацией

к меняющейся международной среде. Концепция БЕП столкнулась с проблемами практической реализации и согласования интересов стран-участников. Напряженность в отношениях России с Западом подтолкнула к укреплению сотрудничества с восточными партнерами, но потребовала существенных корректировок интеграционной стратегии. Сложность состоит в объединении различных интеграционных проектов в рамках «интеграции интеграций» при сохранении национального суверенитета.

Этап отразил как консолидацию предыдущих интеграционных усилий, так и проблемы адаптации к быстро меняющейся глобальной среде. Запуск Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в январе 2015 г. стал важной вехой в евразийской интеграции, ознаменовав переход от подготовительных шагов к активному, функционирующему экономическому блоку. В указанный период произошли значительные геополитические изменения, повлиявшие на евразийскую интеграцию, причем центральную роль играла напряженность между Россией и Западом. Данные события переопределили стратегическую значимость ЕАЭС и дальнейшее формирование более широкого интеграционного проекта с фокусом на Восток. Несмотря на возникающие в данный период проблемы, ЕАЭС продемонстрировал определенную степень устойчивости.

Подводя итог, следует отметить, что эволюция евразийской интеграции была непростым и многогранным процессом, глубоко переплетенным с геополитическим ландшафтом континента. Учитывая особенности и наличие различных взглядов на определение этапов в интеграционном развитии на Евразийском пространстве, автором была выделена особая пятиступенчатая периодизация для изучения. Она обоснована наличием как интеграционных, так и дезинтеграционных явлений на начальных стадиях, появлением процесса разнотемпной интеграции, а также существованием различной интенсивности углубления и расширения интеграции в рамках ЕАЭС. Тем не менее, несмотря на сложности и проблемы, сопровождавшие этот процесс, она смогла выйти на достаточно высокий уровень, пройдя от зоны свободной торговли до экономического союза. Формальное создание ЕАЭС ознаменовало собой кульминацию более чем двух десятилетий интеграционных усилий и стало важной вехой евразийской интеграции, обеспечив основу для более тесного экономического сотрудничества и скоординированных политических инициатив. Удалось добиться важных успехов в углублении экономического сотрудничества, столкнувшись при этом с реалиями существующих внутренних проблем и различий между государствами-членами, а также справиться с оказываемым внешним давлением. По мере того, как Союз продолжает развиваться, он расширяет сферу своей деятельности за пределы

традиционных экономических сфер, включая более широкие инициативы, такие как развитие цифровой экономики и расширение международных связей. ЕАЭС был проверен значительными геополитическими и экономическими вызовами. Появление идеи БЕП представляет собой новый этап в эволюции евразийской интеграции, предусматривающий комплексный и инклюзивный подход к международному сотрудничеству. Идея Большого Евразийского партнерства подчеркивает важность гармонизации различных интеграционных процессов и содействия синергии существующих экономических объединений.

Примечание

¹ С распадом СССР в политологический глоссарий вошел термин «постсоветское пространство» для обозначения совокупной территории государств, которые вышли из его состава. С течением времени этот термин, отсылавший к общему прошлому новых независимых государств, стал заменяться термином «евразийское пространство». Именно это понятие было использовано для обозначения интеграционных процессов, начавшихся практически сразу на большей территории разделившегося союзного государства. Понятно, что в этом смысле термин «евразийское пространство» не соответствует его традиционному географическому содержанию, согласно которому евразийское пространство происходит из понятия «Евразия (Евразийский континент)». Поэтому следует разделять понятие «Евразия» в широком смысле (континент) и его более узкое значение «евразийское пространство» как совокупность государств, расположенных в северо-восточной и центральной части континента. Синонимичным и близким по смыслу является понятие «пространство СНГ», предложенное министром иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым.

Список литературы

1. Андропова И. В. Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. 2012. № 55. С. 72–81.
2. Курылев К. П., Станис Д. В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // Юридические науки. 2015. № 2. С. 13–18.
3. Иванова Е. М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 6. С. 112–119.
4. Киевич А. В., Король О. В. Евразийская интеграция: этапы становления и перспективы развития // Экономические науки. Полесский государственный университет. 2016. № 134. С. 123–129.
5. О Содружестве Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/page/174/o-sodruzestve-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 02.02.2024).

6. Сотников А. В. Пять лет торговли между странами СНГ: итоги и проблемы. *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 5. С. 119–126.
7. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 10.01.2025).
8. Медведев Р. А. Экономика стран Содружества: на разных скоростях по разным дорогам // ЭКО. 2006. № 6 (384). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-stran-sodruzhestva-na-raznyh-skorostyah-po-raznym-dorogam> (дата обращения: 10.01.2025).
9. Основополагающие документы Содружества // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/page/78/osnovopolagayusie-dokumenty-sodruzhestva> (дата обращения: 02.02.2024).
10. Гришина Т. М. Эволюция Евразийской интеграции на постсоветском пространстве (1991–2022 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2024. 309 с.
11. Назарбаев Н. А. Евразийский союз: Идеи, практика, перспективы (1994–1997). М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 480 с.
12. Осадчая Г. И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М.: Экон-Информ, 2019. 127 с.
13. Лапенко М. В. ЕАЭС: пространство экономической интеграции: учеб.-метод. материалы // Российский совет по международным делам. М.: Некоммерческое партнерство РСМД, 2018. № 8/2018 124 с.
14. СНГ – девять лет (аналитический доклад) // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/page/3796/sng-devat-let-analiticeskij-doklad> (дата обращения: 13.12.2024).
15. ЕАЭС: социально-экономическое развитие регионов // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2018. № 37. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/19000.pdf> (дата обращения: 13.12.2024).
16. Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС) // Правительство Российской Федерации. URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/ru/8532/info/8535/print/> (дата обращения: 13.12.2024).
17. Евразийский экономический союз // под ред. Е. Ю. Винокурова. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. 296 с.
18. Декларация о формировании единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/86f/86fb1cd2344ab364ff4ee9abdd4c0fed.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
19. Причины изменения динамики взаимной торговли государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010–2014 годах и предложения по наращиванию объемов взаимного товарооборота государств-членов Евразийского экономического союза: доклад. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2015. 59 с.
20. Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/6b6/Dogovor-o-EEK.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
21. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.09.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 02.03.2024).
22. Будущее ЕАЭС: общий финансовый рынок? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/budushchee-eaes-obshchiy-finansovyy-rynok/> (дата обращения: 02.03.2024).
23. В ЕАЭС создается общий рынок органической сельскохозяйственной продукции // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_agroprom/events/v-eaes-sozdaetsya-obshchiy-rynok-organicheskoy-selskokhozyaystvennoy-produktsii/ (дата обращения: 02.03.2024).
24. Общие рынки энергоресурсов в ЕАЭС планируется запустить с 1 января 2025 г. // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/930723> (дата обращения: 02.02.2024).
25. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 99 «О порядке осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/14vr0099/> (дата обращения: 02.02.2024).
26. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 02.02.2024).
27. Путин: за 10 лет совокупный ВВП стран ЕАЭС увеличился до \$2,5 трлн // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/05/08/1036280-vvp-stran-eaes-uvlechilsya?from=copy_text (дата обращения: 10.01.2025).
28. Рекордный рост взаимной торговли ЕАЭС: на пути к углублению интеграции? // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/eaes-livin-czeva-zajczev/> (дата обращения: 10.01.2025).
29. Дмитрий Вольвач: за 10 лет существования ЕАЭС взаимная торговля стран Союза выросла в два раза // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_zh10_let_sushchestvovaniya_eaes_vzaimnaya_torgovlya_stran_soyuza_vyroslo_v_dva_raza.html (дата обращения: 10.01.2025).
30. Большая Евразия и сопряжение международных проектов: взгляд из России и Центральной Азии // Центр геополитических исследований «Берлек-Единство». URL: <http://berlek-nkp.com/meropriyatiya-obshchie/11107-bolshaya-evraziya-i-sopryazhenie-mezhdunarodnyh-proektov-vzglyad-iz-rossii-i-centralnoy-azii.html> (дата обращения: 22.02.2024).

31. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 09.03.2024).
32. Экономическая интеграция Большой Евразии ускорится // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/102052/> (дата обращения: 09.03.2024).
33. Казахстан призывает «сплотиться вокруг идеи Большой Евразии» // Организация Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/09/1271561> (дата обращения: 02.02.2024).
34. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. // Гарант. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1030346/> (дата обращения: 02.02.2024).
35. Евразийская интеграция: адаптация к новым реалиям // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-adaptatsiya/> (дата обращения: 02.03.2024).
36. Владимир Путин принял участие во втором Международном форуме «Один пояс, один путь» // Президент России. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/60378/> (дата обращения: 02.02.2024).
37. Токаев: предложенный Путиным проект «Большой Евразии» заслуживает детального изучения // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14738019> (дата обращения: 09.03.2024).
38. Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14737439> (дата обращения: 02.02.2024).
39. Владимир Путин на саммите ЕАЭС назвал плюсы евразийской интеграции // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/vladimir-putin-na-sammite-eaes-nazval-pliusy-evrazijskoj-integracii.html> (дата обращения: 02.03.2024).
40. В ЕАЭС определили направления международной деятельности на 2024 год // Евразия Эксперт. URL: <https://eurasia.expert/v-eaes-opredelili-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-na-2024-god/> (дата обращения: 13.12.2024).

Поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 237–242
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 237–242
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-237-242>, EDN: TASOOU

Научная статья
УДК [[327.7:341.655](100:519.3)+327(73:519.3)] [2006/2020]

Санкционная политика ООН и США в отношении Северной Кореи: сравнительный анализ (2006–2020 годы)

Д. С. Дроздов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дроздов Денис Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, droz.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9129-3035>, AuthorID: 1194631

Аннотация. В статье рассматривается последовательная эволюция санкционной политики ООН, а также США в отношении Северной Кореи. Отмечаются ключевые аспекты их подходов. Производится их анализ и сравнение, выявляются сходства и различия в подходах, целях и методах. Рассматриваются результаты этой политики, делается вывод о достижении заявленных целей.

Ключевые слова: КНДР, США, ООН, санкции, американо-северокорейские отношения, ядерная программа, ракетная программа

Для цитирования: Дроздов Д. С. Санкционная политика ООН и США в отношении Северной Кореи: сравнительный анализ (2006–2020 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 237–242. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-237-242>, EDN: TASOOU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

UN and U.S. sanctions policies toward North Korea: Comparative analysis (2006–2020)

D. S. Drozdov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Drozdov, droz.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9129-3035>, AuthorID: 1194631

Abstract. The article examines the consistent evolution of the UN and US sanctions policy towards North Korea. Key aspects of their approaches are highlighted. They are analyzed and compared, similarities and differences in approaches, goals and methods are identified. The results of these policies are examined, and a conclusion is made about the achievement of the stated goals.

Keywords: DPRK, US, UN, sanctions, US-North Korea relations, nuclear program, missile program

For citation: Drozdov D. S. UN and U.S. sanctions policies toward North Korea: Comparative analysis (2006–2020). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 237–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-237-242>, EDN: TASOOU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении более чем двух десятков лет ракетная и ядерная программы Северной Кореи являются одной из острых военно-политических проблем, оказывающих большое влияние как на региональную, так и на глобальную безопасность. Активное развитие этих программ в Пхеньяне вызвало жесткую реакцию ведущих акторов мирового сообщества. Так, по линии Совета Безопасности ООН, а также ряда западных стран во главе с США в отношении КНДР был введен целый ряд санкционных ограничений.

Северная Корея рассматривается как одно из наиболее закрытых государств в мире, поэтому эффективность воздействия масштабных санкций на эту страну остается слабоизученной проблемой. Соответственно, оценка степени влияния ограничительных мер на экономику и политику КНДР, а также сопоставление подходов ООН и США в отношении санкционного давления представляет значительный научный интерес.

Санкции по линии ООН в отношении Северной Кореи были инициированы в 2006 г. Первым

ограничивающим документом международного уровня можно считать резолюцию СБ ООН 1718 от 14 октября 2006 г., которая была реакцией на первое ядерное испытание КНДР [1]. Это испытание было расценено как серьезная угроза режиму нераспространения ядерного оружия и региональной стабильности в Северо-Восточной Азии. Согласно тексту резолюции, было установлено эмбарго на поставки оружия, введен запрет на экспорт «предметов роскоши» в КНДР, а также вводились определенные ограничения на передвижение высокопоставленных северокорейских чиновников, имеющих отношение к ядерной и ракетной программам страны.

В ходе обсуждения сложившейся ситуации между членами Совета Безопасности ООН возникли разногласия относительно степени жесткости санкций. США и некоторые европейские страны выступали за более решительные меры, включающие всеобъемлющее торговое эмбарго. Однако Китай и Россия, опасаясь дестабилизации ситуации в регионе, настаивали на более умеренном подходе. Южная Корея, несмотря на поддержку резолюции, выразила озабоченность возможным негативным влиянием санкций на межкорейские отношения и продолжение политики «солнечного тепла», т. е. постепенного сближения двух государств. Сеул призвал к сбалансированному подходу, сочетающему санкции с диалогом [2].

Следующая санкционная резолюция СБ ООН 1874 (2009 г.), как и первая, была приурочена к проведению очередного ядерного испытания в КНДР [3]. В этой резолюции осуждению подверглись также ракетные испытания Северной Кореи, которые произошли в том же году. Как и в прошлый раз, в Совете безопасности развернулась дискуссия о необходимости принятия более жестких и решительных мер, на которых настаивал Вашингтон.

При этом Китай и Россия заявили о своих опасениях по поводу того, что подобные действия могут привести к неконтролируемой эскалации ситуации на полуострове, что негативно скажется как на переговорном процессе, так и на региональной стабильности и безопасности. В результате был достигнут компромисс, расширивший санкции, но не включивший полное экономическое эмбарго.

Южная Корея, в отличие от прошлого раза, полностью поддержала резолюцию. Это было связано с приходом к власти консервативного президента Ли Мён Бака, который пересмотрел политику «солнечного тепла», решив, что санкционное давление позволит достичь стабильной и предсказуемой обстановки на корейском полуострове быстрее, чем диалог с Северной Кореей.

Резолюция 1874 значительно расширила санкции против КНДР. Было введено практически полное эмбарго на поставки оружия в Северную Корею и из нее, разрешенным

остался только импорт стрелкового оружия при условии предварительного уведомления ООН. Кроме того, резолюция ужесточила финансовые санкции, призвав государства-члены ООН не предоставлять финансовую помощь КНДР, за исключением гуманитарных целей. Важным нововведением стало разрешение на досмотр грузов, следующих в КНДР и из нее, при наличии обоснованных подозрений в нарушении санкций. Это положение было направлено на пресечение незаконных поставок оружия и материалов, связанных с ядерной программой.

Еще одно ужесточение санкционного режима произошло в 2013 г. Новая резолюция 2087 была принята 22 января в ответ на запуск Северной Кореей спутника «Кванмёнсон-3» [4]. Этот запуск был расценен международным сообществом как скрытое испытание баллистической ракеты дальнего радиуса действия, что противоречило предыдущим решениям СБ ООН, в первую очередь, резолюциям 1718 и 1874, вводящим запрет для Северной Кореи на проведение испытаний баллистических ракет. Кроме того, запуск спутника продемонстрировал прогресс КНДР в ракетных технологиях, что вызвало серьезную обеспокоенность стран Запада, особенно США.

В ходе обсуждения резолюции 2087 также наблюдались разногласия между членами Совета Безопасности ООН. В результате резолюция 2087 расширила существующие санкции, но не ввела принципиально новых ограничений. Так, был расширен список северокорейских организаций и физических лиц, подпадавших под санкции, включая заморозку активов и запрет на зарубежные поездки. Документ также призывал членов ООН проявлять повышенную бдительность в отношении деятельности северокорейских дипломатов, которые могли быть вовлечены в незаконные программы. Важным аспектом резолюции стало предупреждение о возможности принятия «значительных мер» в случае дальнейших нарушений уже существующих резолюций со стороны КНДР. Это положение фактически создавало основу для более жестких санкций в будущем.

Как следствие, такие меры были приняты в том же 2013 г. Резолюция 2094 СБ ООН была принята 7 марта в ответ на третье ядерное испытание. В ходе обсуждения проекта резолюции наблюдался более высокий уровень консенсуса среди членов СБ ООН по сравнению с предыдущими решениями. США настаивали на введении более жестких санкций, и Китай, традиционный союзник КНДР, продемонстрировал готовность поддержать более строгие меры. Тем не менее, Китай и Россия по-прежнему выступали против полной экономической изоляции Северной Кореи.

Резолюция 2094 значительно расширила и ужесточила воздействие на КНДР. Она вве-

ла новые финансовые санкции, направленные на ограничение доступа Северной Кореи к международной финансовой системе. В частности, резолюция запретила предоставление Пхеньяну финансовых услуг, которые могли бы способствовать ядерной или ракетной программам КНДР. Резолюция также расширила список запрещенных для экспорта в Северную Корею предметов роскоши, включив в него дорогие ювелирные изделия, яхты и автомобили. Резолюция также усилила механизмы контроля за соблюдением санкций, призвав членов ООН к более тщательному мониторингу деятельности северокорейских дипломатов и финансовых операций, связанных с КНДР [5].

Следующая резолюция 2270 СБ ООН была принята 2 марта 2016 г. в ответ на четвертое ядерное испытание КНДР, проведенное 6 января, а также запуск баллистической ракеты большой дальности 7 февраля. Резолюция значительно ужесточила ограничительный режим и стала одной из самых всеобъемлющих санкционных резолюций в истории ООН. США, как и всегда, настаивали на введении максимально жестких санкций. Важным фактором стала позиция Китая, который вновь поддержал ужесточение санкций. Тем не менее Пекин и Москва настояли на включении в резолюцию оговорки о том, что санкции не должны негативно влиять на гуманитарную ситуацию в КНДР [6].

При этом резолюция 2270 ввела ряд новых, беспрецедентно жестких ограничений. В первую очередь, указывалось на обязательный досмотр всех грузов, следующих в КНДР и из нее, включая дипломатический багаж. Как предполагалось, сокращение квоты экспорта из Северной Кореи угля, железа, золота, титана, редкоземельных металлов и других минеральных ресурсов должно было существенно сократить валютные поступления в страну. Также был введен запрет на поставки авиационного и ракетного топлива в КНДР. Были расширены финансовые санкции, включая закрытие отделений северокорейских банков за рубежом и запрет на открытие новых отделений банков стран-членов ООН в КНДР. Наконец, предполагались ограничения на деятельность северокорейских дипломатов, связанную с обходом санкций.

Резолюция 2270 также усилила механизмы контроля за соблюдением санкций, в очередной раз призвав членов ООН к более тщательному мониторингу и отчетности о выполнении ограничительных мер.

Очередное усиление санкционного режима в отношении Пхеньяна произошло в 2016 г. Резолюция 2321 Совета Безопасности ООН была принята 30 ноября в ответ на пятое ядерное испытание, проведенное Северной Кореей. Эта резолюция еще больше ужесточила общий санкционный режим. Дискуссии по поводу применяемых мер проходили в обычном

ключе: Вашингтон снова настаивал на применении самых жестких санкционных ограничений, а Китай и Россия просили проявить сдержанность [7].

В качестве принятых мер можно выделить дальнейшее ограничение квоты экспорта угля из КНДР, запрет на экспорт меди, никеля, серебра, цинка, ужесточение финансовых санкций, включая закрытие существующих представительств, филиалов или банковских счетов в течение 90 дней. В очередной раз был расширен список предметов роскоши, запрещенных к экспорту в Северную Корею.

Новый этап ограничений был обозначен резолюцией СБ ООН 2371, принятой 5 августа 2017 г. Данная резолюция была принята в ответ на проведение Северной Кореей двух испытаний межконтинентальных баллистических ракет. Расхождение оценок данного события Соединенными Штатами с одной стороны и Россией с Китаем с другой привело к тому, что американское предложение о полном нефтяном эмбарго не получило поддержки [8].

Тем не менее в качестве нововведений стоит отметить полный запрет на экспорт из КНДР угля, железа, железной руды, свинца, свинцовой руды и морепродуктов. Также были усилены предыдущие меры, связанные с запретом странам-членам ООН увеличивать количество северокорейских рабочих на своей территории и созданием новых совместных предприятий с КНДР.

Очередное, шестое по счету ядерное испытание, проведенное Северной Кореей в том же 2017 г., стало причиной новой санкционной резолюции СБ ООН 2375. Вашингтон в очередной раз поставил вопрос о полном нефтяном эмбарго, а также о необходимости полного запрета экспорта северокорейского текстиля. Китай и Россия не согласились с подобными требованиями, и они не вошли в итоговую резолюцию [9].

Резолюция 2375 не вводила принципиально новых ограничений, ужесточая уже существующие, в частности очередное ограничение импорта нефтепродуктов в КНДР до 2 млн баррелей в год начиная с 1 января 2018 г.

Последним из рассматриваемых санкционных документов СБ ООН в отношении Северной Кореи стала резолюция 2397, принятая в ответ на испытание Пхеньяном межконтинентальной баллистической ракеты «Хвасон-15». Вашингтон настаивал на введении максимально возможных жестких мер в отношении КНДР, однако Россия и Китай призывали к сдержанности, утверждая, что настоящее решение вопроса денуклеаризации Корейского полуострова возможно только с помощью дипломатии, а не санкций. Ключевые положения резолюции 2397 включали ограничение поставок сырой

нефти в КНДР до 4 млн баррелей в год, ограничение импорта нефтепродуктов до 500 тыс. баррелей в год, а также требование к странам-членам ООН выслать всех северокаорейских рабочих в течение 24 месяцев. Помимо этого, вводился запрет на поставки в КНДР продовольствия, сельскохозяйственной продукции, машин, электрооборудования, а также на экспорт определенных позиций горнодобывающей промышленности, включая магнезит и магнезию, древесины и судов из КНДР [10].

Таким образом, эволюция санкционного режима СБ ООН в отношении КНДР в период 2006–2017 гг. демонстрирует постепенное ужесточение и расширение мер воздействия на Северную Корею в ответ на развитие ее ядерной и ракетной программ. Этот процесс характеризуется несколькими ключевыми тенденциями и особенностями. Во-первых, наблюдается последовательное расширение сфер, охватываемых санкциями. Если резолюция 1718 (2006 г.) была в основном сосредоточена на запрете поставок оружия и предметов роскоши, то последующие резолюции постепенно вводили ограничения на более широкий спектр экономической деятельности КНДР. К 2017 г. санкции охватывали практически все ключевые секторы северокаорейской экономики, включая экспорт угля, железной руды, текстиля, морепродуктов, а также ограничения на импорт нефти и нефтепродуктов.

Во-вторых, прослеживается тенденция к усилению финансовых санкций. Начиная с ограниченных мер по замораживанию активов отдельных лиц и организаций, связанных с ядерной программой, санкции эволюционировали до широкомасштабных ограничений на финансовые операции КНДР, включая запрет на деятельность северокаорейских банков за рубежом и ограничения на денежные переводы.

В-третьих, наблюдается постепенное ужесточение мер, направленных на ограничение доступа КНДР к технологиям и материалам, необходимым для развития ядерной и ракетной программ. Список запрещенных к поставкам товаров и технологий постоянно расширялся и уточнялся.

Четвертой важной тенденцией стало усиление мер по контролю за соблюдением санкций. С каждой новой резолюцией вводились более строгие требования к государствам-членам ООН по мониторингу и предотвращению нарушений санкционного режима, включая обязательный досмотр грузов.

Пятой особенностью эволюции санкций стало постепенное смещение фокуса с чисто запретительных мер на более комплексный подход, направленный на ограничение способности КНДР финансировать свои ядерные и ракетные программы. Это особенно ярко проявилось в резолюциях 2371 и 2375, которые ввели жесткие

ограничения на экспорт северокаорейской рабочей силы и импорт нефтепродуктов.

Важно отметить, что эволюция санкционного режима происходила на фоне постоянного технологического прогресса КНДР в области ядерных и ракетных технологий. Каждое новое испытание или достижение Северной Кореи становилось триггером для принятия новых более жестких санкций.

Американские односторонние санкционные меры в отношении Северной Кореи можно также рассматривать в контексте событий, вызывавших резолюции СБ ООН. Первые ограничительные меры со стороны США в отношении КНДР были введены еще в 1950-е гг. в рамках начального периода холодной войны, после чего до конца XX в. американские санкции инициировались регулярно по самым разным поводам.

Первое ядерное испытание в 2006 г. послужило катализатором для начала нового цикла санкций в отношении Пхеньяна. Ключевым элементом санкционной политики США стало принятие «Акта о нераспространении в отношении Северной Кореи» (North Korea Nonproliferation Act) [11]. Этот законодательный документ был подписан президентом Джорджем Бушем-мл. 13 октября 2006 г., т. е. буквально через несколько дней после испытания. По большей части вводимые меры либо дублировали более ранние ограничения, либо ужесточали уже существующие. К примеру, был вновь введен запрет на экспорт в Северную Корею товаров, услуг и технологий, которые могут быть использованы в ядерных, химических, биологических или ракетных программах, ужесточен контроль за финансовыми операциями, связанными с КНДР, с целью предотвращения финансирования программ по созданию оружия массового уничтожения.

В 2009 г. США значительно ужесточили свою санкционную политику в отношении КНДР в ответ на второе ядерное испытание. Основу новых ограничений составило дополнение к исполнительному указу 13382 президента Б. Обамы [12]. При этом министерство финансов США ввело санкции против Банка внешней торговли КНДР и ряда других финансовых учреждений, подозреваемых в содействии ядерной программе Северной Кореи. Также, в очередной раз был ужесточен контроль за экспортом в КНДР товаров двойного назначения, которые могли использоваться в ядерной программе.

Испытания новых баллистических ракет и очередного ядерного заряда стали причиной ужесточения ограничений против КНДР в 2011 г. Указ президента 13570 был дополнен новыми фамилиями физических лиц и новыми кампаниями, в отношении которых вводились американские ограничения. Был также расширен список лиц, подпадающих под вторичные американские санкции [13].

Следующее ужесточение ограничений произошло в 2015 г. Аналитики считают, что это стало своеобразным ответом Вашингтона на кибератаку КНДР на сервера Sony Pictures. В рамках указа 13687 министерство финансов США получило право блокировать активы и запрещать въезд в США лицам, которые являются членами правительства КНДР или правящей Трудовой партии Кореи. Данный указ значительно расширил сферу применения санкций, выходя за рамки традиционного фокуса на ядерной и ракетной программах [14].

В 2016 г. в рамках указа 13722 особое внимание уделялось введению секторальных санкций против ключевых отраслей северокорейской экономики, включая горнодобывающую, транспортную и энергетическую сферы. Согласно американской задумке, такой подход должен был ограничить способность Пхеньяна финансировать программы по разработке ракетного и ядерного вооружений. Отдельно стоит отметить расширение полномочий министерства финансов США по введению вторичных санкций против лиц и организаций, вовлеченных в значительные транзакции с Северной Кореей. Эта мера была направлена на ограничение возможностей Пхеньяна по обходу санкционного режима через третьи страны, в первую очередь через Китай [15].

После шестого ядерного испытания администрация президента Д. Трампа пообещала приложить максимум усилий для того, чтобы заставить КНДР отказаться от развития ракетно-ядерной программы. Исполнительный указ 13810 «О введении дополнительных санкций в отношении Северной Кореи» стал одним из наиболее значимых и всеобъемлющих санкционных инструментов, примененных против Пхеньяна. Он расширил уже введенные ограничения и привнес новые, такие как блокирование счетов и активов любых лиц и организаций, вовлеченных в торговлю с Северной Кореей, а также ввел полный запрет на любые финансовые транзакции с Северной Кореей, что фактически отрезало КНДР от международной финансовой системы и создало риск потери доступа к американской финансовой системе для банков, продолжающих работать с КНДР. Наконец, санкции распространялись и на транспортный сектор, включая возможность блокирования судов и самолетов, связанных с нарушением ограничительного режима [16].

Все эти шаги являлись последовательной реализацией политики «максимального давления», которую проводила администрация Д. Трампа. В основном новые санкционные меры создавали серьезные риски для китайских банков и компаний, что должно было способствовать их отказу от сотрудничества с Северной Кореей.

Рассмотрев основные санкции, которые вводили в отношении КНДР ООН и США, можно провести сравнительный анализ их подходов к ограничительным мерам.

В первую очередь, как ООН, так и Соединенные Штаты рассматривают ракетную и ядерную программу Северной Кореи в качестве серьезной региональной и глобальной угрозы. Соответственно, большая часть санкций нацелена на попытку заставить Пхеньян отказаться от этих планов. Для этого ООН и Вашингтон готовы «выключить» КНДР из международной торговли, минимизировать ее контакты с любыми торговыми партнерами, ограничить валютные поступления путем лишения легальных источников дохода через секторальные санкции. Все это должно сделать невозможным финансирование Пхеньяном ракетной и ядерной программ.

Различия подходов США и ООН обусловлены тем, что в Совете Безопасности необходим консенсус пяти постоянных членов, что, в свою очередь, приводит к принятию более размытых формулировок и предоставлению более широких возможностей для обхода вводимых ограничений. Санкции же по линии Вашингтона, напротив, имеют максимально четкие трактовки, поскольку они не нуждаются в согласовании с кем бы то ни было.

Различаются и типы вызовов, для преодоления которых вводятся ограничения. Так, специфика ООН позволяет реагировать только на то, что «угрожает международному миру и безопасности», как следует из устава организации. Соединенные Штаты же, напротив, не ограничены рамками уставов, поэтому поводом для введения санкций является всё то, что, по их мнению, угрожает или может угрожать безопасности США и их интересам.

Различия также присутствуют в механизмах контроля исполнения санкционных ограничений. Несмотря на то, что при ООН создавались различные комиссии по соблюдению международных санкций, в том числе и специальная комиссия по контролю за санкциями в отношении КНДР, как таковой ответственности за их ненадлежащее соблюдение не предусмотрено. Соединенные Штаты, напротив, обеспечивают выполнение ограничений через регулярное внесение в санкционные списки компаний и физических лиц, которые попали под действие американских законов.

Оценивая эффективность введенных санкционных ограничений, стоит отметить их негативное влияние на экономику Северной Кореи. По оценкам экспертов, в 2017 г. ВВП КНДР сократился на 3,5%, а в 2018 г. – на 4,1%, что стало самым значительным экономическим спадом со времен голода 1990-х гг. [17]. Санкции привели к резкому сокращению объемов легальной внешней торговли КНДР. Экспорт страны

в 2018 г. упал на 86% по сравнению с 2016 г., составив всего 240 млн долл. [18]. Это существенно ограничило возможности Северной Кореи по получению валютной выручки, необходимой для финансирования импорта и поддержания экономической стабильности [19].

Указанные ограничения, в свою очередь, способствовали развитию всевозможных способов обхода введенных санкций, вынуждая Пхеньян использовать такие способы получения иностранной валюты, как увеличение объемов контрабанды, серый импорт, подставные компании, повышение активности в киберпространстве и т. п. [20].

Если попытаться оценить степень воздействия санкций на политику КНДР, то можно прийти к выводу, что они полностью провалились. Северная Корея не только не прекратила разработку ракетного и ядерного вооружения, но и добилась больших успехов в его развитии. Санкционные меры воздействия не способствовали стабилизации ситуации на Корейском полуострове, скорее наоборот, стали триггером для новых эскалационных действий. Также санкции негативно повлияли на переговорные процессы, усложняя и без того непростое взаимодействие с КНДР.

Список литературы

1. S/RES/1718 (2006) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1718-%282006%29> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Chantlett-Avery E., Squassoni S. North Korea's Nuclear Test: Motivations, Implications, and U. S. Options // CRS Report for Congress. The Library of Congress. 2006. 22 p.
3. S/RES/1874 (2009) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1874-%282009%29> (дата обращения: 01.10.2024).
4. S/RES/2087 (2013) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2087-%282013%29> (дата обращения: 01.10.2024).
5. S/RES/2094 (2013) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2094-%282013%29> (дата обращения: 01.10.2024).
6. S/RES/2270 (2016) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2270-%282016%29> (дата обращения: 01.10.2024).
7. S/RES/2321 (2016) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2321-%282016%29> (дата обращения: 01.10.2024).
8. S/RES/2371 (2017) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2371-%282017%29> (дата обращения: 01.10.2024).
9. S/RES/2375 (2017) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2375-%282017%29> (дата обращения: 01.10.2024).
10. S/RES/2397 (2017) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2397-%282017%29> (дата обращения: 01.10.2024).
11. S. 3728 – North Korea Nonproliferation Act of 2006 // United States Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/3728/text> (дата обращения: 01.10.2024).
12. United States Designates North Korean Entities and Individuals for Activities Related to North Korea's Weapons of Mass Destruction Program // U. S. Department of the Treasury URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/tg840> (дата обращения: 01.10.2024).
13. Imposition of Nonproliferation Sanctions Against Foreign Entities and Individuals // U. S. Department of State (archive). URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/02/204013.htm> (дата обращения: 01.10.2024).
14. Executive Order 13687 // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/7671/download?inline> (дата обращения: 01.10.2024).
15. Executive Order 13722 // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/7686/download?inline> (дата обращения: 01.10.2024).
16. Executive Order 13810 // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/7676/download?inline> (дата обращения: 01.10.2024).
17. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019 // Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=10059560&menuNo=400069> (дата обращения: 01.10.2024).
18. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019 // Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/North-Korea-s-trade-value-falls-to-half-previous-low-in-2018> (дата обращения: 01.10.2024).
19. Park J., Walsh J. Stopping North Korea, Inc.: sanctions effectiveness and unintended consequences // MIT Security Studies Program. 2016. P. 6–18.
20. Silberman B. The complicated truth about sanctions on North Korea // East Asia Forum Quarterly. 2023. Vol. 15, № 2. P. 30–32.

Поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 243–249
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 243–249
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-243-249>, EDN: TIDGDQ

Научная статья
УДК 332.135:327:005.44

Основные теоретические подходы к проблемам современной регионализации и ее динамика в условиях конфликтной международной среды

Д. С. Алексеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алексеев Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, alexeyevds@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2447-042>, AuthorID: 257361

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции теоретических подходов к объяснению современных интеграционных тенденций в различных регионах мира. Автор постарался раскрыть логику эволюции различных теоретических школ и подходов в привязке к изменяющимся реалиям международной среды. Автору удается представить оригинальный взгляд на проблемы теории регионализации, выделить отдельные аспекты ее современной трансформации. Особый интерес вызывает попытка осмыслить процессы региональной интеграции в условиях современных международных отношений, когда формируется достаточно выраженный конфликтный потенциал в различных регионах мира. В статье подробно изложено мнение автора о том, как эти тенденции будут сказываться на эволюции теоретических подходов к интеграционным процессам в современной науке.

Ключевые слова: Регионализация, международная интеграция, глобализация, мировой порядок, региональный конфликт

Для цитирования: Алексеев Д. С. Основные теоретические подходы к проблемам современной регионализации и ее динамика в условиях конфликтной международной среды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 243–249. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-243-249>, EDN: TIDGDQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main theoretical approaches to the problems of modern regionalization and its dynamics in the context of a conflictual international environment

D. S. Alekseev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Alekseev, alexeyevds@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2447-042>, AuthorID: 257361

Abstract. The article presents the process of evolution of theoretical approaches to explaining modern integration trends in various regions of the world. The author tried to reveal the logic of the evolution of various theoretical schools and approaches in relation to the changing realities of the international environment. The author manages to present an original view on the problems of the theory of regionalization, to present individual aspects of its modern transformation. Of particular interest is an attempt to comprehend the processes of regional integration in the context of modern international relations, when a serious conflict potential is formed in various regions of the world. The article offers the author's original view on how these trends will affect the evolution of theoretical approaches to integration processes in a modern scholarly discourse.

Keywords: regionalization, international integration, globalization, world order, regional conflict

For citation: Alekseev D. S. Main theoretical approaches to the problems of modern regionalization and its dynamics in the context of a conflictual international environment. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 243–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-243-249>, EDN: TIDGDQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процессы регионализации в современных международных отношениях играют все более заметную роль и постоянно набирают темп. В настоящее время трудно найти регион, в котором не действовала бы одна или одновре-

менно несколько организаций, объединяющих заинтересованные страны в те или иные интеграционные конструкции. Первая четверть XXI в. продемонстрировала одновременно две тенденции – как усиление процессов регионализации,

так и в отдельных случаях центробежные тенденции. В данной работе мы исходим из гипотезы, что на интенсивность этих тенденций влияют в первую очередь внешние международные процессы и конфликтная или, напротив, кооперационная среда межгосударственных отношений, в которой они реализуются.

В современной науке о международных отношениях региональная интеграция и регионализация – процессы относительно новые, характерные для второй половины XX в. Хотя, в ограниченном понимании этих явлений, и в более ранней истории мы можем рассматривать региональную интеграцию в виде различного рода союзов, пактов, двусторонних и многосторонних экономических договоров, которые заключали между собой государства в XIX в. и даже ранее. Изучение феномена регионализации в первую очередь связывают с общими теориями интеграции, а также самого понятия регион. Одним из наиболее кратких определений региона дает Дж. Най: «Регион – это ограниченное количество государств, связанных географически и имеющих определенную степень взаимозависимости» [1, р. VII]. Известный российский политолог А. Д. Воскресенский считает, что под регионом следует понимать определенную территорию, представляющую собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, объединенный и связанный целым рядом условий: географических, природных, экономических, социально-исторических и национально-культурных [2, с. 46]. Кроме того, в современной науке принято разделять понятия регионализация и регионализм. Под регионализацией прежде всего понимаются процессы углубления экономического и связанного с ним правового взаимодействия между государствами в регионе. Регионализм, как правило, связывают с политикой государств отдельного региона, направленной на укрепление многостороннего сотрудничества в различных областях.

Долгие дебаты по определению границ, обозначающих тот или иной регион, используя географические, цивилизационные, исторические, экономические и социокультурные факторы, в конечном счете не дали конкретного ответа на поставленный вопрос. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что границы регионов варьируются в зависимости от той или иной проблемы или предмета исследований и анализа (конкретные региональные объединения, проблемы региональной безопасности, экология и др.). К примеру, представители копенгагенской школы международных отношений Б. Бузан и О. Вэвер в своих работах отстаивают идею объединения регионов по принципу наличия общих угроз безопасности, выделяя при этом «региональные комплексы безопасности», динамика взаимоотношений внутри которых зависит от целого ряда факторов, связанных с вызовами

и угрозами, имеющими преимущественно региональную природу и оказывающими влияние на политику и поведение стран в рамках той или иной географической среды [3].

В международных отношениях принято также выделять три уровня анализа региональных процессов: макрорегиональный, который включает большие географические пространства (Африка, Южная Америка и т. д.), мезорегиональный или субрегиональный, связанный с регионами меньшего масштаба и интегрированными в макрорегион (Европа, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, Южный и Северный Кавказ и т. д.) и микрорегиональный, относящийся, как правило, к небольшим территориально-географическим единицам в рамках одного или нескольких сопредельных государств. Тем не менее дискуссии о конкретных критериях регионального деления мира не окончены и по сей день. Более того, некоторые регионы имеют названия и контуры, созданные исключительно в политических или геополитических целях, и имеют весьма условные или даже умозрительные границы, например, Большой Ближний Восток (включающий в себя ряд стран Ближнего и Среднего Востока), Большая Центральная Азия (включающая регион Центральной Азии и Афганистан), Ближний Восток и Северная Африка (MENA Region, – определение, появившееся в результате анализа политических процессов, обозначаемых как «Арабская весна» 2010-х гг.).

Изучение процессов региональной интеграции первоначально рассматривалось с точки зрения теории федерализма, получившей распространение еще в XVIII в. в трудах европейских и американских философов и политических деятелей. В частности, философские эссе «Записки Федералиста» Александра Гамильтона и Джеймса Мэдисона, обосновывавшие преимущества федеративного устройства в США, стали одними из первых работ, положивших начало теории федерализма в научном дискурсе. Позднее именно эта теория легла в основу концепции европейской интеграции в середине XX в. и нашла свое выражение в концепциях Жана Монне и его последователей [4]. Федерализация Европы, хотя и не сразу, но достаточно уверенно прошла свое становление и реализацию в последней трети XX в., что открыло пространство к попыткам мультипликации европейского опыта. В основу концепции регионализации в рамках федерализма легли представления о добровольном делегировании полномочий на наднациональный уровень, который позволит государствам более эффективно решать стоящие перед ними задачи. Этому, как считалось, будут способствовать процессы формирования институтов и законодательных рамок, которые смогут стать фундаментом для дальнейшего сближения в сфере экономики, политики и финансов. Не в последнюю очередь процессы федерализации, на примере ЕС,

должны были бы снять разногласия и трения в сфере безопасности, постепенно нивелируя противоречия между участниками интеграционных процессов.

Позднее теоретические подходы к процессам региональной интеграции начинают эволюционировать в сторону функционального подхода и в большей степени ориентироваться на функционализм как объяснение интеграционных процессов, происходящих в Западной Европе после окончания Второй мировой войны. С точки зрения теории функционализма, трансграничное сотрудничество, оформленное в определенные институциональные рамки, направлено на решение общих задач и достижение взаимовыгодных результатов. Именно общие интересы (в первую очередь экономические) могут определить степень и глубину трансграничного взаимодействия между государствами региона. По утверждению одного из основоположников функционального подхода Дэвида Митрани, у государств существует так называемый «индекс общих интересов», достижение которых в определенный момент может потребовать централизованного надгосударственного управления этим процессом, другими словами, создания надгосударственных механизмов и организаций, направленных на решение конкретных задач [5, р. 356].

Функционализм в последней трети XX в. развивал теоретические идеи сторонников федерализации, считавшиеся до этого времени едва ли не единственной формой пространственной организации относительно независимых субъектов в рамках единой государственной структуры или надгосударственного объединения.

Позднее идеи функционалистов были переработаны и дополнены, что вылилось в теорию неофункционализма. Согласно неофункциональному подходу, наиболее известным выразителем которого стал профессор Калифорнийского университета в Беркли Эрнст Хаас, в процессе решения государствами общих задач постепенно создается «эффект перетекания» (spillover effect), который вовлекает в процесс интеграции более широкие экономические отрасли хозяйства, политические институты и даже различные социальные группы. Таким образом экономическая интеграция в одной отрасли постепенно требует углубления взаимодействия во второй и третьей, а со временем постепенно дополняется элементами политической интеграции, которые становятся необходимым атрибутом объединения независимых государств региона. Эффект перетекания, таким образом, указывает, что, помимо экономических мотивов интеграции, постепенно появляется и целый ряд других, которые имеют общественный характер, такие как безопасность, общие социальные и идеологические проблемы, задачи культурного и гуманитарного характера [6, р. 377–379]. Э. Хаас и другие сторонники неофункционализма делят процесс интеграции

на три взаимосвязанных составляющих: институциональный (политический), функциональный (экономический) и общественный (интересы социальных групп).

В последние годы в теории международных отношений появилось течение, которое принято называть «постфункционалистским». Постфункционалисты делают упор на то, что линейное объяснение регионализации «эффектом переливания», который продвигают неофункционалисты, далеко не полностью раскрывает механизмы современной регионализации. Теория постфункционализма активно разрабатывается политологом Лизбет Хуге и ее коллегами, такими как Гэри Маркс, и используется для объяснения того, как идентичность, ценности и общественное мнение формируют развитие региональных организаций. Постфункционалисты подчеркивают возрастающее значение для региональной интеграции или дезинтеграции таких категорий, как национализм и идентичность, общественного мнения и возрастающей роли политических элит. Постфункционализм широко применялся для понимания проблем Европейского союза, таких как Brexit, рост популистских партий и растущий скептицизм в отношении наднациональных институтов по всей Европе. Он предоставляет основу для анализа того, как наднациональное сотрудничество сталкивается с сильными национальными идентичностями и общественным скептицизмом. Постфункционализм, таким образом, знаменует собой отход от более ранних теорий, которые предполагали, что интеграция является в значительной степени технократическим процессом, который постоянно развивается в сторону углубления и расширения межгосударственных связей [7].

В середине XX в. большое распространение приобретает системный подход к объяснению процессов регионализации, который определяет международные отношения как систему взаимосвязанных элементов. Данная теория связана с именем Мортона Каплана, который вводит такое понятие, как региональная подсистема международных отношений. В данном случае регион воспринимается как относительно самостоятельная единица, включенная в международный процесс системного взаимодействия [8]. Каплан выделяет несколько типов международных систем, таких как баланс сил, биполярные и иерархические системы, которые описывают положение и поведение государств на мировой арене. Регионализация, согласно теории Каплана, формируется под влиянием более широкой глобальной динамики, где взаимодействия государств формируют подсистемы (часто региональные альянсы или блоки) в рамках более крупной системы. Теория Каплана рассматривает регионы как подсистемы в рамках более крупной международной системы. Эти подсистемы или региональные блоки, такие как НАТО или

Варшавский договор, функционируют полуавтономно, но находятся под влиянием глобальной динамики, в частности, действий сверхдержав в биполярной системе (например, США и СССР во время холодной войны). Эти региональные группировки возникают для баланса сил, повышения безопасности или продвижения экономических интересов своих участников.

В рамках системной теории международных отношений М. Каплан сосредоточился на том, как различные системы поддерживают стабильность и равновесие. По его мнению, взаимодействия внутри региона (подсистемы) должны соответствовать более широкой международной системе, чтобы избежать конфликта. Например, в биполярном мире региональная стабильность может зависеть от соответствия одной из двух сверхдержав, что приводит к самоорганизации регионов с целью избежать масштабного глобального давления.

Регионализация часто следует определенным правилам о членстве, сотрудничестве и разрешении конфликтов, которые помогают стабилизировать отношения внутри подсистемы и поддерживать общий порядок. По мнению Каплана, системы, включая региональные подсистемы, функционируют посредством циклов обратной связи. Действия внутри региона могут влиять на более крупную систему, а глобальные события могут давать обратную связь, формируя региональную динамику. Например, региональный конфликт может повлиять на стабильность глобальной системы, что приведет к реакциям, которые изменят подсистему (например, миротворческие интервенции или экономические санкции).

Системная теория Каплана подчеркивает, как региональные подсистемы адаптируются к давлению окружающей среды, такому как экономические кризисы или угрозы безопасности. Таким образом, региональную интеграцию можно рассматривать как форму адаптации, когда государства более тесно сотрудничают в ответ на внешние угрозы или возможности. Однако позднее теоретические подходы Каплана были подвергнуты критике сторонниками теории рационального выбора Чикагской школы, что стало большим вызовом и для системного подхода к процессам регионализации [9, с. 33–34].

Альтернативным объяснением процессов регионализации в современном мире стала теория коммуникации, которую предложил американский исследователь Карл Дойч и ряд его последователей. Согласно теории коммуникации, формирование региональных объединений складывается благодаря определенным историческим, географическим и социально-экономическим условиям, способствующим интенсивному взаимодействию. Данное взаимодействие (коммуникация) происходит посредством транспортных артерий между государствами одного

региона благодаря наличию общих внешних угроз и соперников, а также находится под влиянием взаимных культурных, языковых и религиозных связей. Все это постепенно формирует определенную общность (зону коммуникации), зону предсказуемости, которая трансформируется в самостоятельное региональное объединение, где будет формироваться коллективная идентичность, общая среда безопасности и взаимодействия [10, р. 41–49].

В последние три десятилетия набирает силу новое теоретическое направление, которое разрабатывают ученые политологи, социологи и экономисты, получившее название «новый регионализм». Новый регионализм как самостоятельная теория, объясняющая современные процессы регионализации, возникает на рубеже 1980–1990-х гг., когда происходит ряд серьезных изменений в мировой политике и экономике. Распад СССР, окончание холодной войны, появление транснациональных корпораций, глобального финансового рынка и т. д. приводят к существенным изменениям характера и логики современных процессов регионализации. Большинство исследователей также связывают «новый регионализм» с последствиями воздействия глобализации и информационных технологий на всю систему мирового хозяйства. В 1950–1960 гг. «старый регионализм» рассматривал интеграцию исходя того, что государство является основной движущей единицей этого процесса. Соответственно регионализация в этой концепции рассматривалась в качестве инструмента для решения вопросов и задач, лежащих преимущественно перед государством внутри отдельного интеграционного объединения. Однако рубеж XX и XXI вв. вывел внешние (глобальные) факторы на один уровень с внутренними. Так, по мнению исследователей проблем «нового регионализма» Бьорна Хеттне и Фредрика Содербаума, внешние факторы глобальной трансформации международной среды стали оказывать на процесс регионализации столь же сильное влияние, как и внутренние процессы, происходящие в существующих или формирующихся региональных объединениях [11, р. 21–23; 12, р. 481–482]. Действительно, глобальная конкуренция, стремительное распространение технологий, перенос производственных мощностей за пределы национальных границ, борьба за новые рынки сбыта поставили страны перед целым рядом острых вызовов, которые требовали ответа. В большинстве случаев результатом становилось создание региональных экономических объединений, создающих для их участников привилегированные условия в области товарного обмена, таможенного и валютного регулирования. Согласно теории нового регионализма, глобализационные процессы современности дали толчок к формированию гибких и различных по своим задачам и возможностям региональным объединениям, в отличие

от тех институциональных форматов, которые были распространены в XX в. Кроме того, сторонники «нового регионализма» утверждают, что механизмы региональных процессов в странах Запада и Глобального Юга могут иметь собственную специфику, динамику и траекторию, обладать своими уникальными чертами и закономерностями.

Действительно, по данным Всемирной торговой организации, современная экономика насчитывает около 377 региональных зон свободной торговли и таможенных союзов, и количество их продолжает расти. Это в несколько раз превосходит число аналогичных соглашений, имевших место в 1960-е гг. Стремительно быстро выходят на мировые рынки развивающиеся страны. В настоящее время на их долю приходится до 40% всей мировой торговли. Около 60% всей мировой торговли сегодня идет в рамках зон экономических преференций. В этих условиях механизмы регионализации приобретают совершенно новое содержание, нежели это было в середине прошлого века.

Можно констатировать, что стремительный рост количества региональных организаций в значительной степени связан с тем, что в условиях глобализации в распоряжении национальных государств становится значительно меньше инструментов регулирования и влияния на все менее управляемую международную среду. Все это происходит на фоне возрастающей межотраслевой конкуренции и борьбы за ограниченные ресурсы. Это и способствует процессу регионализации, когда государства стремятся сформулировать и упорядочить формы взаимодействия с глобальной экономикой и политической средой посредством объединения в региональные союзы.

Представленный выше обзор различных теорий, объясняющих содержание и логику процессов регионализации, является далеко не исчерпывающим. Значительный вклад в исследование этого феномена внесла либеральная, неолиберальная и неореалистская школы политических исследований, представляющая межправительственный подход к форматированию региональных связей во второй половине XX в. Целый ряд значимых исследований проведены учеными, представляющими школы конструктивизма, неоинституционализма и ряда других направлений политологии, социологии и экономики.

Однако вне зависимости от различных теоретических подходов, глобализация и регионализация, безусловно, являются наиболее значимыми движущими силами, которые во многом определяют характер взаимодействия между странами и регионами мира, а также политическую повестку дня в международных отношениях. Современные реалии сделали взаимосвязь между этими процессами весьма неоднозначной. Можно гово-

рить о формировании трех основных подходов в определении взаимосвязи этих процессов.

В первом случае глобализация и регионализация противопоставляются друг другу в качестве разнонаправленных процессов, когда региональные объединения рассматриваются как попытка избежать негативного влияния глобализации на различные аспекты развития отдельных государств и стремление максимально использовать свои конкурентные преимущества в международном экономическом и политическом пространстве. Другими словами, процессы регионализации – это не что иное, как попытка национальных государств и региональных объединений адекватно ответить на вызовы, которые заложены в логике глобализации. Такая трактовка регионализации во многом восходит к наиболее распространенному в последние годы суждению о стремлении региональных игроков обособить себя от разного рода нежелательных последствий и кризисных явлений в мировой политике, экономике, культуре. Иными словами, региональные объединения руководствуются соображениями обеспечения собственной экономической и/или политической безопасности.

Другой подход к соотношению процессов глобализации и регионализации рассматривает их как дополняющие друг друга или «накладывающиеся» друг на друга, когда стремление к региональной интеграции является логически вытекающим из усиливающихся тенденций глобализации, начавшейся во второй половине XX в. Американский исследователь Дж. Миттельман [13, р. 189–213] и целый ряд других исследователей, таких как Б. Хеттне, Б. Рассет, предлагают рассматривать конфликт между глобализацией и регионализацией скорее как теоретический, нежели реальный. По их мнению, последняя является неотъемлемой частью глобализации. Процесс регионализации в этом смысле стал развитием усиливающегося процесса экономической децентрализации, миграции, социальных изменений и прочих явлений современного экономического и социального развития. Как считает американский политолог Майкл Китинг, регионы в новых условиях глобализации постепенно превращаются в целые системы производства, а не просто в зону экономической активности [14]. Следуя этой логике, можно ожидать того, что и конкуренция, и сотрудничество между различными региональными объединениями – ЕС, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР, ЕАЭС и др. – в условиях глобализации будет усиливаться и в то же время стимулировать дальнейшую динамику регионализации во всем мире. Региональные объединения будут совершенствовать инструменты взаимодействия, надгосударственные экономические и политические институты, чтобы одержать верх в конкурентных условиях глобализации. Соответственно, вперед будут

вырываться те, кто наиболее успешно приспособился к условиям глобализации. Таким образом, глобализация будет стимулировать и одновременно корректировать процесс регионализации.

Третий подход предлагает рассматривать региональные процессы как явления, обладающие определенной долей автономии от глобализации, имеющие собственную логику развития и движущие силы. В частности, географические, цивилизационные, культурно-религиозные особенности и закономерности в отдельных регионах мира позволяют рассматривать их в качестве довольно независимых элементов современной международной среды, которые способны сами оказывать воздействие на окружающее их пространство [2, с. 33–34]. Однако даже здесь предполагается скорее теоретическое обособление, возможное лишь для более подробного изучения процесса регионализации применительно к конкретным региональным союзам и объединениям, без серьезных попыток изолировать их от общего процесса глобализации, в рамках которого они протекают.

Таким образом, становится очевидно, что тесная взаимосвязь между глобализацией и регионализацией является естественным результатом развития современного мира и будет сохраняться в дальнейшем. При этом, являясь непрерывными процессами, и глобализация, и регионализация современного мира будут эволюционировать вместе с его политической, экономической и социальной средой.

Эволюция современных международных отношений во многом подталкивает нас к переосмыслению прогнозов относительно поступательного развития и углубления как процессов глобализации, так и регионализации. Преобладают две тенденции: центробежная, которая набирает силу в условиях разрастания конфликта, и центростремительная, которая опирается на установившиеся межгосударственные институциональные структуры. От того, какая из этих тенденций будет носить более фундаментальный характер, и зависит будущее интеграционных процессов в различных регионах.

В настоящее время складывается ситуация расширяющейся конфликтной среды в системе международных отношений. Помимо обсуждения масштабных региональных конфликтов и противоречий (Украина, Ближний и Средний Восток, Южный Кавказ, Тайвань, Центральная Африка) все чаще говорят о разделительных линиях между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Наш аргумент состоит в том, что там, где конфликтный потенциал будет доминировать, вероятнее всего интеграционный импульс будет уступать изоляционизму и ослаблению горизонтальных связей в различных областях, где еще вчера наблюдался прогресс. И наоборот, там, где институты, формальные и неформальные межгосударственные связи имеют более

выраженное влияние на экономические и политические процессы взаимодействия стран региона, интеграционные процессы будут углубляться.

Общие угрозы безопасности, как правило, могут способствовать процессам регионализации, как это происходило со странами ядра АСЕАН или странами Персидского залива. В Юго-Восточной Азии нежелание стать объектом соперничества двух сверхдержав – СССР и США, – видя к каким разрушительным последствиям это противостояние может привести на примере Кореи и Вьетнама, страны АСЕАН воспринимали коммунизм, исходящий прежде всего от Китая, как общую угрозу. В случае с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) Ирак виделся как общая потенциальная угроза, подталкивающая страны к созданию регионального объединения, включающего и военную составляющую.

Однако в случае, если члены регионально-го объединения воспринимают внешние военно-политические угрозы по-разному, это, как правило, ведет к расколу и дезинтеграции. В качестве примера можно привести упомянутый ССАГПЗ, когда в 2014 г. возникли трения внутри объединения по вопросу о взаимодействии и сотрудничестве с организацией «Братья-мусульмане». Еще одним примером может стать и ЕС после кризиса 2008 г., и особенно в условиях миграционного кризиса 2015 г. Страны-участницы Европейского союза имели серьезные трения, так как по-разному видели способы и пути преодоления его последствий. Выход Британии из ЕС не в последнюю очередь был связан с этими процессами.

Прямая аналогия может быть проведена и в отношении процессов на евразийском пространстве. В частности, страны ЕАЭС и ШОС по-разному воспринимают угрозы, исходящие со стороны таких игроков, как ЕС, США и НАТО. По мере нарастания различий во внешнеполитических взглядах и, возможно, внешнеэкономических приоритетах, интеграционные тенденции могут смениться на центробежные.

Тем не менее в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что меняющаяся международная повестка, а также турбулентность, которую переживает современная система международных отношений, заставляет по-новому взглянуть на существующие теории регионализации. Не исключено, что следует задаться вопросом, насколько они полноценно объясняют интеграционные процессы в новых условиях трансформации основ миропорядка.

Список литературы

1. Nye J. S. International Regionalism. Readings. Boston : Little, Brown & Co., 1968. 432 p.
2. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов

- и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58.
3. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 592 p.
 4. Глухарев Л. Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа. 2003. № 3. С. 23–34.
 5. Mitrany D. *The Functional Approach to World Organization* // *International Affairs*. 1948. Vol. 24, iss. 3. P. 350–363.
 6. Haas E. B. *International Integration: The European and Universal Process* // *International Organization*. 1961. Vol. 15, № 3. P. 366–392.
 7. Hooghe L., Marks G. *Grand Theories of European Integration in the Twenty-First Century* // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26 (8). P. 1113–1133.
 8. Kaplan M. *System and Process in International Politics*. New York : John Wiley and Sons, 1957. 283 p.
 9. Цыганков П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 25–40.
 10. Deutsch K. *Nationalism and Social Communication*. Cambridge : M.I.T. Press, 1966. 358 p.
 11. Björn H. András Inotai, Osvaldo Sunkel eds. *Globalism and the New Regionalism* : in 2 vols. London : Palgrave, Macmillan Press, 1999. Vol. 1. 437 p.
 12. Söderbaum F. *Comparative Regional Integration and Regionalism* // *The SAGE Book of Comparative Politics* / ed. by Todd Landman, Neil Robinson. London : SAGE Publications, 2009. P. 477–496.
 13. Mittelman J. *Rethinking the “New Regionalism” in the Context of Globalization* // *Global Governance*. 1996. Vol. 2, № 2. P. 25–53.
 14. Keating M. *The New Regionalism in Western Europe. Territorial restructuring and Political Change*. Aldershot : Edward Elgar Publishing, 1998. 242 p.

Поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 21.11.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 250–256

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 250–256

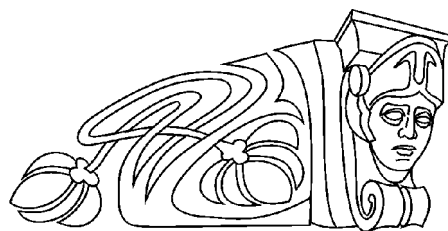
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-250-256>, EDN: ТРКНУ

Научная статья

УДК 94(477)|2014/2024|:341

Украинский кризис и современное международное право

А. В. Чолахян¹, В. А. Чолахян²✉

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Арсен Вачаганович кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. arsen.cholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8769-1905>, AurlorID: 844421

Чолахян Вахаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AurlorID: 474841

Аннотация. В статье представлены историко-правовые аспекты украинского кризиса в контексте развития современного международного права. События на Украине в 2014–2024 гг. актуализировали многие институты современного международного права: иерархию принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение, проблему сепарации и роль референдумов в создании новых независимых государств, вопрос их признания на международной арене и защиты соотечественников за рубежом. Слабая кодификация норм права, их различное толкование и отсутствие готовых решений на вызовы современности свидетельствуют о том, что современное международное право представляет собой своеобразный баланс, расклад сил в международных отношениях, который может меняться в зависимости от различных факторов. Авторский анализ показывает, что новые реалии современного мира вносят коррективы в трактовках вопросов сепарации, роли и признания референдумов за независимость. Концепция «Отделение во имя спасения» является одним из современных проявлений взаимосвязи принципа всеобщего уважения прав человека с принципом права народов на самоопределение.

Ключевые слова: международное право, украинский кризис, принцип территориальной целостности государств, права народов на самоопределение, всеобщего уважения прав человека, референдум, сепарация, «Отделение во имя спасения», независимость

Для цитирования: Чолахян А. В., Чолахян В. А. Украинский кризис и современное международное право // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 250–256. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-250-256>, EDN: ТРКНУ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Ukrainian crisis and modern international law

A. V. Cholakhyan¹, V. A. Cholakhyan²✉

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arsen V. Cholakhyan, arsen.cholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8769-1905>, AurlorID: 844421

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AurlorID: 474841

Abstract. The article presents the historical and legal aspects of the Ukrainian crisis in the context of the development of modern international law. The events in Ukraine in 2014–2024 actualized many institutions of modern international law: the hierarchy of principles of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination, the problem of secession and the role of referendums in the creation of new independent states, the issue of their recognition in the international arena and the protection of compatriots abroad. The weak codification of the norms of law, their different interpretations and the lack of ready-made solutions to the challenges of our time indicate that modern international law represents a kind of balance, the balance of power in international relations, which can change depending on various factors. The author's analysis shows that the new realities of the modern world are making adjustments in the interpretation of the issues of secession, the role and recognition of referendums for independence. The concept of "Separation in the name of salvation" is one of the modern manifestations of the relationship between the principle of universal respect for human rights and the principle of the right of peoples to self-determination.

Keywords: international law, the Ukrainian crisis, the principle of territorial integrity of states, the right of peoples to self-determination, universal respect for human rights, referendum, secession, "Secession in the name of salvation", independence

For citation: Cholakhian A. V., Cholakhian V. A. The Ukrainian crisis and modern international law. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 250–256 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-250-256>, EDN: ТРКНЈУ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

События на Украине в 2014–2024 гг. актуализировали многие институты современного международного права: иерархию принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение, проблему сепарации и роль референдумов в создании новых независимых государств, вопрос их признания на международной арене и защиты соотечественников за рубежом. Украинский кризис показал наличие множества лакун и пробелов в международном праве. Слабая кодификация норм права, их различное толкование и отсутствие готовых решений на вызовы современности свидетельствуют о том, что международное право оказалось далеко от универсальности. Оно представляет собой своеобразный баланс, расклад сил в международных отношениях, который может меняться в зависимости от различных факторов.

После окончания Второй мировой войны основные принципы международного права, продиктованные сформировавшейся Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений, были закреплены в Уставе ООН. В годы холодной войны и вплоть до конца 1980-х гг. происходило глобальное геополитическое противостояние в мире между двумя военно-политическими блоками, во главе которых стояли СССР и США. Советский Союз руководствовался принципом мирного сосуществования государств с различным общественным строем, который, не будучи общепризнанным, реально рассматривался всеми государствами как базовый в международных отношениях.

Западные страны и США с подачи Збигнева Бжезинского стремились возвести принцип всеобщего уважения прав человека в ранг универсальной нормы международного права. При этом если в условиях двухполярного мироустройства проблема соблюдения и гарантирования прав и свобод входила в компетенцию национальных государств, то с 1990-х гг. она приобрела международный характер и перестала «относиться к числу исключительно внутренних дел государства» [1, с. 162]. Этот процесс получил международно-правовое закрепление в Венской декларации ОБСЕ (1989 г.), в Парижской хартии для Новой Европы (1990 г.), на Московской конференции по человеческому измерению (1991 г.) и на Всемирной конференции по правам человека в Вене (1993 г.). Расширительное толкование принципа всеобщего уважения прав человека позволило западным государствам, и в первую очередь США, вмешиваться во внутренние дела любого неудобного для них государства под предлогом защиты прав и свобод граждан.

Самороспуск Варшавского договора и распад СССР привели к существенным геополитическим изменениям в международных отношениях. Окончание холодной войны, воспринятое на Западе как победа, привело к расширению НАТО на восток. Мир стал реально однополярным, а НАТО превратилось в главный инструмент глобальной гегемонии США и вплотную приблизилось к границам России.

Вступление стран Балтии в НАТО создало прецедент расширения Североатлантического альянса за счет других республик бывшего Советского Союза. В частности, на Украине в 2004 г. произошла прозападная «оранжевая революция», а в феврале 2014 г. – государственный переворот при поддержке западных стран. Новые власти Украины взяли курс на вступление в ЕС и НАТО. Однако русскоязычное население Крыма и Юго-Востока Украины отказалось признавать результаты государственного переворота. В ответ киевские власти организовали военную карательную операцию против собственного населения, нарушая права и свободы граждан. Это привело к полномасштабному кризису на Украине, к гражданской войне, в ходе которой ряд территорий объявили о своей независимости, об отделении и вступлении в состав России.

Внутриполитический украинский кризис сопровождался массовыми нарушениями общепризнанных принципов и норм международного права, в частности, всеобщего уважения и соблюдения прав человека, что стало причиной роста стремления русскоязычного населения Юго-Востока страны к реализации своего права на самоопределение. В ходе его реализации выявились противоречия основополагающих принципов международного права: нерушимости государственных границ, территориальной целостности государств, всеобщего уважения прав человека и самоопределения народов и наций.

В истории человечества противоречивость этих принципов не раз выражалась в территориальных спорах и вооруженных конфликтах между государствами, в гражданской войне и стремлению отдельных народов к независимости, что делало мировую систему в целом весьма неустойчивой. Проявлением роста национальной идентичности народов становится стремление к отстаиванию своего права на самоопределение, которое все чаще заканчивается вооруженными конфликтами внутри государства и гражданской войной.

В научной литературе доктринальное толкование содержания принципа самоопределения народов и наций и принципа территориальной

целостности государства включают в себя как антиколониальные концепции и подходы, отстаивающие территориальную целостность государств, так и теоретические обоснования правомерности одностороннего провозглашения независимости (сецессии). Впервые право народов на самоопределение было закреплено в Уставе ООН в 1945 г. [2].

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. нашло отражение двойственное понимание содержания двух международно-правовых принципов: в случае сецессии, т. е. выхода из государства и выделения части его территории, верховенство устанавливалось за принципом территориальной целостности, а при самоопределении без нарушения территориальной целостности (например, самоопределение в форме создания автономий), преимущество имел принцип самоопределения народов [3].

Отсутствие механизма взаимодействия двух основополагающих принципов международного права усложняло процесс самоопределения народов. В результате крайней политизированности принципов международного права возникло множество как вооруженных, так и невооруженных (межнациональных) конфликтов: сецессия Эритреи, образование Турецкой Республики Северного Кипра, спор по Восточному Тимору между Португалией и Австралией и др. [4].

Распад СССР и СФРЮ, образование новых независимых государств, завершение процесса деколонизации и объединение Германии оказали огромное влияние на соотношение международных принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов. В условиях однополярного мира доминирующим становится принцип территориальной целостности в качестве базиса нового миропорядка. В соответствии с Алма-Атинской декларацией от 21 декабря 1991 г. западные страны, США и международные организации стали рассматривать внутренние административные границы, существовавшие между союзными республиками СССР, в качестве государственных границ.

На протяжении всего существования СССР административные границы бывших союзных республик менялись не только в зависимости от изменения внешних границ, но и исходя из экономической и политической целесообразности. И хотя в основу формирования административных границ был положен этнический фактор, внутренние границы носили формальный характер в соответствии с интересами классового, пролетарского интернационализма. В частности, опасаясь обвинения в великодержавности, В. И. Ленин в 1918 г. добился ликвидации Донецко-Криворожской советской республики и ради советизации Украины передал ей большую часть Донбасса, Новороссии и район древнего русского города Путивля (ныне в Сумской области).

В результате Украина получила промышленно развитые территории Малороссии, а начавшийся процесс «украинизации» значительно увеличил пролетарскую часть населения. После окончания Великой Отечественной войны Восточная Галиция и Волынь, Северная Буковина и Южная Бессарабия, Закарпатье и, наконец, Крым также вошли в состав Украинской ССР.

После распада СССР впервые на протяжении многовековой истории России примерно 25 млн чел., считающих себя русскими, оказались разделены политическими границами на территориях нескольких соседних государств. Новая российская политическая элита страны была занята укреплением своей власти и приватизацией. В условиях отсутствия массового национального движения русский этнонационализм не вполне сформировался и не стал серьезной силой как на внутреннем пространстве России, так и во внешних сношениях. В силу объективных и субъективных обстоятельств на протяжении нескольких столетий российская элита была в большей степени заинтересована в расширении границ государства, нежели в укреплении национального самосознания. В годы советской власти большевики объявили Российскую империю «тюрьмой народов» и под лозунгом борьбы с «великорусским шовинизмом» всячески подавляли русский этнический национализм.

Объективно процесс формирования национальной идентичности русских сдерживался общностью культурных, языковых и исторических корней России, Белоруссии и Украины, условностью границ между восточными славянами, что заставляло русскую элиту до последнего времени «смягчать» свой национализм. Это обстоятельство разительно отличало постсоветскую Россию от других бывших республик СССР, в частности, государств Балтии, Армении, Грузии, Украины, для которых проблема национальных границ с самого начала обретения независимости являлась первостепенной. Слабость российской политической элиты и ее неспособность четко сформулировать национальные интересы стали ключевыми факторами мирного распада Советского Союза. Примечательно, что именно Россия стала инициатором подписания 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств». По утверждению М. С. Горбачева, «если бы не позиция России, у сепаратистов других республик никогда не хватило бы сил развалить Союз» [5]. При этом Россия в результате государственного размежевания утратила свои «естественные границы» на юге и юго-востоке, к которым стремилась веками, а на западе вернулась к рубежам XVI в. [6].

В начале 2000-х гг. в российской политической элите происходит постепенный рост националистических настроений, выразившихся,

в частности, в концепции о «разделенности русской нации» [7]. Поиски новой российской идентичности привели к формированию наднациональной цивилизационной концепции: Россия – государство-цивилизация, которая включает в себя Русский мир, объединяющий всех носителей русского языка, культуры и исторической памяти [8].

Реакция Запада на цивилизационное предопределение России выразилась в активной политической и финансовой поддержке государственного переворота на Украине в феврале 2014 г. Пришедшие к власти радикалы в Киеве взяли курс на ассоциацию Украины с Евросоюзом и вступление в НАТО. Подавляющее большинство населения Республики Крым отказалось признавать антиконституционный переворот на Украине и на всенародном референдуме 16 марта 2014 г. высказалось за воссоединение с Россией [9].

Государственный переворот в Киеве «открыл дорогу гражданской войне, кровопролитию и насилию на Украине» [10]. События развивались со стремительной быстротой: гражданское противостояние в Одессе 2 мая 2014 г. обернулось пожаром в Доме профсоюзов и массовым убийством противников киевского майдана при полном непротивлении милиции; нежелание русскоязычного населения Юго-Востока страны признать антиконституционный переворот в Киеве привело к вооруженному противостоянию внутренних войск, Национальной гвардии и «Правого сектора» с силами народного ополчения в Донецкой и Луганской областях.

Грубые нарушения прав человека и карательные операции украинских войск вместо мирного диалога с местным населением стали причинами всенародного референдума 11 мая 2014 г. о независимости Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) народных республик. В ответ Украина объявила ДНР и ЛНР террористическими организациями и стала проводить антитеррористическую операцию (АТО). В разгорающейся гражданской войне на Украине ДНР и ЛНР представляли собой уже отдельные административно-территориальные образования. Первоначально они боролись за безопасность и самосохранение русскоязычного населения. Однако впоследствии, под угрозой физического уничтожения, они были вынуждены встать на путь отделения от Украины.

Начало гражданской войны и массовая гибель людей на Юго-Востоке Украины заставили Россию выступить в качестве защитника соотечественников. В сентябре 2014 г. и феврале 2015 г. в ходе переговоров в Минске удалось подписать и согласовать комплекс мер по прекращению военных действий. Кроме того, Украина признавала необходимость исполнять свои социальные обязательства перед жителями ДНР и ЛНР, которые она официально прекратила с 7 ноября

2014 г. [11]. Украинская сторона также согласилась осуществить реформу по децентрализации власти, на законодательном уровне определить особый статус Донбасса и провести досрочные выборы. Наряду с представителями России (М. Зурабов), Украины (Л. Кучма) и ОБСЕ (Х. Тальявини), свои подписи под итоговым документом поставили главы ЛНР и ДНР И. Плотницкий и А. Захарченко, что свидетельствовало о международном признании их сторонами конфликта [12]. Они же участвовали 12 февраля 2015 г. в подписании нормандской четверкой (Россия, Украина, Германия и Франция) Меморандума об исполнении положений Протокола от 19.09.2014 г. [13].

Однако власти Киева не собирались выполнять Минские соглашения: «антитеррористическая операция» против ДНР и ЛНР продолжалась, ужесточились преследования населения страны по религиозному признаку, социальные обязательства не осуществлялись. В этих условиях Россия, выступающая в конфликте как один из гарантов подписанных соглашений, была вынуждена взять на себя обязательства по выплате пенсий, зарплат бюджетникам и чиновникам. По приблизительным подсчетам, за период с 2015 по 2022 г. только финансовая помощь жителям ДНР и ЛНР со стороны России составила более 500 млрд руб. [14]. Как показали дальнейшие события, Запад изначально и не планировал, чтобы Украина выполняла взятые на себя обязательства. Об этом свидетельствуют откровения бывшего канцлера Германии А. Меркель: «Минское соглашение 2014 года было попыткой дать Украине время. В начале 2015 года Путин мог легко захватить Украину. Тогда страны НАТО не смогли бы оказать Киеву поддержку в том объеме, как они это делают теперь» [15].

Отказ Украины выполнять Минские договоренности, продолжение ею политики террора против собственного русскоговорящего населения стали главными причинами признания Россией 21 февраля 2022 г. независимости ДНР и ЛНР. Через три дня, 24 февраля, Президент РФ В. В. Путин выступил с обращением к россиянам и объявил о начале специальной военной операции (СВО) на Украине «ради людей Донбасса, которые подвергались геноциду со стороны киевского режима» [16]. За восемь лет вооруженного конфликта в Донбассе погибли около 14 тыс. чел.

Идеология украинского национализма за 2004–2022 гг. трансформировалась в откровенно нацистскую, направленную против России и всех русских, в том числе и проживающих на территории Украины. В соответствии с «Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» и «Всеобщей декларацией прав человека», принятыми Генеральной Ассамблеей ООН практически одновременно в декабре 1948 г., Россия была

вынуждена выступить в защиту интересов соотечественников за рубежом [17]. В практике международных отношений аналогичные действия в 1999 г. в Косово и в 2003 г. в Ираке соответствовали доктрине гуманитарной интервенции с использованием военных средств для предотвращения или прекращения грубых массовых нарушений прав человека. В настоящее время доктрина гуманитарной интервенции, одобренная большинством стран Запада и реализуемая Россией на Украине, стала неотъемлемым элементом (обычаем) международного права.

Украинская сторона еще в 2017 г. подала в Международный суд ООН в Гааге иск против России с обвинением в финансировании терроризма, под которым подразумевались вооруженные группировки ЛНР и ДНР. Между тем эти организации на момент начала антитеррористической операции (АТО) не были признаны террористическими, и вплоть до 2022 г. киевские власти вели с ними переговоры. Международный суд ООН отверг эти требования, тем самым лишил легитимных оснований для конфискации российских активов на Западе и передачи их Украине в качестве компенсаций [18].

В феврале 2022 г. Украина подала очередной иск в Международный суд ООН в Гааге против России с требованием ввести обеспечительные меры относительно интерпретации, применения и выполнения Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. В своих исковых требованиях украинская сторона отрицает факты геноцида в Донбассе и настаивает на неправомерности использования Россией конвенции о геноциде для признания ДНР и ЛНР и проведения специальной военной операции (СВО). Столь долгое рассмотрение данного иска объясняется тем, что конвенция не регулирует вопросы, поставленные украинской стороной. Теперь, по сути, Украина вынуждена сама доказывать свою невиновность, в то время как Россия представила убедительные доказательства геноцидальных действий киевского режима: с 2014 г. по июль 2023 г. Следственный комитет России возбудил 3286 уголовных дел по преступлениям Киева против мирного населения Донбасса [19].

В ходе СВО под контроль российских войск перешли Херсонская и большая часть Запорожской областей. С 23 по 27 сентября 2022 г. на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей прошли референдумы по вопросу вхождения регионов в состав России на правах субъектов РФ, на которых более 90% проголосовавших высказались за вхождение в её состав. 30 сентября Президент РФ В. В. Путин и главы ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей подписали международные договоры о принятии этих регионов в состав России [20].

В условиях гражданской войны, террора и фактического геноцида по отношению к русскоговорящему населению сецессия ДНР, ЛНР,

Запорожской и Херсонской областей вполне укладывается в концепцию «Отделение во имя спасения» и является одним из современных толкований взаимосвязи принципа всеобщего уважения прав человека с принципом права народов на самоопределение. По нашему мнению, теоретическая концепция «Отделение во имя спасения» соответствует принципу всеобщего уважения прав человека, поскольку в ее основу положено право на жизнь. Суть данной нормы заключается в том, что без реализации принципа самоопределения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей невозможно было добиться достижения принципа всеобщего уважения прав и свобод человека. Концепция «Отделение во имя спасения» является конкретизацией общего принципа самоопределения народов и наций и свидетельствует о том, что международная теория неизбежно следует за международной практикой.

Именно принцип «Отделение во имя спасения» был заложен в основе процесса самоопределения Косово. В 2008 г. парламент Косово без обращения к центральной власти Сербии, без референдума принял декларацию о независимости. Коллективный Запад в 2010 г. в лице Международного суда признал правомочной сецессию Косово, создав тем самым прецедент в международном праве [21]. На наш взгляд, такая увязка принципа самоопределения народов и принципа всеобщего уважения прав и свобод человека отражает современное состояние движения международно-правовой материи. Практическая реализация подобной трактовки принципов международного права зависит от соотношения сил на политической арене в тот или иной конкретно-исторический период. Данное решение можно считать показательным примером преобладания политических аспектов проблемы над правовыми вопросами. Оно создало прецедент в международном праве, который поддержали большинство стран Запада. Новые реалии современного мира вносят коррективы в трактовках вопросов сецессии, роли и признания референдумов за независимость.

С международно-правовой точки зрения референдумы на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей и вхождение их в состав РФ являются отражением коллизии двух основополагающих принципов международного права: с одной стороны, самоопределения народов и наций, а с другой – территориальной целостности государства и нерушимости границ. После государственного переворота в Киеве на Юго-Востоке Украины имеют место массовые нарушения принципа всеобщего уважения прав и свобод человека по национальному и религиозному признакам. Украинское государство оказалось не в состоянии обеспечить жителям этих регионов право на жизнь, неприкосновен-

ность личности, жилище, труд, собственность, социальное обеспечение и т. д.

В международном праве до сих пор нет общепризнанного подхода к определению необходимости проведения референдума по вопросу права на самоопределение. В качестве критериев для признания легитимности референдумов о праве выхода (сецессии) часто ссылаются на наличие соответствующего национального законодательства или согласие материнского государства, а также возможность волеизъявления народа по инициативе и под контролем международных организаций. В частности, Венецианская комиссия в своем Заключении от 21 марта 2014 г. по крымскому референдуму признала его неконституционным, поскольку конституция Украины предусматривает проведение лишь всеукраинского референдума, что в условиях фактической гражданской войны не представляется возможным [22].

При вынесении консультативного решения Венецианская комиссия не учла нарушение Конституции СССР при передаче Крыма Украине в 1954 г., а также антиконституционный государственный переворот в Киеве в 2014 г. Ведь Конституция Украины не предусматривает неконституционный приход к власти радикалов. Поэтому «в условиях конституционно-правовой неопределенности на Украине, преобладающее конституционно-правовое значение для Крыма приобрели конституционные акты и волеизъявление народа Крыма» [23].

Политизированное решение Венецианской комиссии противоречит Консультативному заключению Международного суда 2010 г. по одностороннему провозглашению суверенитета Косово. В кризисных ситуациях, принимающих характер вооруженного конфликта, в мировой истории не раз бывали случаи, когда происходила сецессия. В частности, признание Англией в 1985 г. права народа Ирландии на объединение без согласия всех британцев, отделение Эритреи от Эфиопии в 1993 г., сецессия Южного Судана от Республики Судан в 2011 г., референдум в Шотландии в 2014 г.

Таким образом, анализ историко-правовых аспектов украинского кризиса в контексте развития международного права свидетельствует о различном толковании норм права и отсутствии готовых универсальных решений на вызовы современности. В конце XX – начале XXI в. в мире произошли глобальные геополитические изменения как в международных отношениях в целом, так и концептуальных подходах к международно-правовой теории и практике. Несмотря на формальное юридическое равенство основных принципов международного права, в том числе территориальной целостности государств, права народов на самоопределение и всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека, в современном мире все более доминирует

принцип всеобщего уважения прав и свобод человека. Исторический опыт свидетельствует о том, что в тех случаях, когда то или иное государство пренебрегает своими международными обязательствами и нарушает коллективные права и свободы человека, практическая реализация принципа всеобщего уважения прав человека неотделима от беспрепятственного осуществления права народов и наций на самоопределение.

Украинский кризис, развязанный прозападными силами, вверг страну в пучину гражданской войны, в ходе которой жители Донбасса подвергались геноциду со стороны киевского режима. В этих условиях особую актуальность приобретает новая теоретическая концепция «Отделение во имя спасения», которая представляет собой взаимосвязь и взаимозависимость принципа всеобщего уважения прав человека с принципом права народов на самоопределение. Отделение ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей от Украины и их вхождение в состав Российской Федерации стало гарантией защиты жизни, прав и свобод русскоязычного населения. Такое «Отделение во имя спасения» вполне соответствует решению Международного суда 2010 г. по вопросу самоопределения Косово.

Список литературы

1. Действующее международное право : в 3 т. / сост. Ю. Н. Колосов, Э. С. Кривчикова. М. : Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1999. Т. 2. 358 с.
2. Устав ООН // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 27.11.2024).
3. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный Акт. Хельсинки 1975 // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 28.11.2024).
4. Чолахян А. В., Чолахян В. А. Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 370–377. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>
5. Горбачев признал частичную ответственность за распад СССР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20161221/1484259726.html> (дата обращения: 17.11.2024).
6. Минаев А. В. Процесс правового закрепления объявленных государственных границ Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 77–92.
7. Будущее России: нация или цивилизация // Официальный сайт Константина Затулина. URL: <https://zatulin.ru/budushhee-rossii-naciya-ili-civilizaciya/> (дата обращения: 17.11.2024).
8. Россия как цивилизация цивилизаций. Круглый стол СВОП // Совет по внешней и оборонной политике.

- URL: <http://svop.ru/meeting/47029/> (дата обращения: 17.11.2024).
9. Подписан договор о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20604> (дата обращения: 17.11.2024).
 10. Путин констатировал факт гражданской войны на Украине // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2014/05/23/ukrwar/> (дата обращения: 20.11.2024).
 11. Правительство Украины официально отрезало территории ДНР и ЛНР от финансирования // Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1864164.html> (дата обращения: 22.11.2024).
 12. Полный текст минского мирного протокола между ДНР–ЛНР и Украиной // Российский диалог. URL: http://www.rusdialog.ru/news/4237_1410076959 (дата обращения: 22.11.2024).
 13. Встреча нормандской четверки 11–12 февраля 2015 года // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170211/1487676089.html> (дата обращения: 22.11.2024).
 14. Отделяй и властвуй // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5357468> (дата обращения: 22.11.2024).
 15. Меркель: Минские соглашения были попыткой дать Украине время – и она его использовала // ИноТВ. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-12-08/Merkel-Minskie-soglasheniya-bili-popitkoj> (дата обращения: 22.11.2024).
 16. Обращение Президента Российской Федерации // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 22.11.2024).
 17. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 22.12.2024).
 18. Как Украина проиграла России в суде ООН // Известия. URL: <https://iz.ru/1645475/andrei-kuzmak/uroki-fekhtovaniia-kak-ukraina-proigrala-v-mezhdunarodno-m-sude-onn> (дата обращения: 22.12.2024).
 19. Москва передала в суд ООН материалы о совершении Киевом геноцида в Донбассе // Взгляд. URL: <https://vz.ru/news/2024/11/18/1298629.html> (дата обращения: 22.12.2024).
 20. История вхождения республик Донбасса, Запорожской и Херсонской областей в состав РФ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/15941231> (дата обращения: 22.11.2024).
 21. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 22 июля 2010 г. (по Косово) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2010/07/1167021> (дата обращения: 22.11.2024).
 22. Заключение «О соответствии международному праву проекта Федерального конституционного закона № 462741-6 “О внесении изменений в федеральный конституционный закон Российской Федерации “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» // Venice Commission of the Council of Europe. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2014\)004-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2014)004-rus) (дата обращения: 29.11.2024).
 23. Как европейская комиссия принимала решение по крымскому референдуму // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/04/18/habrieva.html> (дата обращения: 29.11.2024).

Поступила в редакцию 08.12.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.12.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 257–263

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 257–263
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-257-263>, EDN: TYXUFT

Научная статья

УДК [323.269.6:616.932:323.398](470.44)|18|

«Беспощадный холерный бунт черни»: причины и характер массовых народных выступлений в Саратовской губернии в XIX веке

А. Ю. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Александр Юрьевич, аспирант кафедры истории России и археологии, varfolomeev-alexandr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4115-274X>, AuthorID: 1188579

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальных волнений, вызванных эпидемиями холеры на территории России в XIX в. Предметом исследования автора являются региональные аспекты проблемы, а именно события, происходившие на территории Саратовской губернии, до сих пор остающиеся малоизученными в историографии. На основе анализа документальных материалов, хранящихся в Государственном архиве Саратовской области, выявляются причины и характер «холерных бунтов» в Саратовской губернии. Социальные беспорядки, имевшие явные черты погрома, показали высокий уровень недоверия к проводимым властями противохолерным мероприятиям.

Ключевые слова: эпидемии холеры, социальные волнения, «холерные бунты», Российская империя, Саратовская губерния

Для цитирования: Варфоломеев А. Ю. «Беспощадный холерный бунт черни»: причины и характер массовых народных выступлений в Саратовской губернии в XIX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 257–263. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-257-263>, EDN: TYXUFT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“The merciless Cholera Riot of the mob”:

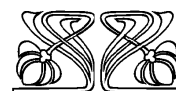
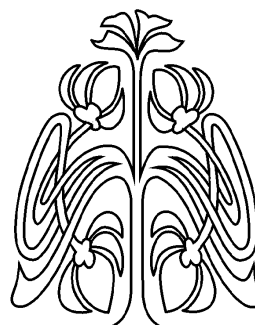
Causes and nature of mass popular riots in the Saratov Province in the 19th century

A. Yu. Varfolomeev

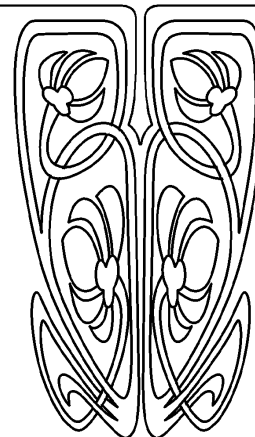
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexandr Yu. Varfolomeev, varfolomeev-alexandr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4115-274X>, AuthorID: 1188579

Abstract. The article is devoted to the problems of social unrest caused by cholera epidemics in Russia in the 19th century. The subject of the author's research is regional problems, namely the events that took place in the Saratov province, which still remain poorly studied in historiography. Based on the analysis of documentary materials stored in the State Archives of the Saratov Region, the causes and consequences of the “cholera riots” in the Saratov province

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

are revealed. Social unrests, which had obvious features of a pogrom, showed a high level of mistrust in the anti-cholera measures taken by the authorities.

Keywords: cholera epidemics, social unrests, "cholera riots", Russian Empire, Saratov province

For citation: Varfolomeev A. Yu. "The merciless Cholera Riot of the mob": Causes and nature of mass popular riots in the Saratov Province in the 19th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 257–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-257-263>, EDN: TYXUFT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За XIX в. эпидемия холеры пять раз затрагивала территорию Российской империи, становясь причиной многочисленных демографических, социальных и экономических проблем. В то же время в восприятии населения зачастую преобладала негативная реакция на применявшиеся медицинские практики и организованные властью противоэпидемические мероприятия. Искажённое восприятие ситуации приводило к серьёзным социальным волнениям, о которых и пойдёт речь в данной статье.

Исследованию социальных волнений, связанных с холерными эпидемиями («холерных бунтов»), посвящен ряд научных работ, авторы которых обращались к историческим примерам, характерным для различных регионов Российской империи. В основном они освещают хронику беспорядков, происходящих в Санкт-Петербурге в 1831 г. Среди них можно выделить диссертацию К. С. Барабановой «Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации», в которой автор поднимает проблему отношений власти и общества в контексте холерной эпидемии 1831 г. в Санкт-Петербурге [1]. Напрямую к рассматриваемой в статье проблематике также относится ряд научных статей К. С. Барабановой, посвященных «региональной специфике» и «имперской общности» в отношении исторической реальности «холерных бунтов» [2, с. 130–144]. Другой исследователь – А. К. Егоров изучил характерные источники возникновения и распространения слухов об отравлении во время эпидемии холеры 1830–1831 гг. в России [3, с. 32–34], а также рассмотрел особенности поведения населения в кризисных эпидемических ситуациях, акцентируя внимание на способности власти стабилизировать ситуацию и найти диалог с обществом [4, с. 524–540]. И. В. Егорышева, наряду с анализом Петербургских волнений 1831 г., рассматривает и холерные беспорядки, происходившие в 1830 г. в Москве [5, с. 160–165]. Всесторонний анализ причин недоверия к медицине и докторам в ходе массовых холерных беспорядков провела в своей работе О. А. Чагадаева, приведя в качестве одного из примеров убийство доктора А. М. Молчанова в Хвалынске в 1892 г. [6, с. 102–106]. В статье Г. В. Гарбуз на примере эпидемии холеры в Пензенской губернии в 1892 г. изучена деятельность различных правительственных и общественных структур

в ходе одной из наиболее масштабных эпидемий холеры [7, с. 77–85]. Проблему организации борьбы с эпидемиями холеры, по своим масштабам и последствиям представлявшую реальную угрозу национальной безопасности России в XIX – начале XX в., рассмотрели в своей статье Е. М. Смирнова и Н. Т. Ерегина [8, с. 33–48]. Вместе с тем обращает на себя внимание явный недостаток специальных исследований о «холерных беспорядках» на территории Саратовской губернии. Исключением является работа немецкого ученого Ш. Визе, который скрупулезно оценил влияние слухов на холерные беспорядки в Саратове в 1892 г. [9, с. 300–318]. Английская исследовательница Шарлотта Э. Хенц в своей монографии пришла к выводу, что холерные бунты стали для саратовцев инструментом выражения недовольства властью. По ее мнению, насилие, вспыхнувшее на улицах Саратова, Астрахани и Царицына, продемонстрировало отчуждение значительной части населения от государственных институтов, которые не только создали условия для распространения эпидемии, но и продемонстрировали недостаточное уважение к гражданским свободам в борьбе с эпидемией [10, с. 170]. О выступлениях крестьян в период эпидемий в соседнем с Саратовом регионе – в Самарской губернии содержится информации в коллективной монографии «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» [11].

Документальные материалы о социальных волнениях, связанных с эпидемиями холеры на территории губернии в XIX в., в основном содержатся в фондах Государственного архива Саратовской области, а именно: фонд № 7 «Саратовская судебная палата Министерства юстиции. 1871–1918», фонд № 8 «Саратовский окружной суд Министерства юстиции. 1871–1918», фонд № 10 «Прокурор Саратовского окружного суда Министерства юстиции. 1871–1917» и фонд № 55 «Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах. 1867–1917». Отдельные сведения о бунтах 1892 г. содержатся и в опубликованных источниках. Среди них мемуары современников: воспоминания саратовского адвоката и общественного деятеля, гласного городской думы И. Я. Славина [12], саратовского губернского предводителя дворянства, земского начальника В. А. Шомпулева [13].

Различная информация о беспорядках, произошедших в «холерном» 1892 г., публиковалась в периодической печати – газете «Саратовские епархиальные ведомости» [14, с. 507]. Здесь также стоит отметить неравномерное распределение информации о холерных волнениях: наибольшее количество сведений приходится на 1892 г., из чего можно сделать вывод, что народное недовольство не распространялось на Саратовскую губернию из других регионов в предыдущие холерные эпидемии, а местное население в своих протестных настроениях не переходило к крайним насильственным мерам. Размышляя о массовых выступлениях, связанных с эпидемиями, К. С. Барабанова отмечает, что «не в каждом населенном пункте, охваченном эпидемией, население уничтожало больницы и убивало врачей или чиновников» [15, с. 1733–1744].

Драматический характер событий, связанных с эпидемическими волнениями, нашел отражение на страницах художественных произведений. Трагический эпизод с хвалынским врачом А. М. Молчановым запечатлен В. В. Вересаевым в повести «Без дороги» [16]. В основу этого произведения был положен личный опыт автора в бытность его работы санитарным врачом. Уроженец Хвалынска выдающийся художник и писатель К. С. Петров-Водкин в повести «Хлыновск» ярко и достоверно описал эти страшные сцены [17].

Впервые холера появилась на территории России в сентябре 1823 г. Проникнув из Персии, болезнь была зарегистрирована у работников астраханского порта [18, с. 55]. Никаких особых мероприятий по борьбе с эпидемией не проводились, так как многие медицинские специалисты на тот момент вообще сомневались, что холера передается от человека к человеку [19]. В итоге открывшаяся в сентябре эпидемия к началу октября прекратилась «сама собою» [20, с. 253]. В течение одного месяца заболело 392 жителя, из которых 205 умерли [21, с. 2].

Несмотря на то, что в XIX в. все пять пандемий так или иначе затрагивали территорию Российской империи, в том числе и Саратовскую губернию, серьезные волнения на ее территории произошли только в 1892 г., после того как почти одновременно в 20-х числах июня в Саратове, Царицыне и Хвалынске были зарегистрированы первые случаи заболевания холерой [22, л. 2 об.]. Утром 27 июня 1892 г. поступила информация о том, что на пароходе «Ниагара», находящемся в районе г. Камышина, среди пассажиров было выявлено три человека, зараженных холерой. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что большинство пассажиров незадолго до этого, находясь еще в Астрахани, взбунтовались, отказываясь подчиняться распоряжениям властей, вводивших непопулярные ограничительные меры [23, с. 25–37]. Чтобы избежать

непредсказуемых последствий, «Ниагару» остановили примерно в 20 верстах от Саратова, а для обеспечения порядка на судно был отправлен отряд солдат. После проведения необходимых санитарно-эпидемиологических мероприятий пассажиры продолжили дальнейший путь на другом пароходе, а тех, кто оказал неповиновение, отправили домой. «Народ немного взволнован, но особого ничего нет» [24, л. 38], – докладывал саратовский губернатор Б. Б. Мещерский министру внутренних дел И. Н. Дурново.

О начале беспорядков 1892 г. в своих мемуарах пишет саратовский губернский предводитель дворянства В. А. Шомпулев. Как он сообщает, впервые холерный бунт в Саратовской губернии вспыхнул в городе Хвалынске, где начали распространяться слухи о том, что подкупленные властями врачи, «отравляют родники и разносят холеру по домам» [13, с. 196]. Вследствие этого произошла трагедия, которая получила широкую огласку в прессе и нашла свое отражение на страницах воспоминаний современников. 28 июня 1892 г. толпа бунтовщиков, подстрекаемая нелепыми слухами, начала преследовать городского врача А. М. Молчанова. В это же время в толпе появилась незнакомка, которая уверяла, что Молчанов, находясь у неё дома, обрызгал чем-то стены, после чего у неё умерла дочь. Отставной помощник пристава города Хвалынска Антоновский, оценивая крайнюю серьёзность сложившейся ситуации, посоветовал врачу скрыться, а взволнованному народу объявил, что тотчас проведёт расследование. Взяв с собой провокаторшу, он отправился к ней на дом и, оставив её там, сам отправился в другое село. Молчанов же, не придав значения нависшей над ним опасности, продолжал исполнять свой долг, навещая больных на дому и пытаясь донести до народа абсурдность распространяемых против медиков сплетен. Однако его увещевания и призывы к здравому смыслу не достигли разгневанного населения, и на следующий день он был зверски убит толпой [13, с. 196]. В своих воспоминаниях Шомпулев размышлял по поводу того, кто именно являлся автором подстрекательства. По его мнению, это были враждебные к правительству подпольные элементы, которые и доводили толпу до совершения преступлений [13, с. 195].

Сведения о зачинщиках беспорядков сообщались в газете «Саратовские епархиальные ведомости», в разделе «Епархиальная хроника». В газетных сообщениях появилась версия, что «главными возбуждательницами толпы здесь (в Хвалынске. – А. В.) были бабы, чрезвычайно упорные раскольницы» [25, с. 545]. Эту информацию подтверждает и В. А. Шомпулев [13, с. 196]. Однако исследовательница О. А. Чегодаева видит причину трагедии в том, что доктор А. М. Молчанов за весьма продолжительное время работы в Хвалынске не сумел

наладить отношения с местным населением, а в период эпидемии «при осуществлении санитарных мероприятий он легкомысленно отнесся к необходимости объяснить смысл требуемых мер, поэтому жители были настроены враждебно. Дезинфекция, которая проводилась бестактно, воспринималась горожанами как попытка травить народ и заражать холерой» [6, с. 104]. Между тем в тексте исследования мнение автора не подкрепляется аргументами. Думается, что главная причина расправы над добросовестно исполнявшим свои обязанности доктором все-таки заключалась в особенностях народного восприятия эпидемий и, кроме того, в подстрекательстве толпы антиправительственно настроенными элементами (революционерами и раскольниками), а не в «бестактном» проведении дезинфекции.

В Саратове крупные беспорядки начались 28 июня 1892 г. По воспоминаниям свидетелей, рано утром на Горной улице собралось большое количество народа, который был недоволен противохолерными мероприятиями. Не имея организатора, бунтовщики не решались на какие-либо серьезные действия, поэтому всё ограничивалось просто недовольными возгласами и выкриками [26, л. 1]. Так продолжалось до тех пор, пока в толпе не появился человек «в жёлтой вышитой рубашке, испачканной известью». Впоследствии в ходе допроса свидетелей выяснилось настоящее имя зачинщика беспорядков — его звали Николай Бурлаков [27, л. 15]. Именно он стал уверять собравшихся в том, что полиция схватила его и запрятала в холерную больницу, где доктора осыпали известью и заколотили живого во гроб, но ему удалось разбить его и сбежать. Рассказывая это, незнакомец призывал «бить докторов и полицию», а также уверял, что на Верхнем базаре сам убил двух докторов и полицейского, поэтому теперь готов вести людей на холерную больницу. Речь провокатора подействовала на разгорячённую толпу, и все ринулись вслед за незнакомцем [27, л. 12–12 об.].

Около 11 утра бунтовщики оказались в районе Верхнего базара, и дойдя до пересечения улиц Александровской и Цыганской, толпа встретила постового Гусева. Нанеся ему тяжкие телесные повреждения, бунтовщики двинулись дальше, пока на их пути не встретился сын учителя А. В. Пемуров и мещанин И. И. Трейгольд. Толпа жестоко расправилась с ними и, разделившись на мелкие банды, продолжила погромы на городских улицах [26, л. 1].

В это же время одна из групп бунтовщиков разгромила квартиру саратовского полицеймейстера, вторая — здание первой части, а третья выбила окна в доме врача Бонвеча (скорее всего, имеется в виду квартира саратовского врача Бонвеча Эммануила Андреевича, которая находилась на улице Грошовой. — А. В.), а затем разгромила квартиру полицеймейстера первой части. Особо бесчинствовавшая толпа направилась

к временной холерной больнице, размещавшейся в доме Демидова [26, л. 1–1 об.], где бунтовщики разбили окна [27, л. 13].

Стараясь не упустить детали, писал о саратовском июньском бунте 1892 г. в своих воспоминаниях И. Я. Славин. По его словам, беспорядки начались ранним утром 29 июня на Верхнем базаре. Скорее всего, здесь ошибка памяти мемуариста — по материалам прокурора Саратовского окружного суда Министерства юстиции [26, л. 1], а также согласно заметке в газете Саратовские епархиальные ведомости № 14 за 1892 г. [14, с. 502], беспорядки начались утром 28 июня. Воспоминания И. Я. Славина дублируют сообщения других источников о том, что отправной точкой для беспорядков послужило появление в среде базарного люда человека в саване и обсыпанного чем-то белым, который утверждал, что его пытались похоронить заживо в городском холерном бараке, но ему удалось оттуда сбежать. Мемуарист замечает, что многочисленная толпа, была и так «разогрета» многочисленными слухами о «коварствах врачей», поэтому рассказ провокатора легко убедил людей ринуться громить полицейские части, холерные бараки, больницы и квартиры врачей [12, с. 192].

Первой жертвой разъярённой толпы в тот день стал сын учителя Пемурова, подросток, ученик реального училища, лет 16–17, который был одет в штатское, но с фуражкой училища на голове. Он пытался скрыться на лесах строящегося дома, но бунтовщики его там нашли, вытащили на улицу и забили насмерть. Затем началась травля полицейских: один, спасаясь от толпы, спрятался в доме В. Д. Вакурова, что и спасло ему жизнь, но в отместку толпа разбила все окна на верхних этажах его жилища [12, с. 192]. Одновременно с этим вторая группа бунтовщиков громила квартиры полицеймейстеров и врачей. При этом сильно пострадала первая полицейская часть, в помещении которой все книги и бумаги были разорваны на мелкие кусочки и выброшены на улицу, а двери и стёкла разбиты [12, с. 192].

По мере движения к городской больнице толпа увеличивалась: к ней примыкали ночлежники, празднующие и различные криминальные элементы, пользующиеся случаем поживиться чужим имуществом. Сама толпа разделялась на банды, одна из которых погналась за студентом-медиком Свиридовым, который успел скрыться на колокольне Владимирской церкви, находящейся на углу Астраханской и Большой казачьей улиц. Толпа хотела ворваться в храм, но на встречу ей вышел молодой священник Андрей Шанский. Преградив путь бунтовщикам, он с крестом в руках обратился к толпе со словами наставления. По началу бунтовщики грозили самому священнику расправой и требовали выдачи Свиридова, но потом ярость

преследователей немного утихла, и толпа направилась дальше к городской больнице, которая уже была в руках другой группировки протестующих [12, с. 192]. Следующей своей целью толпа выбрала дом Плеханова, в котором городские власти устроили холерный барак. Здание было сожжено протестующими, но, к счастью, сами больные и медицинский персонал успели спастись [12, с. 193].

В этот трагический день Саратов примерно 5–6 часов находился во власти бунтовщиков. Все правительственные, административные и полицейские власти разбежались. К двум часам дня прибыли войска из лагеря, которые усмирили бунтовщиков. Единственной жертвой этих беспорядков стал мальчик Пемуров, не считая нескольких человек, погибших от шальных пуль во время залпов по толпе [12, с. 193].

Вскоре последовало Высочайшее повеление о предании всех бунтовщиков, или, как их прозвали, «холерников», военному суду. Осенью того же года после проведенного следствия суду были представлены обвинительные акты. Подсудимых оказалось свыше 150 человек. Допрос свидетелей, которых насчитывалось более 700 человек, длился три недели. В конце судебного разбирательства был объявлен приговор, по которому около 23 подсудимых приговорили к смертной казни через повешение, 50 обвиняемым была назначена каторга, а остальных, свыше 70 человек, оправдали. Кассационных жалоб и протестов не поступало, поэтому приговор был подтвержден императором, который, снизив степень наказания, по сути помиловал осужденных к смертной казни, заменив высшую меру наказания двадцатилетней каторгой [12, с. 193]. Данный приговор был обусловлен тяжестью преступления и тем обстоятельством, что бунтовщиков судили по законам военного времени. Аналогичные приговоры и ранее выносились участникам холерных бунтов, как, например, в городе Тамбове в 1830 г., когда помещане Данила Ильин и его младший брат Евлампий Акимов, оказавшиеся причастными к «возмущению», были приговорены к наказанию плетьюми и последующей каторжной ссылке сроком на 20 лет [28, с. 21].

О холерных беспорядках много писали в газете «Саратовские епархиальные ведомости». Духовенство Саратова не оставалось безучастным в отношении к народным волнениям. Так, например, 22 июня 1892 г., ещё до начала беспорядков священники старались образумить народ проповедями. Епископ Саратовский и Царицынский Преосвященный Авраамий дал особое приказание священнослужителям «внушить притчами приходов епархии, чтобы они в случаях появления холеры где-либо в селах и деревнях Саратовской губ., прочитали и объяснили народу изданные губернским правлением правила о мерах предосторожности, направленных к предупреждению и ослаблению холеры» [14, с. 501].

А в день беспорядков, 28 июня, священники, пренебрегая опасностью, увещевали и успокаивали народ. Они обращались с проповедями, уговаривая бунтовщиков не верить ложным слухам и с миром разойтись по домам. Мало того, бывали случаи, когда священники в прямом смысле спасали людей от разъярённой толпы. Так, 29 июня 1892 г. во время холерных беспорядков священник Андрей Васильевич Шанский укрыв от разъяренной толпы у себя в храме студента-медика Свиридова, за что был «сопричислен к ордену Св. Равноапостольного Князя Владимира IV степени» [14, с. 504].

Отправляясь на проповеди в больницы, священнослужители сами подвергались большой опасности. Так, 28 июня священник Ф. А. Тринитатский прибыл в городскую Демидовскую больницу, где должен был прочитать напутствия для больных. Спустя несколько часов Тринитатский услышал сильный шум и, выглянув в окно, увидел огромную толпу, приближавшуюся к больнице. В это время в окна полетели камни. Понимая всю серьёзность сложившейся ситуации, священник вышел во двор, где и был окружён толпой, которая требовала выдать им доктора и фельдшера [14, с. 506–507]. После его отказа угрозы посыпались уже самому Тринитатскому – в толпе оказался якобы заживо похороненный, кричавший: «Вот тот священник, который меня заживо похоронил!». Несмотря на то, что «заживо похороненный» был пьян, толпа верила ему и преследовала отца Тринитатского, крича: «Бейте его камнями!». Оглянувшись назад, священник увидел, что больница уже полыхает [14, с. 507].

После бунта в Саратове волнения перекинулись на соседние уезды и города соседних губерний. Для предупреждения крупных беспорядков в некоторых населённых пунктах губернии были размещены воинские команды. В селах Сокуре и Корсаковке Саратовского уезда бунтующие крестьяне были наказаны розгами. Также попытки протестных выступлений наблюдались в селе Поповке, деревне Юрьевке, Неклюдовке, Сосновке и хуторе Трековка. В связи с распространением холеры в губернии В. А. Шомпулев сделал распоряжения волостным правлениям пристально следить за ходом эпидемии и рапортовать о каждом случае заболевания холерой [13, с. 198]. Видя негативное отношение простого люда к врачебной помощи, он старался воздержаться от строгих мер, потому что смотрел на крестьян в этом случае не как на преступников, а как на неразумных детей, и такой метод общения властей с народом оказался очень эффективным – где бы не появлялся Шомпулев, крестьяне его слушали и подчинялись [13, с. 201].

Таким образом, пик социальных холерных беспорядков пришёлся именно на 1892 г., что явилось следствием нескольких причин. Во-первых, здоровье и психологическое состояние

людей было подорвано голодом предшествующего года [12, с. 31]. Во-вторых, по-прежнему не только среди простого населения, но и в профессиональных медицинских кругах еще мало понимали специфику распространения заболевания, а также причины его появления, вследствие чего легко распространялись нелепые слухи относительно холеры. В-третьих, карантинные мероприятия наносили ощутимый ущерб хозяйственной жизни, что негативно сказывалось на благосостоянии всех слоев населения, и в первую очередь малоимущих. Вместе с тем сопротивление холере вынудило органы власти искать наиболее эффективные подходы к проведению противоэпидемических мероприятий и бороться с отсутствием санитарной грамотности среди населения губернии.

В то время медицина была практически бессильна в деле лечения холеры. Ситуация кардинально не менялась с того времени, когда Саратовская Врачебная Управа докладывала в донесении Медицинскому Департаменту от 12 августа 1847 г.: «Лечение холеры теперь также неудачно, как было и прежде. Общего метода нет, исключая разве назначение рвотного корня, которое было принято в самом начале болезни и останавливает дальнейшее развитие во многих случаях, но не во всяком. Кровопускание, сладкая ртуть, лёд внутрь, холодные ванны и противоположные средства: нефть, водка, перец, горячие ванны, трение спиртными острыми веществами, употребление почти с одними и теми же последствиями» [29, с. 19]. Такая ситуация в области лечения холеры оставалась вплоть до конца XIX в., пока в 1892 г. В. А. Хавкиным не была изобретена вакцина против этой страшной болезни.

Можно констатировать, что массовые выступления населения в период эпидемии холеры в Саратовской губернии в 1892 г. наглядно иллюстрируют, как страх и недоверие к власти и медицинским работникам приводили к трагическим последствиям. Экспессы социальных волнений, вызванные предрассудками, нелепыми слухами о врачах и их методах борьбы с холерой, показали хрупкость общественного спокойствия в условиях массовых эпидемий. Это свидетельствует о том, что в кризисные моменты, когда требуется единство и взаимопомощь, человеческие эмоции и недоверие могут преобладать над здравым смыслом. Проанализировав природу происхождения слухов и психологию толпы, Ш. Визе пришел к выводу о том, что холерные бунты в Саратове в 1892 г., несомненно, имели черты погрома. При этом решающим фактором в эскалации насилия он считает «не сложные объясняющие слухи, а те варианты, которые только указывали на недостатки и называли предполагаемых ответственных» [9, с. 315].

Социальные беспорядки в рассмотренный период не только отражали напряжённые от-

ношения между населением и властями, но и ставили под сомнение результативность проведения медицинских мероприятий и меры властей по борьбе с эпидемиями. Важно учитывать, что такие события служили предостережением для общества и органов управления, диктуя необходимость открытого диалога и доверительных отношений между ними. Тяжелые последствия эпидемии холеры в 1892 г. в Саратове стали уроком, который должен был сподвигнуть к пересмотру подходов к здравоохранению и социальным программам во избежание повторения трагедий в будущем.

Список литературы

1. Барабанова К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 32 с.
2. Барабанова К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144.
3. Егоров А. К. «Это, видно, Польша подкупила докторов так морить...»: к вопросу об источниках возникновения агрессивных слухов во время эпидемии холеры 1830/1831 гг. в России // Научный журнал. 2016. № 8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eto-vidno-polsha-podkupila-doktorov-tak-morit-k-voprosu-ob-istochnikah-vozniknoveniya-agressivnyh-sluhov-vo-vremya-epidemii-holery-1830> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Егоров А. К. Борьба с «отравителями» в холерном Петербурге // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 524–540. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.2.803>
5. Егорышева И. В. Государственная политика в связи с первыми эпидемиями холеры в России (1823, 1829–1831) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2022. № 1–2. С. 160–165. <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2022.01.020>
6. Чагадаева О. А. Нас морить хотят! Убьем доктора! // Родина. 2019. № 3. С. 102–106.
7. Гарбуз Г. В. Эпидемия холеры в Пензенской губернии в 1892 г. // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (66). С. 77–85. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2023-2-8>
8. Смирнова Е. М., Ерегина Н. Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48.
9. Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории Слухи в России XIX–XX веков: сб. ст. / под ред. И. В. Нарского. Челябинск : Каменный пояс, 2011. С. 300–318.
10. Henze C. E. Disease, health care and government in late Imperial Russia: life and death on the Volga, 1823–

1914. London : Routledge, 2010. 227 p. <https://doi.org/10.4324/9780203833971>
11. Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. [и др.] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. 2. Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. 480 с.
12. Славин И. Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
13. Шомпулев В. А. Записки старого помещика / сост., вступ. ст., подгот. текста А. В. Кумакова; коммент. А. В. Кумакова И. Н. Плешакова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 357 с.
14. Наставление о мерах личного предохранения от холеры (из «Правительств. Вестника») // Саратовские епархиальные ведомости. 1892. № 14. Отд. офиц.
15. Барабанова К. С. Эпидемические бунты 1830-х гг.: региональная специфика и имперская общность // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1733–1743. <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1733>
16. Вересаев В. В. Повести и рассказы. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. 351 с.
17. Петров-Водкин К. С. Хлыновск. М. : Рипол-Классик, 2022. 340 с.
18. Варфоломеев А. Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 54–60.
19. Авлиев В. Н. Общие меры борьбы с холерой в российской провинции в начале XIX в. (на материалах Астрахани и калмыцкой степи астраханской губернии) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23846> (дата обращения: 15.09.2024).
20. Васильев К. Г., Сегал Л. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки) / под ред. проф. А. И. Метелкина. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 560 с.
21. Архангельский Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб. : типография М. Стасюлевича, 1874. 342 с.
22. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 7 (Саратовская судебная палата Министерства юстиции). 1871–1918. Оп. 1. Д. 1015.
23. Варфоломеев А. Ю. Деятельность губернских и местных властей по борьбе с эпидемией холеры в Саратовском Поволжье в 1892 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 25–37. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2023-4-3>
24. ГАСО. Ф. 1 (Канцелярия Саратовского губернатора. [1781]–1917). Оп. 1. Д. 5162.
25. С. Д. Из деятельности духовенства по успокоению народных волнений по случаю холерной эпидемии // Саратовские епархиальные ведомости. 1892. № 15. Отд. офиц.
26. ГАСО. Ф. 10 (Прокурор Саратовского окружного суда Министерства юстиции. 1871–1917). Оп. 1. Д. 774.
27. ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 775.
28. Гессен С. Я. «Холерные бунты» (1830–1832 гг.) М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 64 с.
29. Варфоломеев А. Ю. Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-17-23>

Поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 20.09.2024; approved after reviewing 26.09.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 264–272

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 264–272

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-264-272>, EDN: VAYBBG

Научная статья

УДК 061.23(470.44)|18/19| (=112.2)

Участие немецкого населения Саратовской губернии в благотворительной деятельности местного отделения Российского общества Красного Креста (1870-е гг. – начало XX в.)

М. Р. Слижевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Слижевская Мария Романовна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, mariaslizhevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0304-1225>, AuthorID: 1150460

Аннотация. В статье рассматривается не исследованная ранее благотворительная деятельность немцев Поволжья в рамках функционирования Саратовского отделения Российского общества Красного Креста. Особое внимание уделяется характеристике благотворительности местного немецкого населения уездных городов и селений. Констатируется, что виды и формы немецкой благотворительной деятельности не отличались от тех, что были присущи остальному населению губернии. Наибольший отклик, однако, в немецкой среде Саратовского Поволжья вызвали вопросы помощи голодающим и пострадавшим от разного рода стихийных бедствий и трагедий, а также воинам Российской империи.

Ключевые слова: благотворительность, Российское общество Красного Креста, Саратовская губерния, немцы Поволжья, социальная помощь

Для цитирования: Слижевская М. Р. Участие немецкого населения Саратовской губернии в благотворительной деятельности местного отделения Российского общества Красного Креста (1870-е гг. – начало XX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 264–272. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-264-272>, EDN: VAYBBG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Participation of the German population of Saratov Province in the charitable activities of the local branch of the Russian Red Cross Society (1870s – early XX century)

M. R. Slizhevskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria R. Slizhevskaya, mariaslizhevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0304-1225>, AuthorID: 1150460

Abstract. The article deals with the problem of previously unexplored charitable activities of the Volga Germans within the framework of the functioning of the Saratov branch of the Russian Red Cross Society. Particular attention is paid to the characterisation of the charity of the local German population of the county towns and villages. It is stated that the types and forms of German charitable activity did not differ from those inherent in the rest of the population of the province. The greatest response, however, in the German environment of the Saratov Volga region were the issues of assistance to the starving and victims of various natural disasters and tragedies, as well as to the soldiers of the Russian Empire.

Keywords: charity, Russian Red Cross Society, Saratov Province, Germans of the Volga region, social assistance

For citation: Slizhevskaya M. R. Participation of the German population of Saratov Province in the charitable activities of the local branch of the Russian Red Cross Society (1870s – early XX century). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 264–272 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-264-272>, EDN: VAYBBG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Известно, что общество Красного Креста возникло в Российской империи в мае 1867 г. Сразу после ратификации Первой Женевской конвенции (1864) – документа, заложившего

основы для создания норм международного гуманитарного права – император Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах, впоследствии оказавшего

ся под покровительством императрицы Марии Александровны. В 1879 г. Общество попечения о раненых и больных воинах было переименовано в «Российское общество Красного Креста» (РОКК) [1].

Главной целью существования РОКК являлось предотвращение и облегчение человеческих страданий в военное и мирное время. В первоочередные задачи благотворительной организации входили: оказание помощи военным, а также местному населению во время войн и стихийных бедствий, подготовка санитарного персонала для работы в военное время, организация лазаретов и госпиталей, сбор пожертвований, материальная помощь нуждающимся и т. д. Высочайшими покровителями Российского общества Красного Креста становились многие императорские особы, а свою деятельность данная организация осуществляла преимущественно на собранные пожертвования, проценты с банковских счетов и членские взносы.

К концу XIX столетия Российское общество Красного Креста представляло собой широко разветвленную сеть из ряда местных учреждений в губернских городах. Саратовское местное отделение на тот момент Общества попечения о раненых и больных воинах было учреждено в октябре 1868 г. Руководство им осуществлялось Главным управлением, располагавшимся в Санкт-Петербурге, местными общим собранием и управлением, также дамским комитетом [2]. В разные годы различные комитеты Саратовского отделения РОКК функционировали во всех уездах губернии. Их благотворительная деятельность также была напрямую связана с оказанием помощи раненым и больным воинам и всем пострадавшим от эпидемий или разного рода стихийных бедствий, оказавшимся в бедственном положении. Вместе с этим Саратовское отделение РОКК оказывало поддержку жителям и других губерний – например, соседних Самарской и Оренбургской [3; 4]. Вид и масштабы предоставляемой Саратовским отделением РОКК поддержки страждущим, как правило, заключались в осуществлении сбора разного рода материальных пожертвований (чаще всего – денежных), инициативе оказания того или иного вида помощи на местах, открытии в уездных городах или поселениях «питательных» учреждений – льготных столовых, чайных.

Естественным образом в благотворительную деятельность Саратовского отделения РОКК вовлекалось местное христианское население. Исполняя таким образом одну из основных христианских заповедей («возлюби ближнего твоего, как самого себя» [5, с. 29]), губернские дворяне, купцы, мещане, представители «свободных профессий» и крестьяне вносили свой вклад в развитие благотворительности в рамках РОКК. В целом ряде случаев наряду с ними активное участие в этом деле принимало и местное

немецкое население Саратовской губернии, чему и посвящена данная статья.

Следует отметить, что в целом деятельность Саратовского отделения Российского общества Красного Креста крайне слабо представлена в историографии. Отдельные упоминания о ней в исследуемый период встречаются в работах, посвященным общим вопросам истории организации, в частности, деятельности в период борьбы РОКК с голодом в европейской части России в 1897–1898 гг., организации в Поволжье лазаретов и госпиталей в 1877–1878 гг. и др. [6; 7].

Отчасти деятельность Саратовского отделения РОКК затрагивалась волгоградскими авторами, изучавшими разные аспекты работы Царицынского комитета РОКК (например, в годы Первой мировой войны, отражение осуществляемой им благотворительности в периодической печати и др.). Изредка в этих трудах обнаруживаются сведения о благотворительных усилиях царицынских немцев. Например, в статье А. В. Морозова, В. В. Скворцова и Т. А. Мухтарова, посвященной деятельности общества Красного Креста в Царицыне на рубеже XIX–XX столетий, упоминается местный главноуполномоченный Общества – Рихгер [1, с. 53]. Но какого-либо специального исследования, посвященного благотворительной деятельности немецкого губернского населения в рамках инициатив Российского Общества Красного Креста не было обнаружено.

Представляется очевидным, что осуществление благотворительной деятельности могло помогать представителям немецкого населения Саратовской губернии стать частью инородной для них социокультурной среды. Проживавшие как в уездных городах, так и в сельской местности, немцы Саратовского Поволжья довольно активно стремились оказать посильную помощь тем, кто в ней нуждался, включая пострадавших от разного рода стихийных бедствий, а также больным и раненым воинам Российской империи, в разные годы сражавшимся на фронтах за интересы Российского государства. На протяжении всех лет существования Саратовского отделения РОКК городские немцы, как мужчины, так и женщины, нередко вступали в ряды его действительных членов и членов-соревнователей¹.

Наибольший отклик в среде немецкого населения Саратовской губернии, как правило, находил вопрос о помощи голодающим. Одним из таких случаев стал голод в соседней Самарской губернии, ставший следствием засухи и неурожая хлебов, имевших место в 1871–1873 гг. Хорошо знакомые с невзгодами, периодически выпадавшими на долю сельского населения после неурожая, немцы Саратовской губернии живо откликались на эту беду. Так, например, Терсинская контора Вольского уезда и ее немецкие служащие в ходе сбора денежных пожертвований в пользу пострадавших

от неурожая участливо заявляли: «Зная, как соседи, состояние жителей Самарской губернии, и немощных от неурожая нескольких городов сряду и ведая сами хозяйство, по опыту представляем, что такие неурожаи сильно подорвут сельское хозяйство в этом одном из плодороднейших краев нашего русского государства...» [3, л. 66].

Сбор денежных пожертвований для пострадавших от неурожая хлебов в 1871–1873 гг. осуществляли как непосредственно жители уездных городов губернии, так и разные городские сообщества. Согласно спискам и сведениям о внесенных пожертвованиях, Саратовское отделение РОКК собрало 18 666 рублей и 2 копейки. Вклад немецкого населения составил 397 рубля и 63 копейки (2,13%) [3, л. 1–76]. Для наиболее наглядного представления размера пожертвования здесь и далее уместным представляется в качестве эквивалента отметить, что в Саратовской губернии цена за пуд ржи (цена на которую только росла из года в год в зависимости от количества урожая) в 1870 г. составляла 51–56 копеек, в 1878 г. – 67 копеек, в 1880 г. – 85 копеек – 1 рубль [8, с. 25].

Отдельным видом помощи стала транспортировка сухарей и прочего продовольствия из Санкт-Петербурга в Самару. Саратов стал при этом промежуточным пунктом переправки, где предполагалось создать специальный склад для приема и хранения продуктов и предметов, высланных из столицы.

Оказать помощь в обустройстве специального склада в городе изъявили свою готовность несколько мещан, среди которых отметился Густав Егорович Паленберг, который предоставил местному комитету полезные сведения и указания. Паленберг вошел в состав комиссии, собранной Главным управлением с целью «должной организации распоряжения собранными средствами и наблюдения за ними» [3, л. 116]. Впоследствии в качестве одобрения за проделанную работу Паленберг получил предложение стать членом Санкт-Петербургского комитета для помощи голодающим Самарской губернии [3, л. 119]. Заявляя о своей готовности реализовывать доставку пожертвований из Саратова в Самару через свою контору, Г. Е. Паленберг также изъявлял желание вступить в члены Общества попечения о раненых и больных воинах по Саратовскому округу [3, л. 127].

Самостоятельно разработанный план, предполагавший возможность прокормить всех голодающих Самарской губернии при сравнительно малых затратах на его реализацию и в то же время с «наибольшей питательностью», предложил местному отделению Общества попечения о раненых и больных воинах житель Саратова Франц Иванович фон Штейн [3, л. 74]. Он предлагал выдавать ежедневно одному человеку по 1 фунту

сухарей с четвертью свиного сала (или солонины), либо осьмушку² постного мяса. Свиное сало нужно было отваривать в воде (или в водке) с последующим добавлением к нему сухарей, обязательно изготовленных из немецкого хлеба. Вместе с этим сам Франц Иванович фон Штейн пожертвовал в пользу голодающих Самарской губернии восемь кулей ржаных сухарей и рыбные консервы [3, л. 81].

Последующие голодные 1891–1892-е гг., затронувшие в том числе и Саратовскую губернию, вызвали не менее заметную ответную реакцию в среде немецких горожан. Так, когда 18 октября 1891 г. на собрании жителей Царицына в помещении Городской думы был организован местный комитет для оказания помощи голодающим [9, л. 1–2], то среди вошедших в его состав местного оказался Виктор Петрович Шперлинг. Вместе с купцом Плотниковым, пожертвовавшим «обстановку» для организации в первой части города бесплатной столовой, предполагавшей размещение внутри ста человек, В. П. Шперлинг в свою очередь пожертвовал отопление. В ноябре того же 1891 г. для освещения данной столовой Нобель и Шибаетов пожертвовали керосин [9, л. 56]. Царицынские немцы вместе с другими жителями города снабжали столовую рыбными продуктами (кули с сушеной воблой и сазаном, бочонки судаков) [9, л. 66].

В. П. Шперлинг беспокоился об эффективности работы бесплатной столовой и адресности оказываемой ею помощи. Излагая своё мнение об этом, он заявил о необходимости пускать в нее посетителей исключительно с удостоверением нуждающихся, так как распространившиеся по городу слухи способствовали притоку в столовую большого количества авантюристов, желающих «легче кормиться» [9, л. 68]. В то же время купец предлагал инициировать любого рода общественные или какие-либо другие работы с целью противодействия туеядству в среде местного населения (в качестве примера Шперлинг предлагал занять «сотни свободных рук» на организованной каменоломне за пределами Царицына) [9, л. 68].

В результате с разных лиц и учреждений Царицына за период с 23 ноября 1891 г. по 1 мая 1892 г. председателем городского отделения Красного Креста были собраны денежные пожертвования в размере 140 810 рублей. Доля, внесенная немецким населением, от обозначенной суммы составила 809 рублей (0,57%) [9, л. 135–136]. Следует отметить, что доля немецкого населения Царицына составляла, согласно проведенной в 1897 г. первой всеобщей переписи населения Российской империи, около 2,38%. В Саратове же немцев проживало около 5,35%, в Вольске – 2,22%, в Камышине – 11,05% [10, с. 76–77].

Наиболее крупные пожертвования поступили от Сарепты – некогда колонии гернгутеров,

располагавшейся близ Царицына. В частности, 170 рублей, вырученные с продажи изделий дамского рукоделия, пожертвовал попечитель Сарепты А. Кноблех, 200 рублей поступило от Сарептского общества, 100 рублей – от одного из основателей горчичной промышленности в Сарепте, И. К. Глича [9, л. 136].

Кроме того, на благотворительность шли средства от продажи на базаре предметов рукоделия немецких жительниц Дубовки. Также они занимались наблюдением за порядком в детской столовой для сирот, работавшей в посадке [9, л. 127]. Служащие царицынского отделения Государственного банка заявили о своем решении отчислять ежемесячно по одному проценту с получаемого ими жалования в пользу голодающего населения. Среди жертвователей служащих Государственного банка Царицына отметились и немцы: Б. Мерт, Ф. Батт, С. Гильдебрандт, М. Мискер, Б. Ф. Земан, Вебер, М. Детмар, Б. Герц [9, л. 2].

В Саратове в 1892 г. известный предприниматель и землевладелец Эммануил Иванович Борель пожертвовал 40 рублей на содержание бесплатной столовой в селе Топовка. В распоряжение Топовского отделения попечительства Красного Креста им же были переданы также 100 пудов ржи, 13 пудов мяса и 50 пудов капусты [11, л. 88].

Последующие голодные 1897–1898 гг., вполне сравнимые по масштабу бедствия с предыдущими 1891–1892 гг., также вызвали активизацию помощи немецкого населения уездных городов Саратовской губернии. Как и ранее, в пользу голодающих вместе с остальными горожанами немецкое население осуществляло денежные пожертвования. Так, например, согласно двадцати восьми подписным листам по сбору финансовых средств, выданных Саратовским отделением РОКК в октябре 1898 г., немцы губернии суммарно внесли 4 рубля и 6 копеек от общей суммы в размере 194 рубля и 58 копеек (что составило 2,36%) [12, л. 1–58]. Царицынский городской комитет помощи голодающим теперь уже под председательством вышеупомянутого В. П. Шперлинга вновь открыл дешевую столовую и больницу для тифозных, средства на содержание которых поступали от городских обывателей [12, л. 135].

Выражая благодарность наиболее участливым благотворителям, Саратовское отделение РОКК отметило тогда ряд жителей губернии, которые осуществили наибольшие денежные и материальные пожертвования и вовремя оказали необходимую помощь нуждающимся категориям населения. Вместе с землевладелицей М. В. Катковой, пожертвовавшей 1000 рублей среди них были О. А. Праве, внесший 212 рублей и 30 копеек, а также Д. Б. Зейферт, изъявивший желание принять на свой счет содержание десяти нуждающихся из деревни Трегубовки в течение четырех

месяцев, а также А. Э. Кан, устроивший за свой счет столовую для учеников Хлебновского училища [12, л. 94].

В голодные 1906–1907 гг. Саратовское отделение Российского общества Красного Креста организовывало преимущественно врачебно-питательную помощь всем пострадавшим от неурожая. Главное управление РОКК полагало, что данный вид помощи, включавший в себя выдачу продовольствия, является наиболее эффективным (что не исключало, однако, открытия сбора пожертвований) [13, л. 14]. Поэтому в Саратовском, Балашовском, Петровском, Сердобском и Хвалынском уездах сосредоточились на обустройстве столовых и пунктов выдачи печеного хлеба. В осуществлении всех этих мероприятий отмечалось и участие этнических немцев. Так, немки из числа сестер милосердия Андреевской общины³ были командированы в ряд уездных пунктов для организации столовых и надлежащего ухода за больными⁴ [14, л. 8, 15].

Следует отметить, что немецкое население городов Саратовской губернии также не оставалось в стороне и по отношению к вопросам, напрямую связанным с военными конфликтами, в которые в разные годы оказывалась вовлеченной Российская империя. Ими не осталась немеченной Русско-турецкая война 1877–1878 гг., во время которой Саратовское отделение РОКК занималось обустройством лазаретов и приемных покоев для больных и раненых воинов и в то же время приглашало осуществлять денежные и вещевые пожертвования, рассчитывая на отклик широких слоев населения Саратовской губернии. Так, о своем согласии отправлять медикаменты для солдат, находящихся в Саратовском приемном покое, говорил председателю Саратовского отделения Общества попечения о больных и раненых воинах в октябре 1877 г. аптекарь В. Геймбергер из Ильинской больницы, заявляя, что намерен осуществлять это «в протяжении всего времени существования по 10 копеек» [15, л. 137]. Тогда же попечительница лазарета Ольга Карловна Рейтерн изъявила желание жертвовать по 10 рублей ежемесячно на предмет снабжения воинов при их выпуске из лазаретов теплой одеждой и другими вещами. Вместе с этим на ее собственные средства было изготовлено до 100 теплых (на вате и шерсти) курток. В числе жертвователей среди персонала 1-го лазарета средств на теплую одежду и другие вещи первой необходимости в пользу больных и раненых воинов оказался фармацевт Шнейдер, внесший 5 рублей [15, л. 180–181].

В годы Русско-японской войны (1904–1905) представители немецкого населения Саратовской губернии находились в числе персонала Саратовского санитарного отряда, оказывавшего медицинскую помощь раненым воинам на Дальнем Востоке. Некоторые из них были удостоены

наград. Серебряную медаль «За усердие» для ношения на грудь получили санитары К. Мауль и Андрей Вальцер [16, л. 2]. В годы масштабной Первой мировой войны представители местного немецкого населения становились служащими созданных в Саратовской и Самарской губерниях лазаретов. В Саратовской губернии из функционировавших на ее территории 15 лазаретов немцы служили в 11, исполняя обязанности врачей, сестер милосердия, санитаров, фельдшеров, хозяйственных служащих и делопроизводителей [17, л. 1–12].

Не оставалось равнодушным немецкое население и к жертвам других бедствий и трагедий, которым предлагало свою помощь Российское общество Красного Креста. Так, немцы Саратовской губернии откликнулись на приглашение осуществить денежные пожертвования в пользу пострадавших от сильного пожара весной 1879 г. в Оренбурге: от редакции газеты «Саратовский дневник» в местное управление РОКК поступили денежные пожертвования в размере 51 рубль, 3 из которых пожертвовал В. Ф. Линерман [18, л. 4]. В 1893 г. саратовские немцы вносили пожертвования в пользу семейств погибших моряков на броненосце «Русалка». Вслед за заявлением саратовского губернатора Б. Б. Мещерского об открытии сбора пожертвований в Саратовское отделение РОКК стали поступать пожертвования от частных лиц, городов и сел губернии, а также денежные средства от увеселительных заведений и организации любительских спектаклей. Пожертвования немецких жителей составили 202 рубля и 92 копейки (14,95%) от общей суммы в размере 1357 рублей и 60 копеек [19, л. 13–220].

В 1897 г., в ходе интенсивной переселенческой кампании для освоения Западной Сибири, Отделение РОКК в Саратовской губернии подняло вопрос о сборе средств на усиление врачебной помощи переселенцам. В Вольске в числе двух пожертвователей, выделивших деньги на устройство врачебных и питательных пунктов Красного Креста, оказался городской купец Карл Эрнстович Гильдебрандт [20, л. 13]. В Хвалынске к пожертвованиям присоединился В. В. Штиль, внесший 3 рубля из 10 рублей и 87 копеек, собранных хвалынским уездным исправником [20, л. 18].

Как уже было упомянуто, отдельной формой немецкой благотворительности в рамках деятельности Саратовского отделения РОКК стало стремление вступить в ряды медицинского персонала или прислуги в его лазареты. Так, за период с 1877 по 1878 гг. в Саратовское отделение поступили заявления от провизора В. Гонбера, желавшего вступить в число провизоров лазаретов города Саратова, К. А. Вейланда, просившего об определении к одному из устраиваемых в Саратове лазаретов Общества управляющим аптекой; за установленную плату желала вступить

в ряды служащих Саратовского лазарета Эмилия Оттовна Иванова [21, л. 2, 4, 90].

Нередко немки обучались на курсах сестер милосердия. 19 июня 1877 г. в Саратовском Приемном покое Общества попечения больных и раненых с оценкой «хорошо» была аттестована немка Бернекер [21, л. 109]. Ранее в Приемном покое г. Саратова, открытого «на горах», фельдшерскому мастерству, включающему в себя навыки приготовления лекарств, перевязки ран, приготовлению корпии⁵ и иных хирургических принадлежностей, а также навыки кровопускания, излечения зубов и прочего, обучалась вдова надворного советника Алисия Августова Гельд, поступившая на обучение в 1873 г. [22, л. 47]. В 1875 г. при Приемном покое этому же обучалась Шарлотта Федоровна Бирфрейнд, а в 1897–1899 гг. была зачислена на курсы сестер милосердия и допущена к сдаче экзаменов дочь цехового Лидия Карловна Ландфанг [23, л. 175; 24, л. 1]. Саратовский приемный покой имени М. Н. Галкина-Врасского «на горах», созданный для обеспечения помощи и лечения очень бедного населения, безвозмездно посещали некоторые врачи. В 1875 г. среди них оказались Э. А. Бонвеч и Рех [23, л. 165].

Проблемой того, что саратовское городское сообщество было мало и плохо знакомо с деятельностью Андреевской общины сестер милосердия, в свое время особо обеспокоился казначей Саратовского отделения РОКК Петр Петрович Вюртц. Он подметил это на одном из общих собраний отделения. П. П. Вюртц предложил ознакомить саратовские общества с деятельностью местной общины путем осуществления публикаций в местных газетах и через сотрудничество со всеми медицинскими учреждениями. Такое ознакомление предполагало приглашение для ухода за больными сестер милосердия Андреевской общины [25, л. 25]. Данное предложение П. П. Вюртца было принято к выполнению.

Также, кроме врачей, в благотворительности Саратовского отделения Российского общества Красного Креста наиболее часто были задействованы немецкие представители местного аптекарского дела (со слов одного из жителей города, аптеки Саратова вовсе были монополизированы немцами) [26, с. 15]. Саратовский провизор Иван Иванович Шмидт отпускал даром приемному покою медикаменты по мере их необходимости. Кроме того, И. И. Шмидт обустроил в покоях безвозмездную аптеку, отпустив бесплатно до 200 экземпляров разных медикаментов [23, л. 43]. В голодные 1891–1892 гг. царицынский аптекарь Кольман изъявлял согласие отпускать лекарства за полцены [9, л. 5].

К участию в благотворительной деятельности Саратовского отделения Российского общества Красного Креста старались привлечь не только немцев-горожан, но и жителей многочисленных немецких поселений губернии. 15 ок-

тября 1875 г. Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах циркулярно просило Саратовское местное управление распространить приложенную брошюру между «колонистами» Саратовской и Самарской губерний с целью ознакомления их с миссией существования данного общества и его действиями. Предполагалось, что после ознакомления с текстом брошюры поселяне-собственники губерний также начнут принимать участие в его деятельности. Главным управлением было выдано Саратовскому уезду – 40 экземпляров брошюр, Аткарскому – 50, Камышинскому – 120, Николаевскому – 60, Новоузенскому – 40 [23, л. 104]. Сразу после выполнения данного Главным управлением указания от немецких селений начали поступать пожертвования в фонд Общества. От Саратовской губернии свои пожертвования внесли, в частности, селения Каменской и Олешинской волостей. Средняя сумма пожертвований от поселян-собственников составила 50 копеек [23, л. 273–279].

Важно отметить, однако, что еще до появления циркуляра от Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах ряд бывших колонистов был деятельно знаком с российской благотворительной организацией. В 1874 г. учитель немецкого языка из Лесно-Карамышского центрального русского училища Г. Бауэр обратился через управляющего Саратовской конторой иностранных поселенцев к М. Н. Галкину-Врасскому – на тот момент председателю Саратовского отделения Общества попечения о раненых и больных воинах – с предложением перевести на немецкий язык книгу К. Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия». Книга увидела свет в 1861 г. и сразу стала в России популярной, в особенности в педагогической среде. По замыслу К. Д. Ушинского, данная книга должна была способствовать возникновению в умах учеников систематического знания и «систематически развитых идей», а также облегчить труд педагога в ходе преподавания «отечественного» языка [27, с. 1–4]. Иными словами, труд «Детский мир и хрестоматия», содержащий в себе сведения из области естествознания, являлся пособием для преподавания русского языка, позволяющим развивать у учеников необходимые навыки мыслительной деятельности. «Не самое знание, а идея, развиваемая в уме дитяти усвоением того или другого знания – вот что должно составлять зерно, сердцевину, последнюю цель таких занятий», – сообщал на страницах предисловия Ушинский [27, с. 4].

Г. Бауэр был крайне недоволен уровнем преподавания русского языка в школах бывших немецких колоний, объясняя это тем, что русские педагоги не были в состоянии дать своим немецким ученикам объяснения на языке, понятном для них, так как плохо сами владели

немецким языком. По этой причине Бауэр решил приступить к переводу популярной книги К. Д. Ушинского, издать которую предполагалось с точным немецким переводом. Вырученные от продажи данного труда деньги Бауэр намеревался полностью пожертвовать Саратовскому отделению Общества попечения о больных и раненых. К первому письму было приложено переведенное на немецкий язык введение «Детского мира и хрестоматии» [22, л. 10–19; 27, с. 1–14]. В связи с этим педагог просил донести его предложение до сведения М. Н. Галкина-Врасского и уведомить его, если оно будет «достойно принятия».

Кроме того, Бауэру предстояло решить вопрос о разрешении издания переведенной на немецкий язык книги от наследников покойного к тому моменту Ушинского, которых представляла вдова педагога Н. С. Ушинская [22, л. 10–19]. Сперва к инициативе, высказанной сельским немецким учителем, Н. С. Ушинская отнеслась положительно, однако вскоре попросила о публикации перевода исключительно на немецком, так как, по ее мнению, указание вместе с ним оригинального текста могло пошатнуть материальное положение ее и ее детей. Подобный вариант не устроил Г. Бауэра [22, л. 94–107].

Педагог настаивал на издании немецкого перевода с обязательным воспроизведением русскоязычного текста рядом, так как именно в этом, по его мнению, крылась польза в преподавании русского языка в школах бывших колоний немецкими учителями, которые весьма «дурно произносили русские слова». В качестве компромисса Н. С. Ушинской была предложена половина от вырученной с продажи перевода прибыли, однако сторонам так и не удалось прийти к общему мнению [22, л. 99–107]. В конечном счете Ушинская отказалась от своих прежних слов и не позволила осуществить издание перевода «Детского мира и хрестоматии» даже без указания оригинального текста, отметив, что перевод Бауэра без уведомления ее об этом вовсе являлся посягательством на права наследников К. Д. Ушинского [22, л. 175–176]. Саратовское отделение Общества попечения о раненых и больных воинах попыталось переубедить вдову педагога, обозначая цель перевода Г. Бауэра исключительно как патриотическую инициативу: Бауэр желал лишь сделать более доступной для проживающего в России немецкого населения возможность должным образом ознакомиться с русским языком [22, л. 179]. Несмотря на это, Н. С. Ушинская завершила переписку, все же не предоставив «решительного согласия» на перевод Бауэра [23, л. 61].

Так или иначе, Саратовское отделение РОКК довольно активно стремилось подключить селений немецких поселений губернии к осуществлению благотворительной деятельности.

В октябре 1877 г., например, М. Н. Галкин-Враский уведомлял Главное управление Российского Красного Креста о том, что на общем заседании членов местного отделения был заслушан их циркуляр, в котором было выражено желание помещать выздоравливающих раненых и больных воинов (не требующих более специальной медицинской помощи и нуждающихся только в хорошей пище и удовлетворительной гигиенической обстановке) в частные дома местных жителей [15, л. 53–54]. Ознакомившись с данным циркуляром, местное управление предложило пригласить оказать помощь через уездных предводителей дворянства, городских голов, а также волостных правлений, имея при этом в виду и бывшие немецкие колонии и селение Сарепту, где «по условию жизни колонистов» хорошо могли быть размещены выздоравливающие [15, л. 53–54].

В № 201 газеты «Саратовские губернские ведомости» от 25 сентября 1877 г. был размещен список городских и сельских обществ, которые были с «полным радушием» готовы принять выздоравливающих воинов в своих домах. Обеспечить поддержку их восстановления изъявили жители волостей Саратовского, Петровского, Кузнецкого, Вольского, Аткарского, Сердобского и Камышинского уездов. Немецкие Илавлинская, Сосновская, Нижне-Добринская и Норкская волости Камышинского уезда были готовы принять свыше 87 человек [28, с. 1–2]. Нижне-Добринская и Норкская волости вовсе были готовы принять неограниченное число солдат в свои дома. «Саратовские губернские ведомости» в связи с этим подмечали следующее: «С удовольствием заносим этот отрадный факт в хронику Саратовской жизни – как новое доказательство сочувствия населения губернии к положению больных и раненых воинов» [28, с. 1–2].

Вслед за городскими жителями, жители немецких селений губернии также откликались на необходимость оказать поддержку голодающим в тяжелые голодные годы (трудности которых приходились в том числе и на них самих), однако в данном случае благотворительная деятельность в сельской местности принимала порой иной характер, не исключая, однако, при этом довольно частое осуществление денежных пожертвований; в свою очередь под эгидой Саратовского отделения РОКК в немецких селах также открывались местные комитеты и учреждения.

25 декабря 1891 г. в Царицыне на заседании уездного комитета местного отделения РОКК слушали вопрос об учреждении восемнадцати сельских попечительств и членов в их составе. Попечителем в немецком селении Олешня стал землевладелец Людвиг Яковлевич Вебер, попечителем в селении Сарепта – фабрикант А. И. Кноблех [9, л. 25]. Впоследствии Кноблехом на собственные средства была открыт ноч-

лежный приют с бесплатной столовой для всех нуждающихся без различия вероисповедания, посещали которую впоследствии русские, немцы, татары и калмыки [9, л. 117].

В 1891 г. местное попечительство РОКК было образовано в селении Гнилушка, на первом общем собрании членов которого было постановлено учредить в каждом селении Каменской волости подобное отделение, какое обязалось бы открыть «при себе» даровую кухню с 1 ноября текущего года [11, л. 17]. В члены главного попечительства Гнилушки вошли местные жители Брунгардт, Глассман, а также священник Габель, уже имевший опыт участия в сборе, приеме и распределении пожертвований для голодающих в попечительстве в Каменской волости [11, л. 6].

Открытие льготных столовых, в том числе и на территории немецких селений, стало частым явлением. Местное отделение РОКК субсидировало и способствовало устройству помещений для столовых и их первоначальные расходы в селениях Ней-Бальцер, Олешня, Вершинка и др. [11, л. 116]. Кроме того, в селениях открывались склады для продажи ржаной муки по льготным ценам. Один из таких складов был открыт в Таловке с дозволения попечительства в январе 1892 г. Данное учреждение оправдало свою благотворительную цель, что повлекло за собой открытие такого же склада для бедствующих граждан в с. Сосновка [11, л. 105]. Помощь в деле обустройства столовых зачастую оказывали местные священнослужители.

Даровые кухни впоследствии открылись в селениях Каменка, Россоши, Копенка, Поповка, Усть-Грязнуха, Иловля, Семеновка, Верхняя Добринка и др., жители которых продолжали осуществлять пожертвования в пользу голодающих [9, л. 116]. Суммы, собранные поселянами-собственниками, расходовались на выпечку хлеба и раздачу его голодным, а также на устройство и содержание столовых. В голодные 1906–1907 гг. бесплатные столовые открывались в селах Норка, Сплавнуха, Нейденгоф, Нижняя Добринка и др. [29, л. 17].

За свою благотворительную деятельность некоторые из поселян-собственников были представлены к награде. В 1902 г. учитель Ново-Скатовской Церковной Лютеранской школы Егор Давидович Дик, состоявший во главе Ягодно-Полянского попечительства Российского общества Красного Креста в 1898–1899 гг. и заведовавший в 1902 г. бесплатной столовой, «содействовавший с блестящей аккуратностью и усердием помощи голодающим», был удостоен ходатайства о присуждении ему почетного гражданства [30, л. 8].

Также жители немецких селений Саратовской губернии оказывали поддержку нуждающимся и в ряде других вопросов. В декабре

1877 г. поселяне-собственники Нижней Добринки пожертвовали два тюка весом 1 пуд и 31 фунт с вещами в пользу бедных жителей Черногории, позже к ним присоединились жители Верхней Кулалинки, пожертвовавшие два тюка с вещами, по одному пуду каждый [31, л. 109]. Перечень вещей был разнообразен: полушубки, подушки, шапки, брюки, сюртуки, одеяла, пиджаки, чулки, мотки ниток, сорочки и др.

Однако нередко поселяне-собственники Саратовской губернии и сами оказывались в числе нуждающихся. В голодные годы ряд жителей немецких поселений нередко просил Саратовское отделение РОКК оказать им помощь в связи с их тяжелой жизненной ситуацией. Материальные пособия требовались немецким старикам, вдовам, инвалидам, главам больших семейств, оставшимся в тяжелое время без работы, чернорабочим и нищим. Через уполномоченных Красного Креста Саратовское отделение выделяло им в определенном размере муку, сахар, хлеб, а также одежду [32, л. 87, 173–178]. Порой о выдаче денежных пособий ходатайствовали и жители уездных городов.

Итак, рассмотренная благотворительная деятельность немецкого населения Саратовской губернии в рамках функционирования местного отделения Российского общества Красного Креста была широко распространена как в среде горожан, так и в среде жителей бывших немецких колоний.

Представленная картина благотворительности поволжских немцев (включая также предложение перевода Г. Бауэром труда К. Д. Ушинского на немецкий язык, предложение Ф. И. фон Штейна особым способом прокормить всех голодающих губернии и др.), показывает, что ее характер и содержание в целом мало чем отличались от форм и средств благотворительности, присущих всему остальному губернскому населению, соперничавшему «своему ближнему», и не претендовали на исключительность. Размеры денежных вкладов немцев также практически не отличались от величины финансовых пожертвований остальных жителей губернии.

Особый интерес, впрочем, представляет факт того, что в числе вопросов, вызывавших у немцев Поволжья особый отклик, была необходимость помощи больным и раненым воинам, сражавшимся за интересы Российской империи. Определенным образом данный факт свидетельствует о сформированности к рассматриваемому времени у немецкого населения Саратовской губернии устойчивых патриотических чувств.

Вместе с тем следует отметить, что благотворительная деятельность немецких городских и сельских жителей по большей части носила отличный друг от друга характер. Городские жители проявляли значительно большую инициативу, для некоторых из них (в особенности для

женщин; так, например, одной из уполномоченных местного отделения РОКК в Сердобске стала София Нейперт [33, л. 97]) благотворительность являлась в своем роде общественно значимой деятельностью, позволяющей стать полноценной частью социокультурной среды городов, внося свой вклад в ее развитие. Упоминания же о ярких благотворительных инициативах сельских жителей встречаются заметно реже. Вместе с этим любопытно отметить, что в ряде случаев немецкие благотворительные инициативы носили четко выраженный практический характер (деяния В. П. Шперлинга, Г. Бауэра, предложения П. П. Вюртца, Ф. И. фон Штейна).

Исходя из вышесказанного, следует, что благотворительная деятельность немецкого населения Саратовской губернии в рамках деятельности Российского общества Красного Креста выражала их позитивное отношение ко всему происходящему в государстве и в то же время являлась инструментом интеграции в инородную для них среду.

Примечания

¹ Члены-соперники – кандидаты-участники конкурса на звание действительного члена Саратовского отделения РОКК.

² Фунт – 453,5 г. Четверть – одна четвертая часть фунта, т. е. – 113 г; «осьмушка» – одна восьмая часть фунта, т. е. – 56,6 г.

³ Андреевская община сестер милосердия являлась одним из подразделений местного отделения Российского общества Красного Креста.

⁴ В 1907 г. Саратовская губерния пострадала в том числе и от эпидемии холеры. В свою очередь местная Губернская Управа активно подключала к мероприятиям по борьбе с распространением заболевания врачей, студентов-медиков, фельдшеров и фельдшериц, санитаров и также настаивала на крайне желательной командировке сестер милосердия.

⁵ Нащипанные из старой полотняной ткани нитки, употреблявшиеся ранее в качестве перевязочного материала вместо ваты.

Список литературы

1. Морозов А. В., Скворцов В. В., Мухтаров Т. А. Общество Красного Креста в Царицыне на рубеже XIX–XX столетий // Медицинская сестра. 2017. № 7. С. 53–55.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 427 (Саратовское местное управление Российского общества Красного Креста. 1868–1918). Оп. 1. Д. 1.
3. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 47.
5. Дмитриева Л. М., Костылева Т. А. Социальное служение в понимании основных христианских конфессий // Омский научный вестник. 2006. № 5 (39). С. 28–31.

6. Рогожина А. С. Красный Крест в событиях голода на территории европейской России 1897–1898 годов // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 52–57. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2018-15-2-52-57>
7. Шепелева А. Ю. Устройство лазаретов и госпиталей в Поволжье в русско-турецкую войну 1877–1878 // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 3 (1). С. 17–22.
8. Памятная книжка Саратовской губернии (саратовский календарь) на 1890 год. Саратов : Типография губернского правления, 1889. 176 с.
9. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 90.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб. : Типография С.-Петербургской Тюрьмы, 1904. 250 с.
11. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 86.
12. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 141.
13. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 207.
14. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 218.
15. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29.
16. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 195.
17. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 264.
18. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 48.
19. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 122.
20. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 135.
21. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 24.
22. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 6.
23. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7.
24. ГАСО. Ф. 622 (Попечительный Совет Саратовской Андреевской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста). Оп. 1. Д. 26.
25. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 70.
26. Слижевская М. Р. Образ саратовского немца-предпринимателя рубежа XIX–XX вв. в литературном наследии И. Я. Славина // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2023. № 1 (13). С. 14–22. [https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1\(13\)-14-22](https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1(13)-14-22)
27. Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1861. 562 с.
28. Городская хроника // Саратовские губернские ведомости. 1877. 25 сентября. № 201. С. 1–4.
29. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 208.
30. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 164.
31. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 26.
32. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 87.
33. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 127.

Поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 12.12.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 273–278
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 273–278
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-273-278>, EDN: ZRJZZY

Научная статья
УДК [355.23:355.426](470.44) 1918/1922 |

Подготовка военных кадров для РККА и РККФ в Вольске в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.)

В. С. Азин

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. Россия, 412903, Саратовская обл., г. Вольск, ул. Максима Горького, д. 3

Азин Владимир Сергеевич, соискатель кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений, Vladimir.Azin777@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7244-1380>, AuthorID: 1273411

Аннотация. В статье рассматривается история военно-учебных заведений, эвакуированных в годы Гражданской войны в город Вольск. Исследуется роль Вольских пулеметных курсов и Кронштадтской школы водолазов в подготовке командирских кадров для РККА и РККФ. Изучается вклад вольских курсантов в разгроме отрядов Попова в Саратовском Поволжье и их участие в борьбе за установление советской власти в Закавказье и Средней Азии.

Ключевые слова: Гражданская война, пулеметные курсы, водолазная школа, крестьянское движение, бандитизм, военно-учебные заведения

Для цитирования: Азин В. С. Подготовка военных кадров для РККА и РККФ в Вольске в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 273–278. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-273-278>, EDN: ZRJZZY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Training of military personnel for the Red Army in Volsk during the Civil War (1918–1922)

V. S. Azin

Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev, 3 Maxim Gorky St., Volsk 412903, Russia

Azin Vladimir Sergeevich, Vladimir.Azin777@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7244-1380>, AuthorID: 1273411

Abstract. The article examines the history of military educational institutions evacuated to the city of Volsk during the Civil War. The role of the Volsky machine gun courses and the Kronstadt diving school in the training of commanders for the Red Army and the Red Army is explored. The contribution of Volsky cadets in the defeat of Popov's detachments in the Saratov Volga region and their participation in the struggle for the establishment of Soviet power in Transcaucasia and Central Asia is studied.

Keywords: Civil War, machine gun courses, diving school, peasant movement, banditry, military educational institutions

For citation: Azin V. S. Training of military personnel for the Red Army in Volsk during the Civil War (1918–1922). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 273–278 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-273-278>, EDN: ZRJZZY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начало XXI в. вновь поставило перед Россией задачи военного характера, решение которых в условиях проведения СВО потребовало корректировки стратегии и тактики ведения боевых действий, формирования новой системы подготовки военных кадров. В этой связи актуальным представляется анализ исторического опыта периода Гражданской войны, имевшей в какой-то степени схожую социально-политическую природу и отличавшейся также высокой маневренностью войск.

Саратовское Поволжье в годы Гражданской войны (1918–1922) стало не только ареной целого

ряда острых вооруженных столкновений, но и одним из центров подготовки военных кадров для Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота. История военно-учебных заведений в Саратовском крае в годы Первой мировой и Гражданской войн стала предметом исследования в кандидатской диссертации А. А. Симонова [1]. Некоторые сведения о функционировании Кронштадтской водолазной школы содержатся в работах А. В. Новожилова [2] и П. А. Боровикова [3]. Однако специальному исследованию история военно-учебных заведений Вольска в рассматриваемый

период не подвергалась, что и обусловило научный интерес к данной проблеме. Уездный город Вольск, несмотря на свою удаленность и относительно слабо развитую инфраструктуру, разместил на своей территории в указанный период ряд военных образовательных организаций и позволил им успешно осуществлять свою деятельность. Вместе с тем курсанты военно-учебных заведений, дислоцированных в Вольске, нередко привлекались для участия в военных операциях, приобретая тем самым в период обучения практический боевой опыт.

Значительную роль в победе Красной армии в Саратовском Поволжье в годы Гражданской войны сыграли советские пулеметные курсы командного состава, перемещенные в Вольск в сентябре 1919 г. Их история началась в столице, где в марте 1919 г. были сформированы 8-е Московские пехотные курсы командного состава, которые в апреле в связи с усложнившейся обстановкой на фронтах были передислоцированы в малороссийский Чугуев в район ответственности Южного фронта. Там они получили новое наименование – 7-е Чугуевские пехотные курсы. В мае 1919 г. с началом наступления белогвардейских частей А. И. Деникина курсы были разделены на отдельные курсантские отряды и направлены на фронт. Лишь в сентябре 1919 г. было принято решение отозвать отряды курсантов с линии фронта и отправить на дальнейшее обучение [4, л. 12 об.]. Местом передислокации был избран Вольск, поскольку в городе имелась хорошая база в виде зданий бывшего Вольского кадетского корпуса. Правда, часть этих помещений еще была занята тифозным госпиталем [4, л. 13], поэтому Приказом Реввоенсовета Юго-Восточного фронта от 24 октября 1919 г. личный состав курсов поначалу был размещен в четырех зданиях бывшей женской гимназии Хвалынска [5, л. 12].

Переезд курсантов, оркестра [5, л. 3], имущества 7-х Чугуевских пехотных курсов в Хвалыньск завершился в конце октября – начале ноября [5, л. 15]. Однако началу занятий помешали массовые случаи заболеваемости сыпным тифом (санитарная обработка бывшего тифозного госпиталя была произведена из рук вон плохо) [4, л. 13] и неудовлетворительное состояние помещений [5, л. 46]. Тем не менее, несмотря на все трудности, вскоре удалось наладить учебные занятия. Вплоть до весны 1920 г. в Хвалыньске курсанты с понедельника по субботу 9 часов в день изучали пулеметное дело, тактику, фортификацию, уставы, наставление по стрелковому делу и другие специальные дисциплины [5, л. 32]. Там же, в Хвалыньске, начальником курсов был назначен бывший царский офицер, полковник артиллерии Александр Евгеньевич Есипов, который и сменил 28 декабря 1919 г. временно исполняющего обязанности начальника курсов

А. Заболотского. Весной 1920 г. после вскрытия Волги курсанты и преподаватели переехали в Вольск и разместились на территории бывшего кадетского корпуса.

В тяжелейших условиях приходилось налаживать учебный процесс на тот момент единственного военно-образовательного учреждения Красной армии в Вольске. Главная трудность заключалась в слабой изначальной подготовке курсантов: для поступления на курсы достаточно было бегло читать и писать, уметь излагать письменно свои мысли, а также знание четырех правил арифметики [6, л. 16]. Ощутимыми были и сложности с подготовкой педагогических кадров, которые частично удалось решить с открытием педагогических курсов для преподавателей военных предметов и комсостава. Особым успехом на этих курсах пользовались занятия по психологии и педагогике [7, л. 56]. 29 июня 1920 г. приказом РВСР № 1227 Вольские пехотные курсы командного состава получили наименование «2-е Вольские пулеметные курсы». Первыми в приказе значились Московские, а 3-ми – Пензенские пулеметные курсы [8, с. 6].

Несмотря на то, что курсы дислоцировались в небольшом провинциальном городе, ввиду своей значимости они имели довольно многочисленный состав. Так, согласно данным Вольского военного комиссариата их численность по состоянию на 14 сентября 1920 г. составляла 1391 человек 71 лошадь на лицо из 1874 человек и 71 лошадь по списку [9, л. 35]. Столь большая разница в фактическом наличии и списочной численности постоянного и переменного состава пулкурсов объяснялась частыми боевыми командировками, речь о которых пойдет ниже.

Буквально через год красным курсантам пришлось наряду с учёбой принимать участие в боевых действиях. Продразверстка и политика военного коммунизма привела к возникновению так называемого «зеленого движения», когда недовольство крестьян принимало форму повстанческого движения. Одним из наиболее известных крестьянских выступлений на территории Саратовской губернии стало восстание, организованное командиром караульного батальона К. Т. Вакулиным. Его отряд численностью порядка 400 человек действовал в южных уездах Саратовской губернии с 18 декабря 1920 г. [10, с. 105]. В феврале 1921 г. основные силы отряда Вакулина были разгромлены, сам он погиб в бою. Из оставшихся в живых повстанцев в районе села Петропавловка бывшим начальником штаба «вакулинского» отряда Ф. Поповым было создано новое формирование.

С целью разгрома банды Попова к Петропавловке выдвинулась боевое соединение под командованием Трунина, состоящее из двух отрядов, возглавляемых Плясунковым и Суровым. Отступая на север по Новоузенскому тракту, Попову удалось захватить несколько населенных

пунктов и уничтожить группу курсантов Самарских пехотных курсов из отряда Плясункова. После этого отряд Сурова, направлявшийся в сторону Пугачевского уезда с целью возможного перехвата противника как раз пополнился батальоном, сформированным из числа военнослужащих 2-х Вольских пехотных курсов. Недалеко от села Журавлиха состоялся ожесточенный бой, длившийся практически всю ночь. Именно в этом бою курсанты Вольских курсов, которые «шли по грудь в снегу», и внесли решающий вклад в разгром «банды» Попова. Потери противника составили 91 человек убитыми и 120 взятыми в плен [1, с. 180].

Однако быстро восстановив свои силы, Попов, двигаясь по территории Хвалынского и Вольского уездов, сумел создать угрозу самому губернскому центру – Саратову. В созданном Губревкомом штабе обороны был разработан оперативный план по борьбе с бандой Ф. Попова, значительная роль в котором отводилась курсантам военно-учебных заведений. В частности, 21 марта 1921 г. курсантам Вольских пулеметных курсов совместно с войсками Вольского района, усиленным бронепоездом, находившимся в самом Вольске, было предписано не допустить прорыва противника через железную дорогу Вольск – Петровск [10, с. 408].

Когда преследуемый Красной армией отряд Попова подошел к Петровску, его поджидали там рота Вольских курсов и Оренбургский батальон особого назначения. Кроме того, основные силы отряда Сурова с остальными вольскими курсантами были на подходе к городу. Поэтому Попов не решился на штурм Петровска. В состоявшемся 3 апреля 1921 г. сражении при Мерлино со стороны села Альшанка на «поповцев» вели наступление цепи вольских курсантов. Попов, потеряв две трети своего личного состава и весь обоз, с остатками сил направился в сторону Донской области [1, с. 183].

Правда, вклад вольских курсантов в разгроме банды Попова, не был поначалу оценен по достоинству. Так, в газете «Петровский набат» 5 апреля 1921 г. была опубликована статья под названием «Разгром банд Попова». В этой статье утверждалось, что решающую роль в сражении при селе Мерлино сыграли бронелетучки и один из кавалерийских полков отряда Сурова [11, л. 8]. Выводы статьи подкреплялись оперативной сводкой от 4 апреля. Согласно приводимым в ней сведениям, в бою под Мерлино был активно задействован отряд Васильева и 1-й кавполк. Батальон вольских курсантов и отдельный батальон ЗВО, как указывалось в сводке, находились в резерве [12, л. 54–54 об.].

С опровержением этих утверждений выступил участник этого боя, комиссар батальона Вольских пулеметных курсов Н. Соломатин. Он доказывал, что группа из 15 курсантов под

его командованием отбила первый натиск кавалерии банды Попова численностью в 300 сабель, что позволило развернуть батальон в боевом порядке под Мерлино против Афросимовского разъезда. После этого, убеждал Соломатин, вся тяжесть боя легла на пехоту и пулеметные курсы, против которых было сосредоточено до 25 пулеметов. Комиссар также указал на «меткий» артиллерийский огонь с собственных же бронепоездов, которые ввиду отсутствия связи били по своим же позициям. Первый кавполк под командованием Сурова, по утверждению Соломатина, отступил, но благодаря курсантам и батальону ЗВО все же остановился и продолжил бой. В результате ожесточенного боя курсантами была освобождена от бандитов деревня Осметовка, где было взято до 20 пулеметов, много винтовок, захвачены обоз и пленные [11, л. 9].

Не исключено, что именно смелые заявления Соломатина со временем помогли восстановить историческую справедливость. 1 мая 1921 г. Вольский революционный комитет пожаловал курсам Красное Знамя за отличия в разгроме банд Попова в период с 27 февраля по 22 апреля 1921 г. [13, л. 187].

26 сентября 1921 г. 2-е Вольские пулеметные курсы комсостава на основании Приказа РВСР от 10 августа 1921 г. были реорганизованы в 111-е Вольские пехотные курсы командного состава [13, л. 343]. Приказ утвердил и организационно-штатную структуру: курсы состояли из двух пехотных батальонов и одного пулеметного отделения [13, л. 346].

Вольские курсанты также принимали участие в боевых действиях по установлению советской власти на национальных окраинах бывшей Российской империи. Так, из поволжских вузов на основании Приказа ГУВУЗа № 193 была сформирована Восточная бригада курсантов, которая была направлена сначала в Азербайджан, а затем – в Грузию. 6-й пехотный полк данной бригады был укомплектован двумя ротами 111-х Вольских пехотных курсов. Весной – осенью 1922 г. практически весь личный состав 111-х Вольских пехотных курсов в составе Туркестанского фронта участвовал в боевых действиях против басмачей в Средней Азии. В это время в Вольске оставалась лишь 1-я рота под командованием К. В. Фельдманиса. Осенью 1922 г. история 111-х Вольских пулеметных курсов подошла к концу. Они были расформированы и объединены с прибывшими в Вольск 19-ми Царицынскими пехотными курсами. Вскоре Царицынские пехотные курсы были переведены в Хвалынский [1, с. 300].

Благодаря своему выгодному географическому расположению на полноводной и глубокой реке Волга город Вольск в годы Гражданской войны, хоть и на короткое время, стал местом подготовки кадров для Рабоче-крестьянского Красного

флота. Ещё 5 мая 1882 г. Указом российского императора Александра III в Кронштадте была основана водолазная школа. Кронштадтская водолазная школа являлась первым в мировой истории военно-учебным заведением, в котором готовили специалистов водолазного дела. В условиях начавшейся Гражданской войны решением Верховной военно-морской коллегии началась эвакуация Учебно-водолазной школы из Кронштадта в город Саратов [14, л. 54]. 29 августа 1918 г. эшелоны с личным составом и имуществом школы прибыли в Саратов и разместились в помещениях дома № 67 по Большой Сергиевской улице. До революционных событий этот дом принадлежал М. И. Кокуевой – вдове Н. П. Кокуева, сына бывшего городского головы Саратова, купца П. И. Кокуева [15, л. 66 об.].

К лету 1919 г. в школе водолазов, бесшменным руководителем которой был военспец, бывший офицер Российского Императорского флота старший лейтенант Георгий Александрович Зилов [2, с. 36], был налажен учебный процесс, приведено в порядок здание школы, начата подготовка к набору новых учеников. Однако при появлении непосредственной угрозы самому Саратову со стороны наступающих войск Деникина, школа была эвакуирована в Казань. 9 августа 1919 г. Водолазная школа убыла из Саратова, оставив по распоряжению Саратовского Военного совета обороны для помощи в защите города курсантов и комиссара. Через некоторое время Г. А. Зилов добился возвращения курсантов школы из Саратова в Казань [15, л. 67]. Волга от Казани находилась далеко, примерно в 6 верстах, поэтому сразу же встал вопрос о поиске более удобного места для размещения школы. Выбор пал на Вольск.

17 сентября 1919 г. весь состав школы водолазов покинул Казань и 20 сентября прибыл в Вольск [15, л. 68]. Здесь школа была размещена в здании ранее существовавшего Пушкинского приходского мужского училища, расположенного на углу Владимирской (ныне ул. Ленина) и Садовой (ныне ул. Красногвардейская) улиц. Именно в этом здании незадолго до его передачи водолазам находился Штаб Особой группы Южного фронта [14, л. 162]. В Вольске был возобновлён набор в военно-учебное заведение и численность личного состава школы заметно возросла. Согласно сведениям Вольского военного комиссариата на 14 сентября 1920 г. численность водолазной школы составляла 216 человек и 3 лошади [9, л. 35].

Несмотря на то, что город в тяжелейших военных условиях предоставил школе водолазов здания под общежитие, классы, клуб, лазарет, канцелярию, баню, начал строительство мастерских, учебный процесс сразу наладить не удалось. Члены комиссии от Управления учебных отрядов и военно-морских учебных заведений 5 октября 1920 г. отмечали, что «оборудованных кабинетов

совершенно не было» и, по словам комиссара, водолазные костюмы «сложены в ящиках» [16, л. 90]. Основную трудность долгое время составляло отсутствие учебного судна, что не позволяло проводить учебные спуски [17, л. 62]. Возможности находившегося в распоряжении школы транспортного судна «Валентина» были крайне ограничены, а соответствовавший учебным целям пароход «Илья Муромец» поступил в распоряжение школы лишь летом 1921 г. [17, л. 161].

Несмотря на отсутствие опытных работников по водолазному делу, потребность в обучении как обычных (валовых) водолазов, так и производителей водолазно-спасательных работ постоянно возрастала. В январе 1921 г. военно-учебное заведение было преобразовано в «Водолазную школу» и «Водолазно-спасательные курсы командного состава». Собственно, двухклассная Водолазная школа была призвана готовить младших водолазов и старших водолазов, а Спасательные курсы командного состава (с более коротким сроком обучения) включали младший класс техников и старший класс техников [18, л. 88].

В условиях нехватки желающих стать профессиональными водолазами были снижены требования по отношению к кандидатам для поступления в школу. Претендент на редкую по тем временам военную специальность должен был иметь «рост не ниже 165 см, возраст от 20 до 40 лет, окружность груди должна была равняться половине роста, при полном вдохе разница должна была составлять не менее 6 см, объем легких должен был быть не менее 3500 см³, способность поднять тяжести (становая тяга) весом не менее 150 кг». Кандидат в водолазы не должен был страдать различными заболеваниями (особенно кожно-венерическими), а также хроническим алкоголизмом [17, л. 13].

Особое место в подготовке водолазов занимали учебные спуски. Однако во время нахождения школы на Волге, в частности в Вольске, спуски производились на глубину не более 20 метров [3, с. 49]. В 1921 г. учебные спуски, как и во время нахождения школы в Саратове в 1919 г., осуществлялись на глубину 19,2 м. в Чёрном Затоне, располагавшемся выше Вольска на 120 верст. После этого учебные спуски были перенесены на 220 верст ниже Вольска в Золотой Затон, где максимальная глубина погружения достигала 27,7 м [19, л. 32–32 об.].

Учебный процесс строился по обычным для данных заведений правилам: вначале курсанты изучали общеобразовательные предметы, а позже приступали к занятиям по специальным дисциплинам. После получения необходимых навыков моряки отправлялись в служебные стажировки в водолазно-спасательные партии, где полученные знания подкреплялись практикой. Из школы техники и старшины отправлялись

к местам дальнейшей службы лишь после того, как их совокупный служебный стаж составит от года и более. Кроме этого, курсанты школы несли службу в карауле и на территории местного гарнизона [15, л. 69]. В феврале 1921 г. в период активных боев против банд Попова, по приказу начальника гарнизона Вольска, военнослужащие водолазной школы несли дозорную службу на втором участке города (ул. Трудовая, Пугачевская, Октябрьская, Красная и берег Волги до ул. Владимирской) [20, л. 1].

Нередко во время проведения учебных спусков водолазный бот обстреливался противником, а иногда курсантам и вовсе приходилось бросать учебные занятия и вступать в бой с белогвардейскими формированиями, действовавшими на территории Саратовского Поволжья [21, с. 40]. Курсанты Кронштадтской школы водолазов во время пребывания в Вольске вынуждены были также оказывать непосредственную военную помощь Вольской военной флотилии в боевой работе. Так, пароход «Илья Муромец» с водолазами Кронштадтской школы осуществлял подъем вооружения и боеприпасов со дна Волги, где затонуло судно с оружием, прибывшее на помощь попавшим в окружение морякам Красной флотилии. Спуски к затонувшему судну происходили прямо во время развернувшегося боя с белогвардейцами. Ценой гибели трёх членов экипажа «Ильи Муромца» боевое задание было выполнено. Поднятые со дна ящики с патронами и стрелковое оружие было передано отряду моряков Вольской флотилии [22, с. 22–25].

За период Гражданской войны в стенах водолазной школы было подготовлено более 200 водолазов [23, с. 36]. Личный состав водолазной школы одним из первых откликнулся на призыв Наркома обороны Л. Д. Троцкого о создании Всеобуча (Всеобщего военного обучения), и военно-учебное заведение в числе первых организовало командирские классы [13, с. 36]. Голод, развернувшийся в Поволжье летом 1921 г., стал причиной эвакуации школы водолазов из Вольска. 30 ноября 1921 г. весь личный состав с имуществом и оборудованием школы железнодорожным эшелоном, насчитывавшем более 40 вагонов, выехал из Вольска [24, л. 48]. 13 декабря 1921 г. Кронштадтская школа прибыла в Петроград [24, л. 54], а через некоторое время вернулась в Кронштадт. Однако к этому времени оставшееся в крепости имущество школы было разграблено, а территория, на которой находился ее учебный полигон, отошла Финляндии. В 1924 г. было принято решение о перебазировании Кронштадтской водолазной школы в Севастополь [25, с. 41].

После окончания Гражданской войны для обучения военнослужащих водолазному делу в СССР стали создаваться Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН). Именно эти военно-учебные заведения стали достойным

приемником Кронштадтской водолазной школы. Следует отметить, что среди выпускников Кронштадтской водолазной школы, обучавшихся в её «вольский» период, были известные руководители ЭПРОНА. Так, ЭПРОН на Каспии до 1942 г. возглавлял Александр Андреевич Кузнецов, закончивший Кронштадтскую водолазную школу в Вольске в 1921 г. [26, с. 101].

Вольск в свое время рассматривался как место дислокации учебного центра, где могла бы проходить подготовка военных топографов для нужд Красной армии. В марте 1918 г. состоялось решение об открытии в стенах бывшего Хвалынского военно-топографического училища курсов военных топографов. Однако в связи с оккупацией восставшим Чехословацким корпусом Хвалынска, Приказом Наркома по военным делам Л. Д. Троцкого было принято решение в качестве места формирования курсов выбрать Вольск. После того, как войсками Красной армии Хвалыньск был освобожден, выяснилось, что имущество бывшего училища пропало. Вслед за этим последовало решение о создании курсов военных топографов в Петрограде. Эти данные подтверждаются Изменениями в Приказе Народного комиссара по военным делам от 1918 г. № 565, согласно которым было установлено открыть Военные топографические курсы не в г. Вольске, а в Петрограде [27, с. 142].

Таким образом, в годы Гражданской войны провинциальный город Вольск стал одним из центров военной подготовки новых «красных» командных кадров и военных специалистов для Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота. Помимо обучения военному ремеслу в стенах вольских пулеметных курсов и школы водолазов, курсанты приняли активное участие по защите молодого советского государства в боях с белогвардейцами и бандами Попова, установлению Советской власти в Закавказье и Средней Азии.

Список литературы

1. Симонов А. А. Краткосрочные временные военно-учебные заведения в Саратовском Поволжье. 1915–1923 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 301 с.
2. Новожилов А. В. 135 лет школе водолазов Военно-морского флота // Морской сборник. Журнал Военно-морского флота. М. : Красная Звезда, 2017. № 6. С. 34–40.
3. Боровиков П. А. Водолазное дело в России. М. : Мысль, 2005. 242 с.
4. Муниципальный архив Вольского муниципального района (далее – МА ВМР). Ф. Р-633 (Коллекция документов по истории и краеведению г. Вольска и Вольского района). Оп. 2. Д. 10.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25103 (111 Вольские пехотные курсы). Оп. 1. Д. 17.

6. МА ВМР. Ф. Р-32 (Вольский городской военный комиссариат Саратовского областного комиссариата по военным делам). Оп. 1. Д. 415.
7. РГВА. Ф. 25103. Оп. 1. Д. 16.
8. Сборник приказов Революционного военного совета Союза Советских Социалистических республик. № 1003–1664. Петроград ; Москва : [Б. и.], 1920. 533 с.
9. МА ВМР. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 183.
10. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. В 2 т. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР : сб. док. / сост. А. А. Ходак, Л. М. Чижова, А. Йожа и др. М. : Политиздат, 1968. 515 с.
11. РГВА. Ф. 25889 (Управление Приволжского военного округа). Оп. 1. Д. 884.
12. МА ВМР. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 5.
13. РГВА. Ф. 25103. Оп. 1. Д. 26.
14. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. Р-118 (Водолазная школа учебного отряда морских сил Балтийского моря. 1918–1924). Оп. 1. Д. 1.
15. РГА ВМФ. Ф. Р-7 (Управление военно-морских учебных заведений Народного комиссариата Военно-Морского Флота. г. Ленинград. 1917–1940). Оп. 1. Д. 62.
16. РГА ФМФ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 117.
17. РГА ВМФ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 263.
18. РГА ВМФ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 232.
19. РГА ВМФ. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 15.
20. МА ВМР. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 4.
21. Максименко В., Сокольский И. Юбилей кузницы водолазных кадров // Спортсмен-подводник. М. : Издательство ДОСААФ СССР. 1982. № 67. С. 38–44.
22. Золотовский К. Подводные мастера. М. : Издательство детской литературы, 1938. 112 с.
23. Тарануха Е., Краморенко А., Скакун А., Фирсанов С. 140 лет Кронштадтской водолазной школе // Морской сборник. Журнал Военно-морского флота. М. : Красная Звезда. 2022. № 5. С. 30–37.
24. РГА ВМФ. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 16.
25. Боровиков П. А. Иллюстрированная история водолазного дела в России. М. : Моркнига, 2008. 160 с.
26. Чикер Н. П. Служба особого назначения. Хроника героических дел. М. : ДОСААФ, 1975. 224 с.
27. Систематизированный справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и распоряжений правительственных органов центральной советской власти по вопросам, относящимся к ведению Народного комиссариата по военным делам за 1917–1918 гг. / Мобилизационное управление Всероссийского Главного штаба. М. : Официальное издание Всероссийского Главного Штаба (Мобилизационное управление), 1919. 266 с.

Поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 24.10.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 24.10.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 279–283

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 279–283

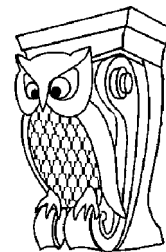
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-279-283>, EDN: ZSLIMX

Научная статья

УДК [353.2:351.82:343.352.4](470.44)|192|

Деятельность Саратовской губернской комиссии Губернского совета народного хозяйства по борьбе со взяточничеством в 1920-е годы

П. П. Федотов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Федотов Павел Павлович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Fedotov-pp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1019-0229>

Аннотация. В статье исследована деятельность комиссии по борьбе со взяточничеством при Саратовском губернском совете народного хозяйства. Анализируются методы работы комиссии и стратегии борьбы с коррупцией в советских экономических органах в начале 1920-х гг. Автор изучает результаты деятельности комиссии как одну из первых чисток в советских органах после утверждения НЭПа.

Ключевые слова: Губернский Совет Народного Хозяйства, комиссия по борьбе со взяточничеством, Саратовская губерния, НЭП, РКП(б)

Для цитирования: Федотов П. П. Деятельность Саратовской губернской комиссии Губернского совета народного хозяйства по борьбе со взяточничеством в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 279–283. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-279-283>, EDN: ZSLIMX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The activities of the Saratov Provincial Commission of the State Agricultural Committee on combating bribery in the 1920s

P. P. Fedotov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Pavel P. Fedotov, Fedotov-pp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1019-0229>

Abstract. The article examines the activities of the anti-bribery commission under the Saratov Provincial Council of National Economy. The methods of the commission's work and strategies for combating corruption in Soviet economic bodies in the early 1920s are analyzed. The author studies the results of the commission's activities as one of the first purges in Soviet bodies after the approval of the NEP.

Keywords: Provincial Council of National Economy, anti-bribery Commission, Saratov province, NEP, RKP(b)

For citation: Fedotov P. P. The activities of the Saratov Provincial Commission of the State Agricultural Committee on combating bribery in the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 279–283 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-279-283>, EDN: ZSLIMX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После окончания Гражданской войны и перехода к НЭПу в условиях всеобщего социально-экономического кризиса, несовершенства законодательства и отсутствия общественного контроля над деятельностью органов государственной власти в советской России происходило разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции. В кампании по борьбе со взяточничеством власть придерживалась идеологии классовой борьбы [1, с. 3]. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский на заседании Политбюро ЦК в августе 1922 г. с тревогой констатировал опасность

«разложения и растлевающей деятельности хозяйственных органов» [2, с. 139] и призывал к энергичной борьбе со взяточничеством, как пережитком прошлого [3, л. 38].

Советская власть приняла комплекс мер по борьбе со взяточничеством: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР», активизация органов прокуратуры и рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), широкое привлечение общественности, в частности, через периодическую печать, наконец, создание 1 сентября 1922 г.

Центральной комиссии по борьбе со взяточничеством при Совете труда и обороны (СТО) во главе с Ф. Э. Дзержинским. Помимо представителя Государственного политического управления (ГПУ) З. Б. Кацнельсона, который играл ключевую роль, в комиссию вошли Н. В. Крыленко (Наркомюст), А. И. Свидерский (РКИ) и И. Н. Смирнов (ВСНХ) [4, л. 8].

Вскоре по всей стране были созданы ведомственные комиссии по борьбе со взяточничеством. Одна из первых таких комиссий во главе с И. Н. Смирновым возникла при ВСНХ [5, с. 23]. В Саратовской губернии комиссия по борьбе со взяточничеством при местном Губернском совете народного хозяйства (ГСНХ) была создана 1 декабря 1922 г. и подчинялась напрямую СТО. В ее состав вошли: председатель ГСНХ, заместитель коммерческого директора торгового объединения (ГубТорг) ГубСНХ и секретарь президиума И. Н. Таланов. Деятельность Саратовской губернской комиссии ГСНХ по борьбе со взяточничеством (далее – комиссия) опиралась на циркуляр Наркомюста № 57 от 9 октября 1922 г. «Об объеме понятия взятки» [6, с. 11]. По предложению председателя ГСНХ решили не создавать специальные комиссии по отделам ГСНХ, а назначить уполномоченных. На уезд-

ном уровне комиссия сформировала «тройки» по борьбе со взяточничеством [7, л. 1].

В феврале 1923 г. в состав комиссии ввели представителя от профсоюзов с правом решающего голоса. В случае разногласий между комиссией по борьбе со взяточничеством и профсоюзом по вопросу увольнения того или иного сотрудника спорный вопрос передавался на окончательное разрешение в Экономическое совещание Губернского исполнительного комитета. При этом если возникали разногласия между профсоюзом и Центральной ведомственной комиссией по борьбе со взяточничеством, то дела передавались в бюро при СТО [7, л. 2].

В ходе антикоррупционной кампании во всех отделах ГСНХ появились специальные ящики с сургучной печатью для жалоб и заявлений в комиссию о фактах нарушения законов и злоупотреблений. Ключи от ящика хранились у секретаря комиссии. Ящик вскрывался по пятницам. Собрания назначались по субботам в 2 часа в кабинете председателя ГСНХ [7, л. 3].

Популяризация работы нового органа должна была осуществляться через газету «Саратовские известия». В частности, в статье «Борьба со взяточничеством. К населению Саратовской губернии» отмечалось, что «взяточничество – это величайшее зло, развращающее как население, так и правительственных работников» [8, с. 3]. Губисполком обращался к населению Саратовской губернии с призывом помочь в борьбе с коррупцией: «Имейте гражданское мужество и смелость, не боясь никаких неприятных последствий, шлите заявления в Губпродком и на местах уездным уполномоченным ГПУ и сообщайте о всех случаях взяточничества» [8, с. 3].

Активное участие в борьбе с коррупцией принимала Саратовская губернская рабоче-крестьянская инспекция. Так, в порядке ревизии в инспекцию поступил на проверку договор, составленный председателем Губсельтреста о продаже товариществу «Промкооп» «громадной партии мануфактуры» на 18 млрд руб. Членов инспекции «поразили» низкие цены, по которым была продана мануфактура. Помимо этого, «Промкооп» заплатил на момент продажи только 1/6 часть средств. Материалы сделки были переданы губернскому прокурору [9, с. 3].

Деятельность комиссии по борьбе со взяточничеством пришлось на очень тяжелый в хозяйственном плане год в Саратовской губернии. Видный деятель местного ГСНХ К. Е. Плаксин отмечал, что «первая половина 1922 года проходила под давлением стихийного бедствия неурожая, страшного голода, и все внимание было направлено для борьбы с голодом» [10, с. 18]. С введением НЭПа уровень заработной платы государственных служащих не увеличился. Кроме того, многие выходцы из социальных низов стремились использовать свои властные возможности для удовлетворения материальных

И. Н. Таланов, секретарь комиссии по борьбе со взяточничеством при Саратовском ГубСНХ (СМК 22408/61)

потребностей, как отмечал С. В. Воробьев, «конвертировали их в вещественные радости жизни» [11, с. 61]. В совокупности все это не могло не сказываться на формировании благоприятной среды для процветания коррупции в советских органах.

В феврале 1923 г. комиссия по борьбе со взяточничеством при ГубСНХ приступила к заполнению анкет сотрудниками Управления трестовых объединений и просмотру личного состава в губернском масштабе. В основу работы по проверке личного состава была положена борьба со взяточничеством в прямой и скрытой форме, хищениями, злоупотреблениями, незаконным посредничеством и маклерством, использованием служебного положения в личных целях, а также проверка сотрудников с политической и хозяйственной стороны: кто из них является торговцем или имеющим свою торговлю, занимается кустарничеством с применением наемного труда. Большое внимание уделялось совместительству должностей и совместной службе родственников [12, л. 26].

При просмотре анкет все сотрудники были разделены на 6 основных групп: 1) подлежащие оставлению на службе, 2) подлежащие сокращению за ненужностью или по несоответствию, 3) подозреваемые, требующие выяснения, 4) подозреваемые, требующие увольнения, 5) подлежащие занесению в секретный список, 6) подлежащие преданию суду [13, л. 27] (таблица).

К второй группе относились сотрудники, к которым не было никаких политических или экономических претензий, но их критиковали за безынициативность. В третью группу вошли лица, которые своим поведением вызвали подозрение в преследовании личных интересов и выгод. Против них не было конкретного материала, но составлялся вывод из анализа работы

служащего в целом. За лицами из этой группы устанавливалось наблюдение. В случае подтверждения они становились кандидатами на увольнение. В четвертую группу вносились лица, против которых имелся конкретный материал в совершении ими неблагонадежных поступков. Архивные документы свидетельствуют о том, что материалов было так мало, что подозреваемых невозможно было привлечь к суду. К пятой относили людей, которые принесли заметный хозяйственный и политический вред Республике, т. е. тех, кого нужно было внести в секретный список [13, л. 27].

Всех лиц второй, четвертой и шестой групп предлагалось уволить с соблюдением всех правил кодекса о труде. Причем лица второй группы увольнялись с формулировкой «о несоответствии своему назначению или ненужности», четвертой – «по постановлению Губкомиссии по борьбе со взяточничеством или происходящую чистку». Шестые предавались суду [13, л. 27].

В целях предохранения аппарата ГСНХ от засорения ненужным элементом, уволенным по чистке из других советских учреждений, при ГСНХ создавалась аттестационная комиссия из представителей администрации, местного комитета партии и комиссии по борьбе со взяточничеством, в состав которой входили три члена партии при трестах и уездных объединениях [13, л. 28]. После проверки и чистки личного состава аппарата были подвергнуты пересмотру все штаты Управлений ГСНХ и Губернских управлений. Для этого создавалась «тройка». В уездах проверка осуществлялась в порядке проводившейся плановой работы ГСНХ. Такой пересмотр осуществлялся по экономическим причинам под углом зрения научной организации труда ради сокращения накладных расходов на продукцию. С политической стороны штат проверялся первоначально [13, л. 30].

Количество сотрудников, уволенных в учреждениях ГСНХ по решению комиссии по борьбе со взяточничеством в 1923 г.

Учреждение	Количество анкет сотрудников	Количество сотрудников в группе						Процент сокращений
		1-я гр.	2-я гр.	3-я гр.	4-я гр.	5-я гр.	6-я гр.	
По функциональному управлению*	187	176	11	–	–	–	–	6
По Губернским трестам* ²	920	842	41	24	13	–	–	9
Уездные объединения* ³	589	499	62	10	17	1	–	15
Уездн. отд. ГСНХ* ⁴	81	76	1	3	1	–	–	6

Примечание. * – Управление делами, Финансово-коммерческое управление, Промышленно-экономическое управление, Отдел рег. торговли, Рауспирт, Управление уполномоченных ГУТ, Электроуправление; *² – Губторг, Комбинат, Гублес-пром, Маслотрест, Объедин. Химическ. зав. Полиграфпром, Кожпром, Метпром, Фабрика «Саратовская мануфактура», Табачная фабрика, Государственная строительная контора; *³ – Аткарский управгоспр., Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Сердобский, Хвалынский; *⁴ – Уездн. отд. ГСНХ: Б-Карабулакское, Дергачевское, Еланское, Новоузенское. Сост. по: [7, л. 20].

Одной из задач Губкомиссии была проверка торговой деятельности органов ГСНХ путем контроля и просмотра договоров, заключенных с 1 января 1923 г. с государственными учреждениями, кооперативами и частными лицами. Результатом данной проверки являлась точная характеристика всей торговой деятельности как с политической, так и с экономической точек зрения. Количество расторгнутых договоров характеризовало уровень работы членов экономических органов и трестов. В агентурном деле обращалось внимание на недостачу грузов, а в складском – на порчу продукции. [13, л. 31]

В скором времени деятельность комиссии дала свои результаты. Так, 23 января 1923 г. на заседании Правления Балашовского Уездного отделения Всероссийского союза рабочих полиграфического производства разбирались «преступные действия» заведующего типографии. Правление Союза обнаружило ряд фактов, устанавливающих преступные действия, на основании которых делался вывод, что обвиняемый извлекал личные выгоды. В частности, в июне 1922 г. заведующим типографией на личные надобности было выписано 20 000 000 рублей (по номиналу денежных знаков 1921 г.). Между тем расход этот был фиктивно снесен якобы на командировку некоего Васильева за бумагой. В июле 1922 г. заведующим типографией был принят заказ от Уездного отделения народного образования на изготовление 28.500 экз. ученических тетрадей. Они были сделаны, но в книгах типографии о них почти нигде упоминаний не было (кроме журнала книжных заказов) и, согласно бухгалтерии, счета на них не выписывались [7, л. 5].

Позже был установлен факт взятия заведующим типографией еще 50 000 000 рублей. Деньги эти сносились в расход по ордерам за мытье полов как жалование поломойке. По документам она получала за каждое мытье полов 15 000 000 рублей, а расписывалась за 25 000 000 рублей. В документах сумма представлялась позже. В конечном итоге предлагалось довести изложенные факты до сведения Управгоспрома и Упрофбюро и просить отстранения заведующего типографией [13, л. 5]. Таким образом, проверяя сообщения о взятках и ведя свою деятельность, комиссия просматривала документацию на местах, сопоставляла ее с бухгалтерской.

Некоторые служащие делали запрос в комиссию о себе для разъяснения о том, нарушают ли они какие-либо нормы закона. Так, среди архивных материалов удалось обнаружить заявление председателя правления Саргосстроя инженера Богдзевича о его совместной службе с женой, которая работает в ГСНХ на должности машинистки с 1921 г. Инженер переживал, что работа двух супругов в одном ведомстве может быть расценена как элемент коррупции. Комиссия ре-

шила, что препятствий в совместной службе нет [7, л. 7].

В феврале 1923 г. промышленно-экономическое управление ГСНХ предложило освободить от должности инженеров Петрова, Кошелева, Турчанинова, архитектора Малинина, статистика Табакову. В конечном отчете о работе Губернской ведомственной комиссии по борьбе со взяточничеством содержалось разъяснение о причинах снятия с должностей: Малинин увольнялся «ввиду перегрузки работой в других должностях», а все остальные – по несоответствию [13, л. 15]. Интересно, что Табакова в итоговом отчете вообще не упоминается. Возможно, это связано со сменой фамилии.

В данном ключе интересен отчет уполномоченного по борьбе со взяточничеством в Хвалынском Управгоспроме. Он сравнивал коррупцию в Советском Союзе с контрреволюцией, называя взятку «злом» [7, л. 18]. Приступая к выполнению задания комиссии при ГСНХ, уполномоченному удалось завербовать из служащих осведомителей членов РКП (б). К марту 1923 г. в Хвалынске таких осведомителей было двое: один служащий при Управгоспроме, второй – при маслозаводе. Функции первого осведомителя распространялись на два магазина и складские помещения [7, л. 18]. Сложно говорить об эффективности института осведомительства и о том, можно ли сравнивать его с доносительством 1930-х гг. Главное, что основным инструментом борьбы с коррупцией признавалось анкетирование.

Уполномоченные знакомились с личной жизнью служащего, его поведением и семейным укладом. Несмотря на то, что при Управгоспроме имелся ящик для заявлений о взяточничестве, в течение долгого времени ни одного заявления в нем не было. На вверенной уполномоченному территории массовых преступлений не было обнаружено органами внутренних дел. Кроме одного. Заведующий Хвалынским меломольным заводом Астафьев был уличен в недостаче 200 пудов нефти. Расследование на момент работы комиссии продолжалось. Дело лишь успели передать в суд [7, л. 18].

В целом положение в Хвалынске считалось удовлетворительным. В отчете Саратовского губернского совета народного хозяйства отмечалось, что все заключенные договоры являлись правомерными и хищения в поставках масла в Саратов отсутствовали. На складских помещениях осуществлялся постоянный надзор, велся подробный учет приема и выпуска товаров и материалов записями в соответствующих книгах. Наличие товаров периодически сверялось по книгам бухгалтерии. Усушки, потери и изменения товаров на складах хранения незначительные. За состоянием складов следили очень пристально, старались рационализировать их количество и стремились приспособить их для хранения разных типов товаров [14, с. 155].

Из таблицы видно, что за 4 месяца работы комиссии в различных учреждениях ГСНХ чистке подверглись от 6 до 15% работников. Причины увольнений были самые разнообразные: по несоответствию (25 чел. – 13,6%), за ненадобностью (13 чел. – 7,1%); за сокращением должности (10 чел. – 5,4%); по ликвидации складов и учреждений (13 чел. – 7,1%); за небрежное отношение к делу (12 чел. – 6,6%); за грубость и чиновничество (1 чел. – 0,5%); за антисемитизм и леность (1 чел. – 0,5%), за недобросовестное отношение (11 чел. – 6%); по совместительству (4 чел. – 2,1%), как ненужный элемент (1 чел. – 0,5%); за пьянство (5 чел. – 2,7%); за спекуляцию (4 чел. – 2,1%); за политическое прошлое (4 чел. – 2,1%); как занимающихся сельским хозяйством (11 чел. – 6%); за кляузничество (1 чел. – 0,5%); за варку самогона (1 чел. – 0,5%); по родству (7 чел. – 3,8%); как балласт (2 чел. – 1%), за побои рабочих (1 чел. – 0,5%); за взятку (4 чел. – 2,1%); за хищение (6 чел. – 3,2%); за подлог (2 чел. – 1%).

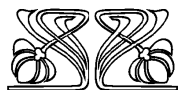
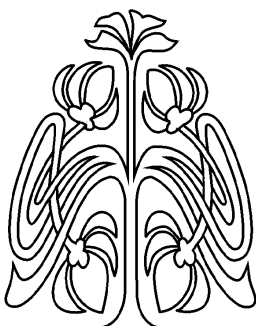
Судя по причинам и количеству уволенных, комиссия стала чем-то большим, чем просто временным органом по борьбе со взяточничеством. Была проведена масштабная кадровая ревизия, вырабатывались механизмы недопущения уволенных сотрудников на аналогичные должности в другие ведомственные органы. В ходе кампании были предприняты попытки внедрения элементов общественного контроля над работой госаппарата через периодическую печать и организацию различных бюро, столов и ящиков жалоб для населения. В циркулярном письме в комиссию по борьбе со взяточничеством при ВСНХ от 20 июля 1923 г. сообщалось, что комиссия в Саратовской губернии ликвидирована, а отчет был направлен в Москву 12 мая [12, л. 18].

Поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025

Список литературы

1. Гершберг С. Р. В. И. Ленин и создание ВСНХ // Вопросы истории. 1958. № 7. С. 3–24.
2. Дзержинский Ф. Э. Государственная безопасность. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 256 с.
3. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991). Оп. 84. Д. 431.
4. РГАСПИ. Ф. 19 (Протоколы СНК, Малого Совнаркома и СТО РСФСР). Оп. 3. Д. 346.
5. Борисова Л. В. «Пользуйтесь случаем – уничтожайте паразитов-взяточников»: первая программа борьбы со взяточничеством в советской России (1922–1923 гг.) // Вестник РУДН. 2007. № 3 (9). С. 21–33.
6. Циркуляр Народного комиссариата юстиции от 25.09.1922 № 86 «О мерах по борьбе со взяточничеством» // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 35.
7. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. Р-48 (Советы народного хозяйства и подведомственные им организации и предприятия Саратовской губернии и Нижне-Волжского края. 1917–1932). Оп. 1а. Д. 5.
8. Борьба со взяточничеством. К населению Саратовской губернии // Саратовские известия. 1922. № 246.
9. Инспекция на страже // Саратовские известия. 1922. № 253. С. 3.
10. СОМК (Саратовский областной музей краеведения). СМК 34620/352. Пятилетие Саратовского губернского совета народного хозяйства.
11. Воробьев С. В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 2. С. 60–71.
12. ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 1а. Д. 3.
14. СОМК. СМК 34620/363. Отчет о деятельности Саратовского губернского совета народного хозяйства.

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36018
Оформить подписку на печатную версию
можно в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

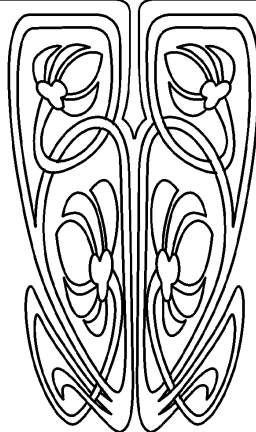
Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2025.
Том 25, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

